

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРИ

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Томъ тридцать седмой.

ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЬЕ.

1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Марта 22 дня 1861 года.

Московская Духовная Академія.

Цензоръ, Виѳанской Семинарии Ректоръ, Архимандритъ *Порфирій*.

1. О ШЕСТОДНЕВЪ

СЛОВО ЗАЩИТЕЛЬНОЕ БРАТУ ПЕТРУ.

—

Что ты дѣлаешь, человекъ Божій, приказывая намъ отважиться на недоступное для человека, взяться за такія дѣла, въ которыхъ не только не возможно имѣть успѣхъ, но за которыя и приниматься, по моему понятію, не безукоризненно? Что у великаго Моисея, въ его любомудренномъ но божественному вдохновенію сказаніи о міробытіи, по первоначально представляющемуся значенію написаннаго, кажется заключающимъ въ себѣ противорѣчіе, велѣлъ ты намъ, отыскавъ въ этомъ нѣкій сообразный съ предметомъ смыслъ, привести во взаимную связь, доказать, что святое Писаніе само съ собою согласно, и сдѣлать это послѣ того богодухновеннаго обзрѣнія, какое оставилъ объ этомъ отецъ нашъ, которому всѣ читавшіе,

поступая, по моему мнѣнію, хорошо и справедливо, дивятся не меньше, какъ и любомудренному сказанію самаго Моисея.

Какое отношеніе имѣеть къ зерну колось, который изъ зерна, и не зерно, лучше же сказать, тоже зерно по внутренней силѣ, по отличенъ отъ него по величинѣ, по красотѣ, по разнообразію и по наружному виду; такое же отношеніе (можетъ сказать пшій) къ сказанному великимъ Моисеемъ имѣють мысли, при люботрудномъ обзорѣни обработанныя великимъ Василиемъ. Чтò Моисей выразилъ немногими и опредѣленными реченіями, то учитель нашъ, возрастивъ возвышеннымъ любомудріемъ, по образу того, унодобляемаго царствію, горушичнаго зерна (Матѣ. 13, 31.), которое въ сердцѣ дѣлателя возрастаетъ въ дерево, содѣлалъ не колосомъ, но деревомъ; и оно повсюду изобилуетъ мыслями, вмѣсто вѣтвей распространяетъ ученія, и съ благочестивою цѣлю простирается въ высоту, такъ что возвышенныя и превыспреннія души, въ евангеліи называемыя *птицами небесными* (32), по величинѣ таковыхъ вѣтвей могутъ гнѣздиться на нихъ; потому что душѣ, какъ бы нѣкимъ гнѣздомъ служить соглашеніе вопросовъ, унокоевающее собою эту пытливость ни на чемъ не останавливающагося ума, которая подобна какому-то туда и сюда кружащемуся полету.

Посему возможно ли противъ такого столь

великаго дерева словесъ насадить малую вѣтвь нашего разумѣнія? Или ты и не приказывашь этого? Да и я никогда не рѣшился бы трудолюбію нашего отца и учителя противопоставить свой трудъ? Но садовники дѣлають чудеса, умудряясь на одномъ деревѣ разнообразить плоды. И такой у нихъ способъ воздѣлыванія растѣній: сорвавъ съ другаго дерева малый лезестокъ съ продолженною при основаніи кожицею, на другомъ больномъ растѣніи вкладываютъ сію кожицу въ разрѣзъ какой либо его части, чтобы вложенное, питаясь естественнымъ сокомъ большаго растѣнія, отродилось въ вѣтвь. Такъ и я, разумѣніе свое, какъ нѣкій малый отпрыскъ, срастивъ влагой великаго дерева—мудростию нашего учителя, попытаюсь сдѣлаться его вѣтвю, сродняясь, сколько для меня это возможно, съ его мыслями, и появаясь общіемъ сообщаемыхъ мнѣ въ нихъ поводовъ къ размышленію.

Ибо думаю, что нѣкоторые не выразумѣли хорошо цѣли написаннаго имъ въ Шестодневѣ; а поэтому винять его въ томъ, что не сообщилъ имъ яснаго вѣдѣнія о солнцѣ; почему свѣтило сіе послѣ трехъ дней особо создается, а не вмѣстѣ съ другими звѣздами; такъ какъ не возможно дневной мѣрѣ опредѣляться утромъ и вечеромъ, если солнце не станетъ непременно производить вечеръ своимъ захожденіемъ, и утро восхожденіемъ.

А также не допускаютъ созданія двухъ небесъ, говоря: хотя Апостоль упоминаетъ о третіемъ небѣ (2 Кор. 12, 2.), тѣмъ не менѣе въ разсужденіи сего остается сомнѣніе; потому что въ началѣ сотворено одно небо, а потомъ твердь, объ иномъ же небѣ, то есть, о вторичномъ твореніи, не написано у Моисея, и не лзя доказать, что подъ сими двумя (а) разумѣется и третіе небо, такъ какъ ни послѣ тверди не сотворено иное небо, ни выраженіе: *въ началѣ* не позволяетъ подразумѣвать какого либо прежде бывшаго неба. Если въ началѣ сотворено небо, то явно, что тогда началось твореніе. Не согласно было бы съ разумомъ наименовать началомъ, что имѣетъ другое высшее себя начало. Что занимаетъ второе по порядку мѣсто, то—не начало, и не называется началомъ. Но Павелъ дѣлаетъ упоминаніе и о третіемъ небѣ, о которомъ не говорится при описаніи творенія. Значитъ и здѣсь упоминаніе о второмъ небѣ принадлежитъ къ числу вопросовъ.

Предлагающіе это и подобное сему не обращаютъ вниманія, кажется мнѣ, на ту цѣль ученія, какую имѣлъ отецъ нашъ, который, бесѣдуя въ Церкви многолюдной при такомъ стеченіи народа, по необходимости соображался

(а) Небомъ и твердію.

съ приѣмлющими слово. Въ такомъ числѣ слушателей, хотя много было способныхъ разумѣть слова болѣе возвышенныя, однакоже большая часть не могла слѣдовать за болѣе тонкимъ размыканіемъ мыслей; какъ люди простые, трудящіеся, занятые сядячими работами, какъ собраніе женъ, не учившихся такимъ наукамъ, и толпа дѣтей, и престарѣлыя по лѣтамъ, все они имѣли нужду въ такой рѣчи, которая удобопонятнымъ наставленіемъ посредствомъ видимой твари, и того, что въ ней хорошаго, руководила бы къ познанію все Сотворившаго. Почему, если кто будетъ судить о сказанномъ, соображаясь съ цѣлію великаго учителя; то не найдетъ никакого недостатка въ словахъ его. Ибо велъ не такую рѣчь, въ которой съ жаромъ оспориваются предлагаемыя возраженія, но всецѣло былъ занятъ простѣйшимъ истолкованіемъ реченій, чтобы предложить слово полезное для простоты слушающихъ, и чтобы вмѣстѣ толкованіе его, указуя на многоразличныя ученія вышшняго любомудрія, удовлетворяло нѣсколько и слушателей, способныхъ разумѣть высшее; а такимъ образомъ и для простаго народа было оно понятно, и въ свѣдущихъ возбуждало удивленіе.

Но ты, какъ бы на горѣ Синаи, оставивъ внизу многочисленный народъ, и превысивъ другихъ разумѣніемъ, усиливася съ великимъ Моисеемъ войти въ тотъ мракъ созер-

цанія тайнъ, въ которомъ былъ онъ, и видѣлъ незримо, слышалъ неизглаголанное словомъ, и стараешься узнать необходимый порядокъ творенія, почему по приведеніи въ бытіе неба и земли, свѣтъ, чтобы стать свѣтомъ, ожидалъ Божія повелѣнія, а тма была уже и безъ повелѣнія? И если свѣту ничего не доставало къ тому, чтобы озарить лежащій внизу воздухъ, и опредѣлить время дня и ночи; то какая была потребность въ устроеніи солища? И если вмѣстѣ съ небомъ въ началѣ приведена въ бытіе земля; то почему приведенное въ бытіе было не устроено? Ибо устроить и сотворить не представляется въ понятіи чѣмъ либо различнымъ. А если сотворить тоже, что и устроить, то почему сотворенное не устроено? И въ разсужденіи влажной сущности встрѣчаются затрудненія; а именно поверхъ небснаго свода, имѣющаго видъ шара, не возможно держаться чему либо текучему. Ибо чѣмъ утверждена влага на скатѣ, когда влажное по всей необходимости съ выпуклости шара стекаетъ на наклонныя ея части? Какъ при непрестанномъ движеніи того, что подъ влагою, будетъ она имѣть въ себѣ постоянство, всегда скользя на собственномъ своемъ основаніи? Почему не разсѣется при самомъ быстромъ вращеніи полюса, безъ сомнѣнія отталкивающаго то, что на немъ? Да и утрата влажнаго естества невѣроятною кажется воз-

ражающимъ; потому что въ равной всегда мѣрѣ видимы собранія водъ въ источникахъ, рѣкахъ, озерахъ, исключая только нѣкоторые источники, которые, свое обиліе водъ заимствуя съ земной поверхности, изливаютъ на-полняемое дождями и снѣгами, и подобно временнымъ потокамъ, по приливу сверху, и убываютъ и увеличиваются. Объ источникахъ же, изъ которыхъ изливается непрерывный токъ, безъ всякаго умаденія или приращенія, по необходимости признано, что въ нихъ не утрачивается влажная сущность; потому что расточаемое не можетъ всегда оставаться въ равной мѣрѣ. Да и огонь, если бы дѣйствительно онъ истреблялъ воду, не оставался бы не возрастающимъ въ собственной своей мѣрѣ, и не усиливающимся. Ибо отъ истребленія горючаго вещества невозможно не возрастать естеству огня.

Итакъ, если, любопытствуя о семъ и подобномъ сему, усиливаешься познать все возвышенное, то самъ своею мудростію можешь увидѣть и что сокрыто во мракѣ Моисеева видѣнія, не къ другому кому обращаешь, но къ той благодати, которая въ тебѣ, и глубины Божіи нещутя тѣмъ Духомъ откровенія, Который является въ тебѣ по молитвамъ. Но какъ, по апостольскому закону, надобно намъ угождать другъ другу ради любви, и достойному похвалы рабу свойственно приводить въ

исполненіе, что ему приказано; то въ краткихъ словахъ, сколько это возможно, попытаюсь открыть объ этомъ свою мысль, молитву твою употребляя въ сборникъ слову. Но прежде нежели приступлю къ дѣлу, пусть будетъ засвидѣтельствовано, что не предложимъ ученій противныхъ тому, что о міробытіи любомудрствовалъ святой Василій, хотя бы слово наше, по какой либо послѣдовательности мыслей, пришло и къ иному истолкованію. Напротивъ того Василіево да удерживаетъ за собою верхъ, уступая первенство одному богдохновенному завѣту; а наше да предлагается читателямъ, какъ ученическое въ какомъ либо училищѣ упражненіе, отъ котораго никому никакого не произойдетъ вреда, если и найдется въ сказанномъ нѣчто несогласное съ общимъ мнѣніемъ. Ибо слова сего не выдаемъ за догматъ, чѣмъ подали бы поводъ клеветникамъ, но признаемъ, что упражняемъ только свое разумѣніе въ предлагаемыхъ мысляхъ, а не истолковательное ученіе излагаемъ въ послѣдующемъ. Посему никто да не требуетъ отъ моего слова, чтобы оно завязало рѣшеніемъ затрудненій, представляемыхъ намъ изъ святаго Писанія, и изъ того, что правильно истолковано нашимъ учителемъ, и кажется не согласнымъ съ общими мнѣніями. Мнѣ предлежитъ не то, чтобы придумать какое либо оправданіе противорѣчіямъ, представляющимся

съ перваго взгляда. Напротивъ того да будетъ дозволено, свободно и сообразно съ моею цѣлю, изслѣдовать смыслъ рѣченій; если только въ состояніи буду, при помощи Божіей, оставляя въ словахъ собственную ихъ выразительность, придумать какое либо связное и послѣдовательное представленіе совершившагося во время творенія.

Сказано : *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю* (Быт. 1, 1.), и за симъ все, что содержитъ въ себѣ слово о міробытіи, сказуется приведеннымъ въ бытіе въ продолженіе шестоднева. Но прежде изслѣдованія написаннаго надлежитъ, думаю, согласиться слову въ томъ, что въ Божескомъ естествѣ изволенію со-путственно могущество, и мѣрою Божія могущества служитъ воля. Воля же есть премудрость; и премудрости свойственно не познавать, какъ можетъ произойти каждая вещь. А съ вѣдѣніемъ неразрывно и могущество; почему совокушо съ тѣмъ, какъ позналъ Богъ, чему должно произойти, воздѣйствовама и творящая существа сна, приводя въ дѣйство умопредставленное, и въ слѣдствіе вѣдѣній ни въ чемъ не обманываясь, такъ что согласно и нераздѣльно съ рѣшеніемъ воли оказалось и дѣло. Ибо рѣшеніе воли въ Богѣ есть вмѣстѣ и могущество напередъ предъизволяющее, чтобы существа пришли въ бытіе, и предуготовляющее поводы къ осуществленію умо-

представленнаго. Посему въ дѣлѣ творенія должно представлять себѣ въ Богѣ все въ совокупности, волю, премудрость, могущество, сущность существъ. А когда сіе дѣйствительно такъ; някто да не затрудняетъ самъ себя, доискиваясь и спрашивая о веществѣ: какъ и откуда оно? Ибо, слышимъ, иные говорятъ: «если Богъ не вещество; то откуда вещество? Какъ количественное отъ неколичественнаго, видимое отъ незримаго, отъ неизмѣющаго величины и опредѣленнаго очертанія испремѣнно опредѣляемое объемомъ и величиною? И все прочее, усматриваемое въ веществѣ, какъ и откуда прозвель Тотъ, Кто въ естествѣ Своемъ не имѣетъ ничего подобнаго»? Но на каждый вопросъ о веществѣ рѣшеніе у насъ одно—не предполагать, будтобы премудрость Божія не могущественна, и могущество не премудро; а напротивъ того держаться той мысли, что одно съ другимъ неразрывно, что то и другое оказывается однимъ и тѣмъ же, такъ что совокупно и вмѣстѣ съ однимъ усматривается и другое. Ибо премудрая воля Божія явлена могуществомъ въ совершасмомъ, а дѣйственное могущество Божіе довершено премудрою волею. Посему, если въ одномъ и томъ же и вмѣстѣ есть премудрость и могущество, то не незнаеть Онъ, какъ могло найдтись вещество къ устроенію существъ, и не имѣетъ недостатка въ могуществѣ умопредставленное при-

вести въ дѣйство. Всемогушій же по премудрой и могущественной волѣ къ совершенію существъ положилъ основаніе въ совокупности всему тому, изъ чего составляетъ вещество: легкость, тяжесть, плотность, скважность, мягкость, твердость, влажность, сухость, холодность, теплоту, цвѣтность, образъ, очертаніе, протяженіе. Всѣ сіи свойства сами по себѣ — попятія и голыя умопредставленія. Ибо ни одно изъ нихъ само по себѣ не есть вещество, но сходясь между собою, дѣлаются они веществомъ. Посему, если о Препимуществоющемъ премудростію и могуществомъ скажемъ, что все знаетъ и все можетъ, то приблизимся, можетъ быть, нѣсколько къ возвышенному слову Моисея, который говоритъ: въ заглавіи (*ἐν ἡεφαλαίῳ* — сіе слово употребилъ Акила вмѣсто слова: начало) сотворены Богомъ небо и земля. Послику Пророкъ книгу Бытія содѣлалъ введеніемъ въ боговѣдніе, и у Моисея та цѣль, чтобы преданныхъ чувственности посредствомъ видимаго руководить къ превышающему чувственное пониманію, а небомъ и землею опредѣляется познаваемое нами посредствомъ зрѣнія; то слово наименовало ихъ, какъ крайніе объемы существъ познаваемыхъ нами посредствомъ чувства, чтобы, сказавъ: отъ Бога получило бытіе содержащее, означить имъ все содержимое внутри сихъ предѣловъ, и вмѣсто того, чтобы сказать: Богъ сотворилъ всѣ су-

щества въ совокупности, изрекло: въ заглавіи или въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю. Ибо одно значеніе сихъ двухъ словъ: въ началѣ и въ заглавіи; обоими равно выражается совокупность. Словомъ: въ заглавіи показывается, что все вмѣстѣ приведено въ бытіе, а словомъ: въ началѣ выражается мгновенность и неразрывность. Слово: начало чуждо понятія о всякомъ протяженіи. Какъ точка—начало черты, и атомъ — начало тѣлеснаго объема; такъ мгновеніе начало временнаго протяженія. Посему совокупное положеніе основанія существъ неизреченнымъ Божиимъ могуществомъ у Моисея наименовано началомъ или заглавіемъ, въ которомъ скажется все состоявшимся. Ибо нарекъ крайніе предѣлы существъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ молча указалъ и на заключающееся между ними предѣлами. Предѣлы же разумно по человѣческому чувству, которое не простирается и до того, что подъ землею, и не восходитъ далѣе неба.

Итакъ словами: начало міробытія предполагается такое разуміе, что и поводамъ, и причинамъ, и силамъ всѣхъ существъ вдругъ и въ одно мгновеніе положилъ Богъ основаніе. За первымъ стремленіемъ Божіей воли послѣдовала сущность каждаго изъ существъ: ибо эфиръ, звѣзды, огонь, воздухъ, море, земля, живое существо, растѣнія, все, что зримо было Божиимъ окомъ, указуемо словомъ могущества,

какъ говоритъ пророчество, *Свѣдущему вся прежде бытія ихъ* (Дан. 13, 42.). Когда же могуществомъ и премудростію положено основаніе совершенію каждой изъ частей міра, послѣдовалъ за симъ необходимый нѣкій рядъ въ извѣстномъ порядкѣ, такъ что предварилъ и прежде всего инаго видимаго во вселенной появился огонь, а послѣ огня явилось, чему необходимо слѣдовать за предварившимъ, и за этимъ третіе, чего потребовала художественная природа; также четвертое и пятое и все прочее въ дальнѣйшемъ за симъ послѣдованіи появлялось въ такомъ порядкѣ не по самослучайному какому либо столкновенію и не въ слѣдствіе беспорядочнаго и никуда не направленнаго движенія. Но какъ необходимый порядокъ естества требуетъ послѣдовательности въ томъ, что приводится въ бытіе, такъ и Моисей, въ видѣ повѣствованія излагая любознательное ученіе о естествѣ вещей, говоритъ о созданіи каждаго существа, присоединяя и нѣкіе творческіе Божіи глаголы, которыми каждое изъ существъ приводится въ бытіе, и дѣлаетъ это прекрасно и боголѣпно; потому что все, въ нѣкоей стройной связи и премудро создаваемое Богомъ, подлинно есть нѣкій гласъ: потому что, хотя не знаемъ, что такое Божія сущность, однакоже, представивъ въ умѣ Божію Премудрость и Божіе могущество, увѣряемъ себя, что постигли Бога умомъ.

Посему-то, когда приходила въ бытіе все-
 ленная, прежде, нежели каждое изъ наполняю-
 щихъ вселенную существъ оказалось само по
 себѣ, надъ всемъ разлитъ былъ мракъ. Ибо
 не появлялось еще блистаніе огня, сокровен-
 ное въ частицахъ вещества. Какъ крѣпни
 остаются невидимыми во тмѣ, хотя по естеству
 имѣютъ въ себѣ свѣтоносную силу, при взаим-
 номъ удареніи другъ о друга порождая изъ
 себя огонь; но какъ скоро является изъ нихъ
 искра, и сами они при ея свѣтлости дѣлаются
 видимыми: такъ все было невидимо и не яв-
 лено, пока не пришла въ явленіе свѣтоносная
 сущность. Ибо когда по единому мановенію
 Божіей воли вдругъ нераздѣльно составилась
 вселенная, и всѣ стихіи были еще одна съ
 другою смѣшаны, тогда разсѣянный по всюду
 огонь оставался потемненнымъ, омрачаемый
 преизбыткомъ вещества. Но послѣку въ немъ
 есть нѣкая всепроницающая и удободвижная
 сила; то вмѣстѣ съ тмѣ, какъ естеству су-
 ществъ дано было Богомъ повелѣніе привести
 въ бытіе міръ, и огонь проторгся изъ всякаго
 тяжелаго естества, и вдругъ озарилъ все свѣ-
 томъ. Но чтò произошло по слову премудрости
 могуществомъ Сотворшаго, о томъ упоми-
 наетъ Моисей, какъ о повелительномъ Божіемъ
 словѣ, говоря: *рече Богъ: да будетъ свѣтъ; и
 бысть свѣтъ* (Быт. 1, 3.); потому что у Бога,
 и по нашему понятію, дѣло есть слово; по-

чему все, приводимое Имъ въ бытіе, приводится словомъ; и что́ отъ Бога, въ томъ невозможно и представить чего либо неразумнаго, какъ ни есть составившагося и самослучайнаго. А напротивъ того надлежитъ вѣрить, что въ каждое изъ существъ вложено нѣкое премудрое и художническое слово, хотя оно и недоступно нашему взору. Посему, что́ сказалъ Богъ? Поелику таковое вѣщаніе есть повелительное слово, то боголѣпно, думаю, уразумѣемъ это, относя изреченіе сіе къ вложенному въ тварь слову. Такъ и великій Давидъ протолковалъ намъ подобныя вѣщанія, сказавъ: *вся премудростію сотворилъ еси* (Псал. 103, 24.). Тѣ повелительные глаголы при твореніи существъ, которые Моисей писалъ съ Божія гласа, Давидъ наименовалъ премудростію, созерцаемою въ вещахъ сотворенныхъ. Почему и сказуетъ, что *небеса повѣдаютъ славу Божию* (Пс. 18, 2.), то есть, въ стройномъ вращеніи открываемое ими художественное зрѣлище для свѣдущихъ замѣняетъ слово. Ибо сказавъ: *небеса повѣдаютъ, и возвъщаетъ твердь*, Давидъ исправляетъ симъ тѣхъ, которые грубѣе понимаютъ сказанное, и думаютъ, можетъ быть, услышать и звуки вѣщанія и членораздѣльныя слова въ повѣданіи небесъ; почему говоритъ: *не суть рчи, ниже словеса, ихже не слышатся гласи ихъ* (4.); и тѣмъ показываетъ, что созерцаемая въ твари премудрость

есть слово, впрочемъ не членораздѣльное. И еще, послѣку Моисей говорить, что были ему нѣкія Божіи вѣщанія, изглаголанныя въ чудесахъ совершенныхъ въ Египтѣ; то Псалмопѣвецъ истолковалъ ихъ возвышеннѣе, нежели какъ понимаютъ многіе, сказавъ: *положи въ нихъ слова знаменій Своихъ, и чудесъ Своихъ въ земли Халовъ* (Пс. 104, 27.). Ибо Псалмопѣвецъ, сказавъ, что дѣйствительная сила каждаго изъ сотворенныхъ существъ приводится въ дѣятельность нѣкімъ словомъ, симъ изреченіемъ ясно далъ разумѣть, что наименовалъ такъ не слово дѣйствительно изрекаемое, но являемую въ чудесахъ силу.

Посему и здѣсь, хотя предваряла по скорости и удободвижимости естества и отдѣлялась отъ существъ свѣтоносная сила, отдѣляющая себя отъ ипороднаго, и все осіявалось, освѣщаемое лучезарною этою силою, однакоже то слово, по которому дѣйствовала въ этомъ сущность огня, принадлежало изречь единому Богу, въ естество вложившему свѣтоносное слово. О семъ-то свидѣтельствуемъ писаніемъ своимъ и великій Моисей, когда говорить: *и рече Богъ: да будетъ свѣтъ*, выражая, какъ думаю, сказаннымъ ту мысль, что созданіе свѣта, превънающее всякое человѣческое понятіе, есть Божіе слово. Ибо мы видимъ только то одно, что совершается, и чудо пріемлемъ въ себя чувствомъ. Гдѣ же скрывавшійся огонь мгно-

венно возраждается? Если возгарается при взаимномъ удареніи кремней, то какихъ? Или происходитъ отъ тренія другихъ вещей? и какая эта сила, которая поядаетъ объятое огнемъ, а воздухъ озаряетъ пламенемъ? Не можемъ мы ни видѣть сего, ни составить о семъ какое либо понятіе, но говоримъ, что причина сего необычайнаго чуда сокрыта въ единомъ Богѣ, по неизреченному закону могущества сотворившемъ, что огнемъ пораждается свѣтъ; какъ свидѣтельствуеть въ словѣ своемъ Моисей: *и рече Богъ: да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ. И видѣ Богъ свѣтъ, яко добро* (Быт. 1, 3. 4.). Ибо подлинно единому Богу свойственно было видѣть, что свѣтъ будетъ такимъ добромъ; вшчета же нашего естества смотреть только на то, что совершилось, а закона, по которому совершается это, ни увидѣть, ни похвалить не въ состояніи; потому что похвала воздается тому, что познано, а не тому, что не извѣстно.

Итакъ сказано: *и видѣ Богъ свѣтъ, яко добро; и разлучи Богъ между свѣтомъ, и между тмою* (Быт. 1, 4.). Что происходитъ необходимо по самой послѣдовательности естества въ нѣкоемъ порядкѣ и стройности, Моисей опять приписываетъ Божіей дѣятельности, научая, какъ думаю, сказаннымъ, что Божіею премудростію предумышлено все, произшедшее въ послѣдствіи одно за другимъ въ необходимомъ нѣ-

космъ порядкѣ. Ибо когда свѣтоносная сущность, разсѣянная во вселенной, стеклась къ сродному, и вся собралась вокругъ себя; тогда, омрачаемая прочимъ веществомъ стихій, необходимо затѣнилась, и эта тѣнь была тма. И сіе-то происходящее послѣдовательно, чтобы не приписать кто какому либо самослучайному столкновению, Моисей называетъ дѣломъ Бога, эту силу вложившаго въ творимое. Что естество огня быстро, приподвижимо и стремится выспръ, извѣстно это всякому изъ явленій. Что по сему началу предполагается словомъ разумѣть сіе послѣдовательно, то у Моисея описывается исторически въ видѣ повѣствованія: *и бысть вечеръ, и бысть утро* (Быт. 1, 5.). Ибо кто не знаетъ, что, поелику тварь понимается двояко, какъ нѣчто умопредставляемое, и нѣчто чувственное, то у законодателя теперь все попеченіе, не умопредставляемое описать, но въ явленіяхъ показать намъ устройство чувственного.

Поелику съ того же мгновенія, какъ начала составляться вселенная, огонь, подобно какой-то стрѣлѣ, отбрасываемый иносущественными стихіями, по легкости и стремительности выспръ естественнаго ему движенія, изъ всего былъ изгоняемъ, и съ равною мысли скоростію процикнувъ чувственную сущность, не могъ продолжать движенія по прямой чертѣ, потому что умопредставляемая тварь по необщности не входитъ въ смѣшеніе съ чувственнымъ, огонь

же есть нѣчто чувственное; то по сей причинѣ, достигнувъ крайнихъ предѣловъ твари, необходимо огонь совершаетъ кругообразное движеніе, вложенною въ естество его силою понуждаемый къ общему движенію со вселенной, тогда какъ не имѣеть для него мѣста движеніе по прямому направленію (потому что всякая чувственная тварь заключена въ собственныхъ своихъ предѣлахъ), пролагаетъ себѣ путь по крайнему предѣлу чувственного естества, движась, гдѣ только удобно, такъ какъ, по сказанному нами прежде, умопредставляемое естество не даетъ въ себѣ хода огню. Посему-то Моисей, послѣдовавъ мысленно за движеніемъ огня, говоритъ, что сотворенный свѣтъ не остался въ однихъ и тѣхъ же частяхъ міра, но, обтекая грубѣйшій составъ существъ, попеременно при сильномъ движеніи приноситъ частямъ неосвѣщеннымъ свѣтлость, а освѣщеннымъ — мракъ. И можетъ быть, по временному протяженію такового преемства, совершающагося въ дольней странѣ (разумѣю преемство свѣта и тмы), Моисей Богу также приписываетъ наименованіе дня и ночи, внушая о всемъ послѣдовательно происходящемъ не представлять себѣ, будто бы получило начало самослучайно, или отъ кого либо другаго. Посему говоритъ: *и нарече Богъ свѣтъ день, а тму нарече ночь* (Быт. 1, 5.). Поелику свѣтоносная сила естественно не могла оставаться

въ покоѣ, когда свѣтъ проходилъ верхнюю часть круга, и стремленіе его было въ низъ, то при нисхожденіи огня лежащее выше необходимо покрывалось тѣнью, потому что лучъ вѣроятно омрачаемъ былъ естествомъ грубѣйшимъ. Потому удаленіе свѣта наименовалъ Моисей *вечеромъ*, и когда огонь опять поднимался съ нижней части круга, и снова простиралъ лучи къ верхнимъ частямъ, происходящее при семъ нарекъ онъ *утромъ*, наименовавъ такъ начало дня.

Но повторимъ нѣсколько сказаннаго выше, чтобы предложенное въ божественномъ Писаніи содѣйствовало намъ къ продолженію сдѣланнаго обозрѣнія. О міробытіи прежде всего изрекло слово: *въ началъ сотвори Богъ небо и землю*. Поняли же мы это такъ, что слово означаетъ симъ совокупность состава существъ, указуя содержащимъ и на содержимое внутри; потому что крайними предѣлами объемлетя, конечно, и среднее. Крайніе же предѣлы для человѣческаго чувства суть небо и земля; такъ какъ ими съ той и другой стороны ограничивается человѣческій взоръ. Посему, какъ сказавшій: *въ руцѣ Его концы земли* (Пс. 94, 4.) разумѣлъ и средину между концами; такъ и Моисей упоминаніемъ о предѣлахъ дѣлаетъ указаніе на вещественную основу всего міра. Къ такому же разумѣнію, утверждаемъ мы, содѣйствуютъ поставленныя въ срединѣ реченія;

ибо написано: *земля же бы невидима и не устроена* (Быт. 1, 2.); а изъ сего явствуетъ, что все уже было въ возможности при первомъ устремленіи Божию къ творенію, какъ бы отъ вложенной иѣкой силы, осѣменяющей бытіе вселенной, но въ дѣйствительности не было еще каждой въ отдѣльности вещи. Ибо сказано: *земля бы невидима, и не устроена*; а сіе тоже значить, какъ еслибы сказать: земля и была, и не была; потому что не сошлись еще къ ней качества. Доказательствомъ сей мысли служить то, что, по Писанію, была она *невидима*. Ибо невидимое не есть цвѣтность; а цвѣтность производится какъ бы иѣкимъ истеченіемъ образа на поверхность, образъ же не возможенъ безъ тѣла. Посему, если земля была невидима, то, конечно, и безцвѣтна, съ безцвѣтностію же подразумѣвается неизмѣніе образа, и вмѣстѣ съ симъ послѣднимъ неизмѣніе и тѣла. Слѣдовательно при начальномъ основаніи міра земля, какъ и все прочее, была въ числѣ существъ, но ожидала того, что дастся устройствомъ качествъ; что и значить, придти въ бытіе. Писаніе, сказавъ, что земля была *невидима*, показываетъ симъ, что никакого ипаго качества не было еще при ней видимо; а наименовавъ *неустроенною*, даетъ разумѣть, что не была еще приведена въ огустѣніе тѣлесными свойствами.

Еще болѣе уясняется такая мысль писаніями

Симмаха, Осодотіона и Акилы. Одинъ сказалъ: «земля была праздною и безразличною»; другой: «она была пустота и ничто»; третій: «ничто и ничто». А снмъ, по моему разсужденію, выражается, словомъ: *праздна*, что не была еще въ дѣйствительности, имѣла же бытіе въ одной только возможности, а словомъ: *безразлична*, что качества не были еще отдѣльны одно отъ другаго, и не могли быть познаваемы каждое въ особенноти и само по себѣ, но все представлялось взору въ какомъ-то слитномъ и безразличномъ качествѣ, не усматривалось въ подлежащемъ ни цвѣта, ни образа, ни объема, ни тяжести, ни количества, ни чего либо инаго сему подобнаго, отдѣльно въ себѣ самомъ взятаго. На ту же мысль указываютъ намъ слова: *пустота и ничто*. Ибо словомъ: *пустота* Осодотіонъ выразилъ способность вмѣстить въ себѣ качества; а изъ сего дознаемъ, что Творецъ вселенной предварительно далъ земаѣ силу пріемлемости качествъ: была же она какою-то пустотою, и ничего въ себѣ не имѣла, пока не восполнена качествами. Третіе же выраженіе Акилы, какъ отысканное имъ въ философіи Епикура, думаю оставить безъ разсмотрѣнія. Ибо и Епикуръ о первомъ пачалѣ существъ говоритъ нѣчто подобное, показывая таковыми реченіями, что не состоятельное естество атомовъ есть пустое слово, и ничего не значить; а это подобно выраженію: *ничто и ничто*.

Но возвратимся опять къ продолженію обзорѣнія. Когда огонь единожды обтекъ самый крайній предѣлъ чувственнаго естества, почему въ слѣдъ за симъ приходитъ въ бытіе твердь, о которой сказано, что она есть граница между верхними и нижними водами? Ибо думаю, что тверди, будетъ ли она одною изъ четырехъ стихій, или чѣмъ инымъ отъ нихъ, нельзя представлять себѣ, какъ воображала внѣшняя философія, тѣломъ твердымъ и упорнымъ; напротивъ того крайній предѣлъ чувственной сущности, по которому, по причинѣ приподвижимой силы, круговращается естество огня, сравнительно съ вѣчнымъ, безтѣлеснымъ, неосязаемымъ свойствомъ, названъ въ Писаніи твердію. Кто не знаетъ, что все твердое сгущается по какому-то непремѣнно упорству; а сгущенное и упорное не свободно отъ качества тяжести; тяжелое же по естеству не можетъ быть стремящимся выскрѣ. Напротивъ того твердь выше всей чувственной твари; потому сообразность съ разумомъ требуетъ не представлять о тверди чего-то грубаго и тѣлеснаго, но, какъ сказано, по сравненію съ умопредставляемымъ и безплотнымъ, все, что принадлежитъ къ чувственному, хотя по естественной тонкости избѣгаетъ нашего наблюденія, называется твердію. Посему, что было объято огнемъ во время его круговаго обращенія (объять же предѣлъ вещественной сущ-

ности), то, будучи однажды описано какимъ-то собственнымъ своимъ предѣломъ, по вещественной природѣ справедливо наречено твердо въ сравненіи съ тѣмъ, что ниже, по наименованю и небомъ, какъ и свѣту дано имя день, а тмѣ—ночь.

Раздѣленіе же водъ, разлучаемыхъ посредствомъ тверди, не противно сему предположенію и согласно съ Писаніемъ. Ибо сообразно съ утверждаемымъ послѣ сказаннаго о землѣ, написано: *тма верху бездны, и Духъ Божій пошашеся верху воды* (Быт. 1, 2.). Посему думаемъ, что Духу Божию столько же не возможно быть Духомъ тмы, сколько чуждъ Онъ и всякаго зла. И на сіе можно представить тысячи изреченій святаго Писанія, что Богъ есть *свѣтъ истинный* (Іоан. 1, 9.), и живетъ *во свѣтъ не приступимъ* (1 Тим. 6, 16.). А Духъ Божій по естеству тоже, что и самъ Богъ. И если естество Бога и Духа одно, Богъ же есть свѣтъ, то, конечно, и Духъ Божій также свѣтъ. Свѣтъ же, безъ сомнѣнія, и то дѣлаеть пребывающимъ во свѣтѣ, надъ чѣмъ носится. И вода, надъ которою пошася Божій Духъ, есть нѣчто иное, а не это въ низъ стремящееся естество текучихъ водъ; она твердо отдѣляется отъ тяжелой и въ низъ стремящейся воды. Если же въ Писаніи и она именуется водою (чѣмъ, какъ по высшему умозрѣнію догадываемся, означается полнота умо-

представляемыхъ силъ); то никого да не смущаетъ сія подобоименность; потому что Богъ и *огнь потребляяй есть* (Втор. 4, 24.), но понятіе о семъ огнѣ не имѣетъ вещественнаго значенія. Посему, какъ дознавъ, что Богъ есть огонь, представлялъ ты Его чѣмъ-то инымъ, а не этимъ видимымъ огнемъ, такъ наученный, что надъ водою носится Божій Духъ, представляй себѣ не это стремящееся въ низъ и текущее на землю естество; потому что Духъ Божій носится не надъ земнымъ и непостояннымъ.

Итакъ, чтобы яснѣе открылось намъ это понятіе, кратко повторимъ смыслъ сказаннаго, а именно: твердь, которая названа небомъ, есть предѣлъ чувственной твари, и за симъ предѣломъ слѣдуетъ иѣкая умопредетаваемая тварь, въ которой нѣтъ ни образа, ни величины, ни ограниченія мѣстомъ, ни мѣры протяженій, ни цвѣта, ни очертанія, ни количества, ни чего либо инаго усматриваемаго подъ небомъ.

И никто да не подумаетъ о мнѣ, будтобы смѣ въ моемъ воззрѣніи на реченія, понимая оныя иносказательно, ввожу смѣшеніе понятій, и чрезъ это соглашаюсь съ мнѣніями тѣхъ, которые прежде насъ имѣли подобный взглядъ, и говорю: бездною называются отпадшія силы, а подъ тмою верху бездны разумѣется міродержитель тмы. Никогда не соглашусь на та-

кую незаконную мысль, чтобы злобу представлять себѣ Божиимъ созданіемъ, когда Божіе слово вкратцѣ изрече ясно: *и видѣ Богъ вся, елика сотвори: и се вся добра зѣло* (Быт. 1, 31.). Если добро все, что сотворилъ Богъ, бездна же, и что около нея, не видѣ созданнаго Богомъ; то слѣдуетъ, что и она, хотя есть бездна, въ собственномъ смыслѣ добра, хотя и не сіяетъ еще около сеѣ бездны вложенный въ существа свѣтъ.

Посему, когда слышу въ Писаніи слово: *бездна*, утверждаю, что означается симъ множество водъ. Ибо такъ опредѣляется сіе слово и въ Псалмопѣніи, гдѣ сказано: *слышася бездны, множество шума водъ* (Псал. 76, 17. 18.). А когда слышу, что около бездны тма, тогда представляю себѣ, что вложенная въ естество существъ свѣтоносная сила еще не явилась. Научаемый же Писаніемъ, что твердо произведено разлученіе водъ, думаю, не вопреки справедливости и значенію слова поступить, разлученіе водъ понимая такъ, что должно разумѣть подъ онымъ различное естество различаемыхъ водъ, убѣдиться, что однѣ воды стремятся выспрь легко, даже превосходить легкою огонь; а посему, пребывая выше теплоі сущности, не увлекаются движеніемъ того, что ниже ихъ, и теплою не приводятся въ противоположный порядокъ, но пребываютъ тѣмъ же не умаляясь, и круговращающемуся

подъ ними огню не даютъ сквозь себя никакого прохода. Ибо какъ невещественному сдѣлаться вмѣстительнымъ вещественнаго? Другія же воды суть тѣ самыя, которыхъ естество познаемъ и глазомъ, и осязаніемъ, и вкусомъ. Онѣ стремятся въ низъ, представляются прозрачными, различаются вкусомъ по вложенному въ нихъ качеству; и воды сіи подводятъ подъ какое либо другое понятіе не нуждаются естество познаваемаго. А то, что названо также водами, но невидимо, не имѣетъ текучести, не объемлется вовсе ничѣмъ такимъ, чѣмъ обыкновенно сдерживается влажное естество, но какъ само внѣ мѣста, такъ и въ себя не даетъ доступа всякому чувствомъ познаваемому качеству, потому что Духъ Божій посится надъ этимъ, и потому что признается это превъисшнимъ неба, и потому что пребываетъ внѣ всего познаваемаго чувствомъ, думаю, всякій изъ способныхъ судить, упосясь въ предположеніяхъ къ умопредставляемой сущности, представитъ себѣ чѣмъ-то инымъ, а не водою обыкновенною. Ибо на основаніи нами изслѣдованнаго пришли мы къ той мысли, что все движимое заключено внутри умопредставляемаго естества, и имѣетъ обращеніе около себя самаго. Границею же движимому служить предѣлъ протяженнаго естества, за которымъ находится естество умопредставляемое и неизмѣряемое, свободное отъ свойствъ, мѣста и протяженія.

Посему о самомъ крайнемъ предѣлѣ чувствепной сущности, далѣе котораго нѣтъ ничего подобнаго познаваемому въ видимомъ, утверждаемъ, что сей-то предѣлъ означается именемъ тверди; и сіе наше мнѣніе подтверждаетъ Писаніе, говоря: *и разлучи Богъ между водою, яже бы подъ твердію, и между водою, яже бы надъ твердію* (Быт. 1, 7.). Ибо симъ показывается, что и въ началѣ одна вода не была растворена другою, но при общности имени естество было не смѣшано; ибо говорится не то, что стало подъ твердію бывшее выше тверди, но что одно было *подъ твердію*, а другое нѣчто *надъ твердію*. Если же въ самомъ началѣ опредѣлено занять положеніе одному въ низу во мракѣ, а другому не во мракѣ; ибо что въ Духъ Божіемъ, то, конечно, во свѣтѣ и отдѣлено отъ мрака, а вмѣстѣ съ симъ было выше тверди, показавшейся посреди; то пусть разумный слушатель судить, удалось ли сколько нибудь слово наше въ сказанномъ отъ надлежащаго разумѣнія.

Таково сіе и подобное сему, что примышлено нами о первоначальномъ составѣ существъ, о томъ, почему свѣтъ по силѣ своей сущности не позднѣе существъ, хотя Писаніе прежде повѣствованія о свѣтѣ говоритъ о тмѣ, и таковы наши гаданія о тверди и о раздѣленіи водъ, естество которыхъ, раздѣленное на стремящееся въ низъ и на легкое, приводитъ

насть къ предположеніямъ, сообразнымъ съ каждымъ изъ подобоименно сказуемыхъ.

Когда же раздѣлены между собою воды и видимыя, и умопредставляемыя, и среднею гранью двойкаго естества водъ оказалось небо. о которомъ сказано, что приведено въ бытіе въ началѣ вмѣстѣ съ землею и со всѣмъ, положеннымъ въ основаніе устройству міра, а теперь довершено и наименовано при явленіи тверди, опредѣленной вращеніемъ огня; тогда второе круговращеніе свѣта снова стало вмѣстѣ и омрачать и освѣщать лежащую ниже часть. А сіе и наименовано, какъ одно за другимъ слѣдовало, въ совокупности же составило день. Въ слѣдствіе же сего по необходимости произошло въ тварь и свойство числа; потому что число не иное что есть, какъ сложеніе единицъ. Все же, представляющееся въ какомъ либо опредѣленномъ очертаніи, именуется единицею. Посему, такъ какъ кругъ, самъ себя опредѣляющій, со всѣхъ сторонъ полонъ; то Слово прекрасно чѣмъ-то единымъ наименовало одно обращеніе круга, сказавъ: *и бысть вечеръ, и бысть утро, день единъ* (Быт. 1, 5.). И оиать другое обращеніе назвало также единымъ; сложивъ же то и другое, составило два. Такъ Слово вмѣстѣ съ частями твари ввело и число, послѣдовательность въ порядкѣ означая числительными именами. Ибо говоритъ: *и бысть вечеръ, и бысть утро, день второй* (8.).

Когда сіе совершилось, естество существъ, держась послѣдовательности, снова производитъ, чему необходимо слѣдовало быть за произшедшимъ прежде. Но и сему Божию дѣлу предшествуетъ Божіе повелѣніе; потому что Моисей вездѣ обезолашиваетъ нашъ умъ, чтобы ни одного изъ существъ не представлялъ себѣ состоявшимся безъ Бога, но удивленіе каждому изъ сотворенныхъ существъ возводило его къ Сотворшему.

Сказавъ, какъ вся свѣтопосная и огнистая сущность собственными своими качествами отдѣлилась отъ иныхъ существъ, Писаніе умолчало объ устроеніи воздуха, хотя въ естествословіи второе мѣсто послѣ поднявшагося вверхъ огня принадлежало воздуху, у котораго по легкости есть нѣкоторое сродство съ легкостію огня; и потомъ уже слѣдовало разсуждать объ естествѣ тяжеломъ; однако же Моисей ведетъ рѣчь о послѣднемъ, а не касается словомъ воздуха; не потому, что онъ ничего не привноситъ къ полнотѣ всего міра, и не потому, что лишенъ силы стихій, но, вѣроятно, потому, что при мягкости и уступчивости естества воздухъ въ себя принимаетъ каждое существо, даетъ его видѣть въ себѣ, а самъ не имѣетъ ни цвѣта собственнаго, ни образа, ни поверхности, но принимаетъ на себя и чужій цвѣтъ, и чужій образъ. Ибо при осіяніи его свѣтомъ дѣлается свѣтлымъ, а отѣняемый темнѣетъ,

самъ же по себѣ ни свѣтлъ, ни темень; принимаетъ на себя всякій образъ, окрашивается во всякій родъ цвѣтовъ, способствуетъ всякому движенію всего въ немъ движущагося. Легко уступаетъ тому, что въ немъ несется въ ту или другую сторону; и здѣсь и тамъ разсѣкаемый объемомъ движущагося, самъ собою возстановляется позади сего объема. Да и когда изъ сосуда льется, какая бы то ни была, влага, даетъ свободный ходъ выливаемому, и самъ собою на опорожненное мѣсто входитъ внутрь сосуда. И тысячи подобныхъ случаевъ доказываютъ мягкость и уступчивость воздушнаго естества. И такъ, поелику въ немъ совершается человѣческая жизнь, въ немъ заключена вся почти сила жизни, въ воздухѣ заимствуетъ свою крѣпость дѣйственность чувственныхъ орудій; посредствомъ его и видимъ и слышимъ, чрезъ него также ощущаемъ пахучее, а переводеніемъ дыханія совершается главнѣйшее изъ жизненныхъ дѣйствій; переставшій дышать непременно перестаетъ вмѣстѣ и жить; то по сему самому премудрый Моисей не занялся естествословіемъ сей намъ близкой и сродственной стихіи, которою съ самаго рожденія питаемся, почитая для насъ достаточнымъ по этой части учителемъ это прирожденное и родственное отношеніе естества нашего къ воздуху. Но что въ продолженіи творенія является въ воздухѣ, то во всей подробности изобразилъ словомъ.

Премудрый и всестройный порядокъ создаваемыхъ вещей, по происшествіи втораго дня отдѣляющій воду отъ земли, снова именуется Божиимъ глаголомъ и повелѣніемъ. Ибо дѣйствительно все совершаемое премудростію есть Божіе слово, не какими либо орудіями членораздѣльно изглашаемое, но изрекаемое самыми чудесами явленій. Земляная качественность была еще смѣшана съ естествомъ влажнымъ; поему кому иному было возможно до того огустить землю собственными ея качествами, что по приведеніи всѣхъ ея частей въ однородное, при сжатомъ и сгнетенномъ ея состояніи, выжата изъ нея заключающаяся влажность, вода же отдѣлена отъ земляной примѣси, и собралась вокругъ себя самой, заключенная въ земныхъ впадинахъ? И дѣйствительно сіе было дѣломъ Божія могущества и Божіей премудрости; потому и Моисей говоритъ, что чудомъ симъ управляло Божіе слово, издавшее повелительное иѣкое изреченіе; а какъ я о семъ разсуждаю, этимъ повелительнымъ изреченіемъ указываетъ Моисей на слово вложенное въ естество твари. Ибо говоритъ: *да соберутся воды въ собранія своя, и да явится суша* (Быт. 1, 9.). Смотри, вотъ необходимый порядокъ естества! Поелику извлечена изъ земли вода, то осушается отдѣленное отъ влажности, а поелику влажность неразтворена уже землею въ видѣ грязи, то вода необходимо остѣняется

какими-то водосмами, чтобы не утрачиваться ей по текучести естества, если бы ничто не преграждало ей разлитія.

Но мнѣ не безвременнымъ кажется, сдѣлать опять упоминаніе о водахъ превышенебесныхъ. Если здѣсь для вмѣщенія водъ земля необходимо принимаетъ особый видъ, какъ бы въ нѣдра какія заключал ихъ текучесть, и собственно своею неподвижностію сообщая постоянство непостоянному естеству водъ; то какъ же оная вода, если только она дѣйствительно вода, стоитъ на непостоянномъ, и на наклонномъ остается не разливающеюся? Если предположимъ, что естество двухъ водъ одно и тоже; то по всей необходимости тоже самое, что видимъ въ здѣшнихъ водахъ, должны заключить и о пренебесныхъ. Слѣдовательно небесный хребетъ изрытъ водотечами, покрытъ пропастями, на подобіе образовавшихся на землѣ между стремнинъ, чтобы вода держалась въ сихъ впадинахъ. Посему, что скажутъ, когда кругообразное вращеніе полюса наклонить къ низу то, что теперь въ верху, развѣ придумаютъ какія на кругахъ крыши, чтобы новисшая вода не выливалась изъ впадинъ?

Говорятъ: огонь расточителенъ, имѣетъ потребность въ какомъ либо веществѣ, которое бы непрестанно питало пламень, чтобы не ослабѣвалъ онъ, при недостаткѣ горячаго вещества истребляя самъ себя. А я, хотя высо

кое слово нашего учителя соглашается на подобное мнѣніе, попрошу читателей, не оскорбляться, если вполнѣ поработаю себя предложенному выше въ семь обзорѣни существъ. У учителя была не та цѣль, чтобы собственныя свои мнѣнія непременно поставить въ законъ слушателямъ, но чтобы ученіемъ своимъ содѣлаться для учаемыхъ нѣкимъ путемъ къ истинѣ. Посему и мы, занявшись оставшимися послѣ него уроками, имѣемъ въ виду сообразное съ ними. И это наше слово, если только окажется вѣроятнымъ, да будетъ приписано мудрости учителя. Итакъ что же заключимъ о предложенномъ возраженіи?

Не въ огнѣ только и водѣ усматриваемъ противоположныя качества, но и въ каждой изъ стихій непременно можно найдти въ свойствахъ ея нѣкую борьбу противоположностей. Какъ въ упомянутыхъ стихіяхъ холодному противоборствуетъ теплота, влажному сухость; такъ опять въ другомъ отношеніи въ землѣ и воздухѣ представляются взаимно одно другому противоположныя качества: твердость и разрѣженность, упорство и уступчивость, и все иное, что въ каждой изъ сихъ стихій въ отдѣльности познается изъ противоположнаго. Посему, какъ не льзя сказать, что въ сихъ стихіяхъ одна питается другою противоположною; потому что съ уменьшеніемъ тяжелаго не возрастаетъ легкость воздуха, плотность земли не произво-

дять разрѣженія въ противоположной стихіи, прочія свойства земли своею утратою не питаютъ качествъ воздушныхъ; такъ, скажетъ иный, влажное и холодное, хотя противоположны теплomu и сухому, однакоже не питаются взаимнымъ исправленіемъ другъ друга, и возможность быть которому либо одному изъ сихъ качествъ состоитъ не въ возможности не быть другому. Въ такомъ случаѣ, если бы сохраненіе того и другаго качества имѣло возможность только при истребленіи обоихъ двухъ, не могли бы существовать ни то ни другое; потому что въ каждомъ равна сила къ истребленію другаго, и всегда избыточство преобладающаго служить уничтоженіемъ для недостаточнаго. А что сіе положеніе истинно, можно дознать это изъ самаго опыта. Когда какое либо вещество охватитъ огонь, потомъ будетъ введена въ дѣло вода; тогда ясно можно видѣть взаимное истребленіе двухъ сихъ стихій; преобладающая изъ нихъ уничтожаетъ другую, такъ какъ каждая равно уступаетъ могуществу сближающейся съ нею. А пока силы въ обѣихъ равномѣрны, одинаково производится обѣими взаимное другъ другомъ уничтоженіе, ни одна другою не питается, но обѣ одна другою уничтожаются. Какъ о пожирающихъ другъ друга звѣряхъ неестественно сказать, что истребляемые другъ другомъ звѣри другъ другомъ живутъ; такъ противленіе влажнаго сухому не

моглобы ни того, ни другаго сохранить въ бытіи, если бы гибель одного питала другое.

Но мнѣ кажется, хорошо будетъ, держась послѣдовательности мысли, продолжить намъ слово свое такъ: поелику *вся елика сотвори Богъ, добра зъло* (Быт. 1, 31.); то утверждаю, что въ каждомъ изъ существъ должно быть усматриваемо совершенство добра. Ибо при-совокупленіе слова: *зъло*, усиливая значеніе, ясно показываетъ, что нѣтъ никакого недостатка въ совершенствѣ. Какъ въ цѣломъ родѣ животныхъ, хотя можно видѣть между ними тьмочисленныя различія породъ, однакоже утверждаемъ о каждой породѣ, что соотвѣтствуетъ она общему одобрителному о существахъ приговору, а именно, что они равно *добра зъло*; потому что одобреніе относится не къ видимому; будутъ ли это многоножка, земная лягушка, животныя родящіяся отъ гнѣнія нечистотъ, и они *добра зъло*. Поелику Божественнос око взираетъ не на внѣшній видъ сотвореннаго, то не по доброцвѣтности, не по благообразію опредѣляется доброта, но потому что каждое существо, каково оно ни есть, имѣетъ въ себѣ совершеннос естество. Ибо не быть быкомъ не значить быть конемъ; напротивъ того въ каждомъ изъ нихъ естество соблюдаетъ само себя, приобрѣтя особенныя причины къ особенному своему прѣбыванію, не въ разрушеніи естества почерная сила, но имѣя ее для поддержанія бытія.

Такъ и стихіи, хотя иначе относятся одна къ другой, но каждая сама по себѣ *добра злы*; потому что каждая сама по себѣ, по особенному для нея закону, исполнена добра. Земля есть добро; потому что не имѣетъ нужды въ гибели воздуха, чтобы ей быть землею, но пребываетъ съ собственными своими качествами, соблюдая себя естественною, отъ Бога вложенною въ нее, силою. Добро и воздухъ; для продолженія своего бытія не требуетъ онъ, чтобы не было земли; но довольствуется тѣми силами, какія въ немъ по естеству. Такъ и вода—добра *злы*, и огонь—добръ *злы*, потому что и вода и огонь имѣютъ полноту по собственнымъ своимъ качествамъ, и силою Божіей воли въ особыхъ для нихъ мѣрахъ первоначальнаго бытія пребываютъ постоянно. *Земля*, сказано, *во вѣкъ стоитъ* (Еккл. 1. 4.), не умаляясь и не прибывая. Воздухъ сохраняется въ особыхъ для него предѣлахъ; огонь не убываетъ. Почему же изъ всѣхъ существъ одна только вода принадлежитъ къ вещамъ истощаемымъ? И еще притомъ, когда усматриваемъ, что огненная сущность и сила велики въ сравненіи съ существами, въ ясное доказательство чего любомудрствовавшими о превыспреннемъ приводится то, что солнце во много кратъ больше земли; такъ что не на дальнее разстояніе въ воздухъ простирается тѣнь ея, по превосходству солнечной вели-

чины въ потокѣ солнечныхъ лучей принимающая видъ конуса. Посему, если одно столько мало въ сравненіи съ другимъ, что вода, измѣренная вмѣстѣ со всею землею, есть малая часть солнечной величины, то на сколько времени досталобы этой малости для истощенія такому огню? Но видимъ, что море всегда равно полно, и теченіе рѣкъ пребываетъ въ своихъ размѣрахъ, и такой опытъ свидѣтельствуешь, что влага нисколько не истощается. Но какъ первоначально не истребленіемъ влажности приведенъ въ бытіе огонь, по сотворенъ тою же, что и влажность, силою; такъ сообразно съ первоначальнымъ устройствомъ стихіи навсегда сохранится продолженіе ея бытія, и огонь для своего продолженія не потревожитъ влажнаго естества.

Говорятъ: нерѣдко видимъ, что земля бываетъ увлажнена дождемъ; а потомъ, какъ скоро солнце сильнѣе пригрѣетъ открытое лучамъ его, земля, незадолго бывшая мокрою, дѣлается сухою. Гдѣже тутъ влажность, продолжаютъ, если истребила ее совершенно теплота луча? Поэтому, ужели скажутъ, что вода, если изъ одного горшка перелита въ другой, и полный сосудъ сталъ вдругъ пустымъ, потому что нѣтъ ея въ одномъ сосудѣ, а стала она въ другомъ, вовсе не существуетъ? А что бываетъ въ этомъ случаѣ, то предполагая и о сказанномъ выше, никто не погрѣшитъ про-

тивъ справедливости. Ибо равно возможно, перелиться влагѣ изъ одной вмѣстимости въ другую, и испарившейся мокротѣ изъ земли подняться въ воздухъ; такъ какъ влага естественнымъ образомъ возгоняется въ верхъ, когда теплота верхняго слоя мелкими частями влечетъ ее изъ земли къ себѣ. Признакомъ совершающагося при семъ служитъ, что перѣдко, при выхожденіи изъ земной глубины паровъ болѣе грубыхъ, кажется текущимъ нѣкое подобное облаку вещество, и густота паровъ бываетъ такова, что она видима и для глазъ. А иногда можетъ быть испареніе мокроты, состоящее изъ такихъ мелкихъ частей, что тонкостію оно нѣкоторымъ образомъ равняется воздуху, и тогда только дѣлается явнымъ для взоровъ, когда испареніе таковыхъ влагъ сложится само съ собою, и такимъ образомъ чрезъ сгущеніе обратится въ облако; почему сіи тонкія и парообразныя влаги до времени по легкости плаваютъ въ воздухѣ и носятся вѣтрами; но, если, по взаимному между собою сродству влаги, слившись вмѣстѣ, дѣлаются болѣе тяжелыми, то принимаютъ видъ капли, падающей изъ воздуха на землю. Итакъ теплота не истребила того, что извлекла изъ земли, но изъ этого самаго составилось облако, а сгустившееся облако стало водою, которая, опять смѣшавшись съ землею, обратилась въ паръ, а паръ, принявъ видъ облака, сдѣлался

дождемъ; и изъ дождя земля опять породила пары; пары же, ступивши въ составъ облаковъ, излились, и излившееся снова возвращено воздуху въ парахъ; и такимъ образомъ составляется какой-то кругъ, около самаго себя обращающійся, и всегда дѣлающій одни и тѣже обороты. Укажешь ли на растѣнія и почки растѣній, — все идетъ тѣмъ же кругомъ. Влага по растѣнїямъ или сѣменамъ стекается въ почки; и если входитъ вмѣстѣ съ нею что либо землистое, оставивъ это въ объемѣ питаемаго, когда то, что внизу изсушено окружающимъ, снова испаряется въ однородное съ собою. Воздухъ, будучи разрѣженъ въ своихъ частяхъ, которыя тоньше самыхъ тонкихъ частицъ пара, все находящееся въ немъ уступаетъ сродному. Такъ и пыль, если много разсѣяно ея въ воздухъ, опять возвращается землѣ. И влага не истребляется, но непремѣнно находитъ что либо сродное и близкое себѣ, кружащееся въ воздухъ, къ чему прильнувъ и возрастая отъ присовокупленія подобныхъ частицъ, снова принимаетъ на себя объемъ облака; а такимъ образомъ въ видѣ капель возстановляется въ свое собственное естество. Почему повсюду и во всемъ, что видимо въ мїрѣ стихїйнаго, сохраняется въ одной и той же мѣрѣ, какую первоначально установила для каждаго существа премудрость Создателя къ благоустройству вселивной.

Но знаю слѣдующее возраженіе: часто во время сильнаго зноя можно видѣть какія-то разсѣянныя въ воздухѣ облака, которыми, если кто долѣе на нихъ посмотритъ, можетъ нѣсколько опровергнуть сіе положеніе, что влажное естество нимало не истребляется. Ибо скупенные отрывки облака, во множествѣ разсѣянныя въ воздухѣ, сперва уменьшаются въ объемѣ, сожигаемые превосмогающимъ жаромъ, потомъ совершенно уничтожаются, попавенные зноемъ, такъ что не сохраняется и малаго какого либо остатка по иссушеніи влаги жаромъ. А въ этомъ не лзя успокоить себя сказаннымъ о парахъ. Ибо то, что выше облаковъ и этого мутнаго и порываемаго вѣтрами воздуха, по тонкости своего естества имѣетъ такое раствореніе, что не принимаетъ въ себя ничего тяжелаго. Напротивъ того всѣ пары и куренія предѣломъ стремленія своего вверхъ имѣютъ тотъ грубый отчасти слой окружающаго землю воздуха, которому неестественно подниматься вверхъ; потому что тонкимъ и зѣирнымъ не пріемлется ничто грубѣйшее. Такъ и описывавшіе вершины нѣкоторыхъ самыхъ высокихъ горъ говорятъ, что онѣ всегда выше облаковъ и недоступны вѣтрамъ, и птицамъ невозможно также взлѣтать туда, какъ и водянымъ животнымъ жить въ воздухѣ. А всѣмъ этимъ ясно доказывается, что въ воздухѣ, и именно въ верхнемъ его слѣѣ, есть предѣлъ,

который всё́мъ грубѣйшимъ испареніямъ поднимающимся съ земли служить остановкою. Посему-то до лѣтней поры на вершинахъ горъ остается снѣгъ таяющимъ, такъ какъ составленіе паровъ постоянно охлаждаетъ тамъ воздухъ. Да и огневидныя полосы, которыя пазываютъ иные падающими звѣздами, по естествословію мудрыхъ происходятъ отъ тойже самой причины. Когда усилимъ какихъ-то вѣтровъ часть грубаго и наполненнаго разными веществами воздуха бываетъ занесена въ зѣирный его слой, поднявшееся вверхъ немедленно воспламеняется, и этотъ текущій пламень несется по направленію данному вѣтромъ; когда же вѣтеръ утихнетъ, угасаетъ вмѣстѣ и пламень. Итакъ не лзя сказать, что, по уничтоженіи облака вѣтромъ, снова составляются пары, и поэтому согласно съ сказаннымъ о парахъносящихся внизу надѣяться на возстановленіе истребленной влаги, необходимо же согласиться съ тѣми, которые учатъ, что влага сгараетъ и обращается въ ничто.

Но я, хотя убѣждаюсь, что влажность въ парахъ уничтожается преизбыткомъ жара, почитая признакомъ чело́вѣка суетнаго и спорливаго противорѣчить тому, что явлю; однакоже, посылку при обслѣдованіи истины со всѣхъ сторонъ надлежитъ ничѣмъ не утомляться, тѣмъ не менѣе утверждаю, что мѣра влажнаго естества сохраняется не уменьною, и издер-

живаемое всегда непременно восполняется въ замѣнь недостающаго. А таковое мнѣніе дѣлаетъ для меня твердымъ слѣдующее. Въ дѣйствіи огня у насъ дознаемъ по опыту, что огонь поядаетъ не всѣ качества вещества, но то одно, которое можетъ охватить. Скажемъ на примѣръ о веществѣ масла; когда оно отдѣлено отъ холоднаго качества, тогда влага изъ этого вещества удобно извлекается теплотою огня, и обращается въ пламень. Но не въ пламень только одинъ измѣняется масло огнемъ, а и влага въ огнѣ, производимомъ масломъ, послѣ огня, какъ говорятъ, дѣлается сухою пылью; что ясно доказываетъ дымъ отъ свѣтильника, очерняющій то, что надъ пламенемъ; и если дымъ идетъ долго, то на очернении имъ мѣстѣ образуется толстый слой. Откуда явствуется, что масло, высушенное огнемъ, измѣняется въ тонкія и непримѣтныя частицы, въ такомъ видѣ переходитъ въ воздухъ, и отсюда осѣдаетъ на землю. А что въ воздухѣ происходитъ разліяніе изъ тонкихъ частицъ состоящаго дыма, это доказывается тѣмъ, что очерняются даже поздри вдыхающихъ этотъ воздухъ, а нерѣдко и внутренній, изъ груди выдыхаемый, воздухъ оказывается чернымъ, потому что и онъ обрачивается цвѣтомъ дыма, входящимъ во внутренность при вдыханіи воздуха. Итакъ явствуется изъ сего, что, хотя влага масла претворяется въ сухость, однакоже

вещественный объемъ, будучи разсѣянъ въ воздухъ въ видѣ тонкихъ и непримѣтныхъ частицъ, не уничтожается до небытія. Посему, что дознали мы объ этой влагѣ изъ дѣйствительнаго опыта, а именно, что влага измѣняется только въ сухость, вещественное же не уничтожается совершенно,—если сіе же самое представить кто и о всякой влагѣ, не погрѣшитъ противъ справедливости. Ибо явно, что цѣлое состоитъ изъ частей. А что дознаемъ о части, тому научаемся и о цѣломъ. Никто же и самый спорливый не будетъ противорѣчить, что влажность въ родовомъ понятіи одна. Но влажность масла, сожженная огнемъ, сдѣлалась тонкою пылью. Значитъ и всякая влага, бывъ въ огнѣ, перемѣняетъ качество частей, изъ влажнаго дѣлалась чѣмъ-то сухимъ, а не уничтожается вовсе.

Поелику облако есть сгущеніе пара, а паръ—разложеніе влаги на тонкія частицы; то, когда облако сожжено пламенемъ, этому тонкому и недѣлимому объему пара, хотя и не сохранить онъ влажнаго качества, по всей необходимости должно не обращаться въ ничто, и не дѣлаться чѣмъ-то невозстановимымъ. Четыре качества усматриваются въ парѣ: влажность, холодность, тяжесть, величина. Изъ сихъ качества противоположныя огню могуществомъ преобладающаго уничтожаются. Ни влажность, ни холодность, бывъ въ огнѣ, не остаются таковыми.

Но величина сродна и съ сущностію огня; ибо онъ бываетъ видимъ въ количественномъ; количественное же не противоборствуетъ количеству. Посему, если у пара сохраняется величина и отдѣленная отъ качества влажности и холодности; а при величинѣ сохраняется также и качество тяжести, существенно заключающееся въ естествѣ пара (тяжесть обыкновенно равно принадлежитъ и влажному и сухому); то умъ нашъ, держась строгой послѣдовательности, не затруднится познать, какъ вода, ставъ землею, въ слѣдствіе того, что пары перемѣняютъ качество, пріемлетъ подобовидное естество. Ибо сухость и тяжесть свойственны качеству усматриваемому въ землѣ, а въ сіе-то и претворяется сожженный паръ.

И мнѣ кажется, что положившимъ сіе начало, хорошо будетъ не оставлять послѣдовательности изслѣдованія, къ которой естественнымъ образомъ придетъ сіе обозрѣніе, руководя къ истинѣ. Ибо и море, по видимому, всегда пребываетъ въ своихъ предѣлахъ по тому самому, что, какъ всегда происходитъ въ немъ небольшое прибавленіе воды, такъ и вода въ видѣ паровъ исчерпывается въ верхніе слои воздуха согрѣвающею теплою, которая, подобно кровососному рожку, поднимаетъ вверхъ тончайшія части влажнаго естества.

Сему разсужденію противорѣчитъ, повидному, холодность окружающаго воздуха въ

странахъ средиземныхъ и сѣверныхъ, потому что море не нагрѣвается тамъ сильно, и не бываетъ образованія паровъ; но это возраженіе можно отстранить двоякимъ умствованіемъ. Во первыхъ тѣмъ, что море повсюду одно и само въ себѣ непрерывно, хотя дѣлится на тысячи водосмовъ, но взаимное ихъ сообщеніе нигдѣ не пресѣкается, почему, если на югѣ отъ всегдашняго присутствія теплоты испареній больше, то происходящее тамъ умаленіе водъ даетъ себя чувствовать въ странахъ холодныхъ, и вода перетекаетъ сама собою, по естественному стремленію всегда двигаться въ низъ. А потомъ равно сіе подтверждается и тѣмъ, что всякое море, изъ какой бы воды ни было составлено, солоно въ слѣдствіе образованія паровъ; потому что особенное свойство естества соли есть сухость. А если одно и то же качество равно растворено во всемъ морѣ; то значить, что соленость во всякой части моря одинаково производитъ свойственное ей; ибо каждое естество непремѣнно производитъ соотвѣтственное собственной ея силѣ. Какъ огонь жжетъ, снѣгъ холодитъ, медъ сладитъ, такъ соли сушатъ. Итакъ, поелику въ моряхъ повсюду примѣшано сушащее естество солей, какъ сіе предувѣдала Божественная премудрость для удобнѣйшаго образованія паровъ (соленость, превозмогая надъ влажнымъ заключающеюся въ естествѣ ея сухостию, вытѣсняетъ

и изгоняетъ изъ моря все, что въ водѣ состоитъ изъ тонкихъ частей); то не противно будетъ справедливости думать также, что повсюду происходитъ трата влаги, потому что воздухъ исчерпываетъ море парамп.

Но что всякая воздушная влага дѣлается облакомъ, и оттуда изливаются на землю дожди, это показало предшествующее слово, этому научаетъ и пророчество, восписуя таковое дѣло Богу, когда говорить: *призывай воду морскую, и разливай ю на лице земли* (Амос. 5. 8.), и иное многое. И что всѣ облака возгораются, и совершенно сгораютъ отъ теплоты, которая выше ихъ, дознали мы это изъ дѣйствительности. Посему остается не упустить изъ виду возраженія, которое естественно возникаетъ передъ нами изъ сказаннаго. Ибо шый на основаніи прежнихъ изслѣдованій скажетъ: изъ примѣра, что бываетъ съ масломъ, дознали мы, что вещественное въ предметѣ и по сгорѣніи не погибаетъ, а переходитъ въ воздухъ, измѣненное дѣйствіемъ огня; но по уничтоженіи влаги противоположнымъ качествомъ возможно ли влажному естеству навсегда оставаться неумаляемымъ, когда сущность теплоты непрестанно пожигаетъ влагу въ парахъ, и превращаетъ въ качество сухости, какъ на основаніи изслѣдованій показало сіе обзорніе? Посему, если влага испаряется, и влажность, будучи въ парахъ раздѣлена на тонкіе и недѣлимые уча-

стки, дѣлается удобоуловимою для тѣплоты; то, по переходеніи влаги въ сухое качество, по всей необходимости должно признать болѣе истиннымъ то положеніе, что есть нѣкое обиліе водъ, изъ котораго всегда восполняется истраченное огнемъ. А, можетъ быть, въ подтвержденіе такого мнѣнія иный и изъ Писанія позаимствуетъ нѣкое свидѣтельство объ отверзшихся небесныхъ *хлябяхъ* (Быт. 7. 11.), когда надлежало стать всей землѣ подъ водою, всякой вершинѣ горъ быть въ великой водной глубинѣ.

Но утверждаю, что возраженіе, взятое изъ Писанія, можно отстранить другимъ Писаніемъ. Ибо знаю, какое употребленіе Божественныхъ реченій обычно Писанію. Что означаетъ оно словомъ: *отверзть*, и на что указываетъ словомъ: *заключить*? Ибо явно, что отверзается заключаемое, и заключается отверзаемое. Такъ, когда во времена Иліи усилилась засуха, Писаніе говоритъ: *заключися небо три мѣсяца и мѣсяцъ шестъ* (Лук. 4, 25.). Думаю, что выраженіе Писанія: *хляби небесныя отверзошася* употреблено въ томъ же смыслѣ, въ какомъ и сіе: *заключися* небо во время бездождія. Но тогда, по молитвѣ Иліи явившееся изъ моря облако (3 Цар. 18, 44.) отверзло имъ небо пролітіемъ дождя. А симъ ясно показывается, что тогда не разверзшаяся небесная твердь излила дождемъ такъ называемыя надъ твердію воды, но

Писаніе называетъ небомъ окружающій землю воздухъ, опредѣляющій собою мѣсто парамъ, то есть предѣлъ тончайшему естеству того, что надъ нимъ, далѣе котораго не имѣетъ никакой силы восходить ничто болѣе тяжелое, ни облако, ни вѣтеръ, ни паръ, ни испареніе, ни птица. Посему, что у насъ надъ головою, то Писанію обычно называть небомъ; такъ птицъ летающихъ въ семь воздухъ называетъ небесными (Быт. 1, 26.). Но если это дѣйствительно такъ; то слово наше не рѣшило еще другаго вопроса; почему претвореніе паровъ въ сухость не умаляетъ влаги, утрачиваемой отъ преобладанія теплої сущности. Но для сего хорошо будетъ изобрѣсти иной ходъ умствованія, согласный съ возрѣніемъ сего слова; и можетъ быть, при люботрудной внимательности удастся намъ не погрѣшить въ предположеніи приличномъ предмету разсужденія.

Слышу пророчество, въ которомъ изображается величіе могущества Божія чудесами въ твари; оно говоритъ: *кто измѣри рукою воду, и небо пядію, и всю землю горстію? Кто постави горы въ мѣриль и холми въ вѣсь* (Ис. 40, 12.)? Сими словами, думаю, Пророкъ ясно научаетъ, что каждая изъ стихій описуется особенными мѣрами; потому что содержительная Божія сила, которую Пророкъ именуетъ рукою, горстію, пядію, каждое изъ существъ

особымъ образомъ заключаетъ въ должную мѣру. Посему, если небо измѣряется Божіею силою, вода рукою, вся земля горстію, и холмы взвѣшены, и горамъ опредѣлено явное мѣрило; то по всей необходимости каждому существу должно оставаться при собственной своей мѣрѣ и при своемъ мѣрилѣ, такъ что не можетъ произойти ни увеличенія, ни сокращенія въ томъ, что отмѣрено Богомъ и объемется Его могуществомъ. Поэтому, если пророчество свидѣтельствуешь, что въ существахъ не бываетъ ни прибавленія, ни умаленія, то каждое неизмѣнно навсегда остается при собственной своей мѣрѣ, даже когда естество существъ оказывается измѣнчивымъ, все предлагающимъ въ то или другое, каждую вещь переименовавшимъ въ что либо иное, и изъ этого снова посредствомъ предложія и переименованія приводящимъ обратно въ то, чѣмъ была первоначально.

Но что влажный паръ, бывъ въ пламени, переходитъ въ землистое качество, горѣніемъ будучи преложень въ нѣчто сухое, это въ сказанномъ выше достаточно дано разумѣть представленнымъ въ примѣръ масломъ, и послѣ сего надлежитъ рассмотреть, точно ли, по измѣненіи вещества пара въ противоположное качество, возможно оставаться вверху этому остатку пара, какъ замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ слово еіе, претворенному горѣніемъ въ нѣчто тончайшее и непримѣтное?

Думаю, что по известнымъ вамъ примѣрамъ можно заключать и объ этомъ. Ибо здѣсь тонкія частицы дыма не навсегда остаются посящимися въ воздухъ, но по разрѣженности воздуха сходятся съ сроднымъ, окрашивая собою землю, стѣны и дерево на крышахъ. Посему, сообразно съ симъ, и о парѣ также можно предполагать, что и онъ, поднятый вѣтрами вверхъ въ высиренній и пламенѣющій слой воздуха, при претвореніи влажнаго качества сохраняетъ вещественность, а сдѣлавшись сухимъ, привлекается къ сродному, и возвращается земѣ. Ибо въ каждое изъ существъ съ естествомъ вложена сила притягивать свойственное ему; посему нѣтъ никакой несообразности сдѣлать такое предположеніе, что паръ, дѣлаясь какимъ-то сухимъ и землистымъ, по сему качеству примѣшивается къ сухости земли. Посему, если бы всякое естество влажной сущности было масленистое; то по грубости сего качества горѣніе обращало бы цвѣтъ таковыхъ паровъ въ черный, и происходящее было бы для всѣхъ явно, будучи доказываемо приипмаснымъ видомъ. Но поелику въ парахъ волнаго естества производится что-то самое тонкое и прозрачное, и они, по доказанному выше, вошедши въ огонь, влажное качество мѣняютъ на сухое; то, если мысль наша и признаетъ это чѣмъ-то существеннымъ, по всей необходимости должна сіе нѣчто, тон-

кое, убѣгающее отъ нашего наблюденія, представлять чистымъ и воздухообразнымъ. Но если кто признаетъ чувство болѣе достовѣрнымъ, нежели повятіе разума, и старается глазами усмотрѣть оныя недѣлимыя и непримѣтныя величины; то желающему можно видѣть, что воздухъ наполненъ такими частицами, когда солнечный свѣтъ, входя въ окно, сдѣлаетъ болѣе явственною ту часть воздуха, которая освѣщена лучемъ. Ибо что недоступно для глазъ въ прочей части воздуха, то при помощи луча усматривается въ безконечномъ множествѣ вращающимся въ воздухѣ. Посему, кто остановитъ на этомъ глазъ, тотъ найдетъ, что потокъ тонкихъ оныхъ частицъ всегда стремится въ низъ. Открывающееся же въ части воздуха служить доказательствомъ, что и во всемъ происходитъ подобное сему, потому что все само себѣ подобно, и цѣлое составляется изъ частей. А если потокъ сихъ тонкихъ и недѣлимыхъ частицъ во всякое время стремится по воздуху къ землѣ; явно же, что не эфирное что либо, будучи раздроблено на сіи частицы, разсыпается въ воздухѣ; потому что естество огня не подвергается раздробленію и разліянію на тонкія части; то по всей необходимости должно увѣриться, что опускается въ низъ вещество того самого, что показано было въ семъ словѣ восходящимъ въ парахъ, и что влаги, какія привлечены были

естествомъ теплоты, будучи сожжены и сдѣлавшись землянистыми, не удерживаются долѣе огнемъ, но опять возвращаются землѣ. Такъ пища, по измѣненіи ея въ насъ перевариваніемъ въ нѣкое тонкое качество, къ какой части тѣла приблизится во время пищеваренія, той части переваренное и дѣлается прибавленіемъ. И поелику многообразна разность членовъ въ составѣ тѣла по сухости и влажности, по теплотѣ и холодности; то при какомъ бы членѣ часть пищи ни находилась, дѣлается тѣмъ самымъ, что этотъ членъ по природѣ своей; потому что онъ, овладѣвъ благовременно, себѣ усволяетъ тонкость перевареннаго: подобнымъ сему образомъ происходитъ изъ недѣлимыхъ оныхъ величинъ непрестанно совершающееся нечувствительное приращеніе на землѣ. Почему прилипающее ко всякому предмету, чѣмъ бы ни было по сущности приемлющее, въ то естество измѣняется, и дѣлается въ землѣ землею, въ песокъ пескомъ, въ камнѣ камнемъ, во всемъ всѣмъ; какимъ бы изъ твердыхъ веществъ ни было пріившее, принятое превращается въ овладѣвшее имъ. Если же кто твердость камня признаетъ не допускающею такого приращенія; то при всей последовательности нашего разсужденія не почитаю должнымъ спорить съ думающими такъ; потому что ихъ разсужденіе не будетъ имѣть никакой силы, если предположимъ, что этотъ надаю-

щіи сверху потокъ землистыхъ частицъ отъ того, что не пріемлетъ ихъ, вѣтры переносятъ къ сродному.

Но иный, можетъ быть скажетъ, что слово наше опускаетъ изъ вида собственную свою цѣль, и предположивъ доказать, что влажное естество навсегда пребываетъ въ первоначальной своей мѣрѣ, само того не примѣчая, ведетъ къ противному заключенію. Ибо остается ли въ огнѣ возгоняемое вверхъ, или ставъ сухимъ опять возвращается на землю, въ томъ и другомъ случаѣ будетъ равнос умаленіе воды, и тѣмъ неменѣе симъ разсужденіемъ доказывається необходимость преизбытка влаги, по причинѣ всегдашней непремѣнной ея убыли. Посему слову нашему необходимо будетъ снова разсмотрѣть естество существъ, чтобы въ немъ разсужденіе наше открыло намъ путь къ предположенной цѣли.

Посему какое же это естество? Изъ стихійныхъ существъ, видимыхъ въ составѣ надземнаго міра, Создателемъ всяческихъ ничто не сотворено непреложнымъ и неизмѣннымъ, но все одно въ другомъ существуетъ, другъ другомъ поддерживается; потому что прелагающая сила какимъ-то круговымъ вращеніемъ все земное прелагаетъ изъ одного въ другое, и изъ премѣннаго въ другое приводитъ снова въ то, чѣмъ было прежде. А какъ сіе измѣненіе въ стихіяхъ совершается непрестанно,

то необходимо всему переходить изъ одного въ другое, другъ отъ друга удаляясь, и снова въ равной мѣрѣ другъ съ другомъ сближаясь. Ибо ничто изъ сего не можетъ сохраняться само собою, если не поддержитъ естества примѣненіе ипороднаго.

Какъ же, спросить иныи, прелагающая и измѣняющая сила совершаетъ круговой путь по четыремъ стихіямъ? Ибо не всё они проходятъ одна изъ другой, и кругъ измѣненія не равно проходитъ каждымъ изъ существъ. Но хотя вода изливается въ воздухъ парами, а пары, нанитавъ собою пламень, снова оземляются, но сообщенія съ огнемъ сдѣлавшись чѣмъ-то подобнымъ пеплу; однакоже земля, принявъ ихъ въ себя, останавливаетъ на себѣ ходъ сего измѣненія. Ибо не изслѣдовано еще объ ествѣ воды, изъ земли ли оно имѣетъ свое происхожденіе. Итакъ остается разсудить, возможно ли землѣ превратиться въ естество воды. Конечно же никто не обвинитъ насъ въ многословіи, если войдемъ, сколько можно, въ изслѣдованіе того, что требуетъ сего въ слѣдствіе сказаннаго.

Такъ видимъ многія сухія вещества, которыя по какой-то естественной особености увлажняются сами собою, какъ напримѣръ можно сіе примѣчать на соли, на металлахъ и на веществахъ, составляемыхъ изъ какой либо сожженной влаги, отличительнымъ свойствомъ ко-

торыхъ есть сухость, но, если коснется ихъ какая мокрота, дѣлаются они влажными, и сухость переменяютъ въ себѣ въ влажное качество. Такъ знаю, что естество меда отъ поджариванія дѣлается нѣкоторымъ образомъ сухимъ, и опять отъ какого либо обстоятельства разлагается во влагу. Но оставляю это, потому что лучше на основаніи какого либо необходимаго начала придать послѣдовательность положенію.

Знаемъ, что въ каждой изъ стихій не одно качество, которымъ восполняется составляемое изъ сей стихіи, и отдѣляется отъ того, что изъ противоположной стихіи, но каждая вещь познается подъ различными качествами, изъ которыхъ одни не сообщимы другъ съ другомъ, а другія равно свойственны и приличны качествамъ взаимно между собою борющимся; на примѣръ: въ землѣ и въ водѣ не смѣшиваются между собою сухость и влажность; но въ каждой изъ сихъ стихій въ равной мѣрѣ есть холодность, нѣкоторымъ образомъ соединяющая собою взаимно борющееся. Опять вода отдѣляется отъ воздуха по противоположности тяжелаго легкому. Но и между ними посредствуетъ въ естествѣ той и другой стихіи равно усматриваемая влажность. Опять воздухъ далекъ отъ огня, и противоположенъ ему по причинѣ борьбы между теплотою и холодомъ; но имѣетъ и общеніе по качеству легкости.

и общеніе этого качества служить какъ бы примиреніемъ какимъ естественнаго ихъ противленія. Потомъ огонь отъ земли отдѣляется по тяжести и легкости, но сухость обща обоимъ качествамъ, и чрезъ нее-то вступаетъ раздѣленное какъ бы во взаимный между собою союзъ.

Но, что имѣя въ виду, съ сего начинаю изслѣдованіе? То, что холодность одинаково усматривается и въ землѣ, и въ водѣ, и въ воздухѣ, въ большей же мѣрѣ свойственна влагѣ, охраняя собою нѣсколько естество воды, своимъ противленіемъ теплотѣ замедляя ущербъ причиняемый сухостию. Посему, какъ теплоту сродна сухость, и огню одному невозможно оказывать себя не въ сухомъ; такъ справедливо можно говорить, что съ влагою соединена холодность, потому что каждому изъ качествъ, усматриваемыхъ въ огнѣ, должно и въ водѣ быть противоположное качество, чтобы съ сухимъ боролась влажность, а съ холоднымъ теплота. Посему, если доказано, что влага наравнѣ съ холодностию составляетъ естество воды; то слѣдуетъ заключить, что по силѣ холоднаго качества естественно заключающагося въ землѣ, и вода есть въ землѣ, и земля въ водѣ. Ибо естественное сопряженіе влаги съ холодностию не позволяетъ имъ всецѣло разлучиться другъ съ другомъ. Но хотя влажное и холодное встрѣчаются иногда отдѣльно,

каждое само по себѣ, впрочемъ каждое не въ точности одно, но въ одномъ усматриваются по возможности оба. Ибо какъ за разлитіемъ влаги въ воздухъ слѣдуетъ охлажденіе въ частяхъ влажныхъ паровъ; такъ наоборотъ, поелику въ глубинѣ земли сохраняется холодность, и влажность не теряетъ сопряженнаго съ нею качества, но холодная сила, естественно заключающаяся въ землѣ, дѣлается какъ бы сѣменемъ какимъ естества влаги, всегда изъ себя порождающая соединенное съ нею качество; такъ какъ измѣняющаяся дѣйственность, въ слѣдствіе сильнаго охлажденія, прелагаетъ землю въ воду.

А если кто потребуесть у насъ въ этомъ отчетѣ, какъ измѣненіе сіе производитъ предложеніе твердаго въ влажное; то также не въ состояніи будемъ объяснить сего, какъ и всего инаго. Ибо какъ вода разливается въ воздухъ, и тяжелое находитъ себѣ мѣсто въ легкомъ, или какъ измѣненіе претворяетъ тяжелое въ легкое? Что бываетъ это, постигаемъ мы чувствомъ, но не можемъ разумомъ объяснить сихъ дѣлъ природы. Но если кто во свидѣтельство такого предположенія приметъ опытъ; то готовы мы доказать, представляя въ свидѣтели слова конателей колодезевъ. Такъ какъ воды заключаются въ глубинѣ, выкапываютъ сперва они сухую землю, и поступаая ниже въ работѣ своей, не вдругъ встрѣчаютъ воду въ пол-

номъ составѣ, но прежде по осязанію заключають, что въ землѣ есть нѣкоторая сырость; потомъ, достигнувъ болѣе охлажденнаго слоя по причинѣ глубины, находятъ комы подобныя грязи; послѣ сего, съ углубленіемъ работы въ слои еще болѣе охлажденные, появляется слабое нѣкое просачиваніе влаги; потомъ, по раскопаніи нѣкаго прохода подъ основаніемъ камня, куда по всей вѣроятности не проникала еще солнечная теплота, задерживаемая плотностію камня, открываются наконецъ рабочими нѣкія тонкія жилы воды, между которыми вкругъ дѣлается въ глубинѣ взаимная связь, и колодець наполняется тогда водою. Посему, что здѣсь происходитъ въ пустотѣ, сдѣланной человѣческими руками, — тѣснямая отсюда къ колодецу влага собирается въ немъ; тому же естественно быть и на всякомъ мѣстѣ, то есть изъ тонкой влаги непрестанно сообщаемому какими-то жилами течь болѣе широкими проходами, когда тонкіе токи будутъ соединены между собою. Такъ возраждается вода, когда холодъ увлажняетъ землю, и влажность, составляемая холодомъ, сама собою довершаетъ всецѣлое естество воды. Отсюда вода, уже собранная и сдѣланная потокомъ, гдѣ открывається удобнѣйшій путь, пробиваетъ для выхода землю; и сіе называется источникомъ. Признакомъ же, что холодность сопровождается происхожденіемъ водъ, служитъ, что страны,

лежащія къ сѣверу и болѣе охлажденныя, изобилуютъ водами. Ибо въ такой же мѣрѣ были бы орошаемы водами освѣщаемыя солнцемъ и южныя страны, еслибы отсутствіе охлажденія не препятствовало происхожденію влагъ. Какъ вода, собиравшаяся во время дождя, отъ сліянія капель дѣлается потокомъ; но если кто посмотритъ на самыя капли, взятыя порознь, то въ каждой каплѣ представится ему нѣчто малое и почти ничто; такъ при непрестанно составляющемся внизу по немногу количествѣ влаги, когда изъ многихъ потоковъ собраніе тонкихъ частицъ дѣлается однимъ, — все это обращается въ составъ рѣки. Отвергающій же предположенія сіи откуда признаетъ исходящими неизсякающіе источники рѣкъ? Не вообразитъ ли какихъ озеръ въ нѣдрахъ земли? Но и тѣ, если не будетъ въ нихъ притока, непременно вскорѣ истощатся; почему необходимо будетъ положить, что есть надъ ними еще другія озера. А послѣдовательность слова потребуетъ наполненія и еще другихъ озеръ, хотя и предположены будутъ служащія къ наполненію первыхъ, и необходимымъ сдѣлается доискиваться, изъ какихъ источниковъ наполняются послѣднія. А такимъ образомъ слово, простираясь въ безконечность, нигдѣ не остановится, предполагая озера надъ озерами, чтобы не имѣли они недостатка въ источникахъ, пока не найдетъ, откуда наполняются послѣднія, въ которыхъ

происхожденіе водъ беретъ свое начало. По-сему, что касается до отысканія причины перваго происхожденія воды; гораздо основательнѣе видѣть это въ составленіи источниковъ, а не вообразать подземныхъ озеръ, существованіе которыхъ тотъ часъ дѣлается противорѣчащимъ разуму, по свойству воднаго естества стремиться въ низъ. Ибо какъ потечетъ вверхъ то, чему по природѣ свойственно течь внизъ? Притомъ, о какой величинѣ сихъ озеръ дастъ поводъ гадать непрестанное истеченіе столькихъ водъ, чтобы, въ продолженіе столькихъ временъ изливая такое количество, могли оставаться не опустѣвшими, между тѣмъ какъ внутри ихъ ничто не замѣняетъ исходящаго?

Но въ слѣдствіе нашихъ изслѣдованій явно, что снабженіе рѣки водою не оскудѣваетъ, потому что въ воду превращается земля. Объемъ же земли, въ слѣдствіе исходящей изъ нея воды, не умаляется; потому что непрестанно совершающеся превращеніе сухихъ паровъ восполняетъ всегда то, что убываетъ въ ея объемѣ. А когда такъ, мысль объ измѣненіи стихій изъ одной въ другую не покажется уже для насъ несостоятельною. Но умъ поступаетъ послѣдовательно, когда въ превращеніи каждой вещи въ другую видитъ, какъ начало бытію той, въ которую преложена, такъ и возстановленіе опять въ ту, которою была первоначально. Напримѣръ, вода, въ парахъ вошедши въ

воздухъ, дѣлается воздухомъ; увлажненный воздухъ осушается въ огнѣ, который надъ нимъ; земленное во влагѣ отдѣляется отъ нея естественномъ огня; а это, когда бываетъ въ землѣ, холоднымъ качествомъ претворяется въ воду. И такимъ образомъ совершается непрерывный порядокъ; ничто не убываетъ и не избыточествуетъ, но все остается навсегда въ первоначальныхъ мѣрахъ.

Итакъ, на основаніи сихъ изслѣдованій должны мы подъ водами *надъ твердію* разумѣть нѣчто иное, а не влажное естество, такъ какъ изъ сказаннаго стало понятно, что естество огня не питается убылью влаги. Ибо по изслѣдованному нами доказано, что теплота, не питается, но погашается холодомъ, и влажное, уничтожается, а не приумножается сухимъ. Но время обратить обзорѣніе на другой вопросъ, а именно, почему послѣ третьяго дня сотворены всѣ небесныя свѣтила?

Что каждому изъ совершаемыхъ чудесъ предшествовало Божіе нѣкое повелительное слово (такъ какъ Моисей исторически научаетъ насъ высокимъ симъ догматамъ), изслѣдовано то нами въ предыдущихъ словахъ, въ которыхъ дали мы разумѣть, что повелѣніе не есть Божій гласъ, изрекшій слова; но та художественная и премудрая сила каждаго изъ творимыхъ существъ, по которой совершаются въ нихъ сии чудеса, есть Божіе Слово, и Имъ назы-

вается. И какъ вся въ совокупности полнота твари пришла въ бытіе по первому Божию изволенію; то необходимо слѣдующій, по вложеніи въ существо премудрости, порядокъ, при явленіи каждой изъ стихій, есть слѣдствіе Божіихъ повелѣній. Ибо при первомъ созданіи чувственной твари, совокупивъ въ многообъемлющемъ словѣ, Моисей указалъ на все, сказавъ: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю.* Выразившись же о полнотѣ существъ: *сотвори.* потомъ въ естественномъ нѣкоемъ порядкѣ обозначаетъ словомъ совершающееся появленіе каждаго изъ существъ. Посему вмѣстѣ со всѣмъ произошелъ свѣтъ, но не явился вдругъ во всемъ, пока темныя части твари оставались преграждающими путь свѣтоносной силѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ дано Богомъ твари служащее къ ея украшенію, въ легкости и удободвижимости естества проявлялась прежде всего проторгавшаяся огнистая и свѣтоносная сила твари; и до времени вся она была собрана въ себѣ самой, и все обтекала; послѣ же того снова частями своими стала отдѣляться къ сродному и сообразному. Ибо изъ видимаго явствуется, что не одна сила свѣтоноснаго естества. Но кто изъ всего собираемый свѣтъ родовымъ именемъ назоветъ однимъ свѣтомъ, тотъ не погрѣшитъ; потому что и Божіе Слово въ началѣ въ единственномъ числѣ выражаетъ все, повелѣвъ: *да будетъ свѣтъ,* а не свѣты.

А если кто обратить вниманіе на явленія; то усмотрить въ существахъ большую разность свѣтоносной силы. Почему и Псалмопѣвецъ говорить: *Сотворшему свѣты (φῶτα) велия единому* (Пс. 135, 7.). И Апостолъ говорить: *иная слава солнцу, и иная слава лунѣ, и иная слава звѣздамъ: звѣзда бо отъ звѣзды разиствуетъ во славу* (1 Кор. 15, 41.), потому что великая, конечно, разность въ свѣтѣ. Ибо, если и всему, чтѣ перечислено Павломъ, обычно и свѣтитъ, и каждому свѣтилу принадлежитъ нѣкая особая сила и слава; то справедливо по родовому понятію именовать все однимъ свѣтомъ, и въ каждомъ свѣтилѣ усматривать неслитную и раздѣльную разность. А если это дѣйствительно такъ; то, думаю, не погрѣшитъ противъ послѣдовательности мыслей наше гаданіе, если предположимъ сіе разумѣвшимъ Моисея, а именно, что первоначально вся свѣтоносная сила, собранная, въ себѣ самой, была единымъ свѣтомъ. Поселику же въ естествѣ цѣлой вселенной, относительно къ большей и меньшей мѣрѣ тонкости и удободвижимости усматривалась великая нѣкая разность; то достаточно было трехдневнаго продолженія времени, чтобы ясно и неслитно произойти взаимному отдѣленію каждой вещи въ мірѣ одной отъ другой, такъ чтобы самое тонкое и легкое, чисто невещественное, въ огненной сущности заняло самый крайній предѣлъ чувственной твари, за

которымъ слѣдуетъ умопредставляемое и безплотное естество, а все менѣе дѣятельное и болѣе оцѣненѣе составилось внутри пространства, окружаемаго тѣмъ тонкимъ и легкимъ естествомъ; да и сіе опять, по разности вложеннаго въ это свойства, раздѣлилось седмичастью, по взаимномъ между собою по средству соединеніи всѣхъ, одна другой соотвѣтственныхъ и близкихъ, частицъ свѣта и по отдѣленіи тѣхъ, въ которыхъ есть нѣчто инопородное. Такъ по взаимномъ стеченіи всѣхъ сихъ частицъ, сколько ихъ было всеяно въ свѣтоносной сущности солнечнаго естества, произошло одно великое свѣтило; а также, и на лунѣ, и на каждой изъ прочихъ движущихся и неподвижныхъ звѣздъ, соединеніе частицъ каждой съ однороднымъ произвело которое либо одно изъ видимыхъ свѣтилъ. Такимъ образомъ произошло все въ бытіе. Великому же Моисею достаточно было поименовать только болѣе извѣстныя изъ нихъ—*свѣтило великое и свѣтило меньшее* (Быт. 1, 16.), а все прочее назвать родовымъ именемъ: *звѣзды*.

Если же затруднитесь симъ дебелисть нашего ума, будучи не въ состояніи проникнуть въ тонкость Божіей премудрости; то никто да не дивится тому, взирая на бѣдность нашего естества, для котораго вождедѣнно не то, чтобы ни въ чемъ не погрѣшати, но чтобы въ состояніи быть постигнуть хотя что либо одно.

Говорю же это, имѣя въ виду объяснить, какая была причина сего трехдневнаго продолженія, и что такого времени достаточествовало къ отдѣленію каждаго свѣтлаго тѣла. Ибо явно, что непремѣнно есть нѣкая причина, хотя и недоступная нашему взору, по которой мѣра сего времени къ отдѣленію свѣтоносной сущности служила и опредѣленнымъ своимъ теченіемъ, и количествомъ дѣятельности огня въ его движеніи, при чемъ удѣлы свѣта распределены по свойству свѣтилъ, такъ что сіи безпредѣльныя разности свѣтовъ поставили себя каждая въ свойственномъ положеніи, какое естественнымъ свойствомъ указано тамъ, куда каждую привела вложенная въ нее естественная сила, и не произошло при семъ никакого безпорядка, или смѣшенія; потому что Божественною премудростію по естественному свойству, какое дано каждому свѣтилу, установленъ у нихъ непреложный порядокъ, такъ что самую высшую страну занимаютъ тѣ, которыя восходятъ вверху удободвижиѣ всякой высирь стремящейся сущности. И изъ сихъ опять свѣтилъ инныя, или поставлены въ срединѣ, или сдѣлались южными, или уклонились къ сѣверу, или заняли среднее между ними мѣсто, наполнили собою или млечный путь, или зодіакальный кругъ, и въ немъ опять производятъ или то или другое очертаніе созвѣздія; и опять въ созвѣздіи не самослучайно каждыя изъ звѣздъ,

находящихся въ его очертаніи, имѣеть положеніе или тамъ, или здѣсь; но куда привело равномѣрно вложенное въ звѣзду свойство, тамъ пребываетъ въ непреложномъ постоянствѣ по силѣ своего естества, согласно съ преобладающею премудростію Сотворнаго. Сіе и подобное сему таково, что умъ, взирая на это, приходитъ въ изнеможеніе, и осуждаетъ собственную свою лѣпость, не имѣя силъ отыскать причину, почему трехдневнаго продолженія времени достаточно было къ отдѣленію такого числа звѣздъ; или какъ, по причинѣ безпредѣльнаго состава неподвижной сферы окружающей землю, въ срединѣ всего пространства великая Божія премудрость помѣстила солнечное естество, чтобы мы не жили совершенно во тмѣ, когда бы свѣтъ, изливаемый звѣздами, прежде нежели доходилъ до насъ, истощался въ промежуточномъ разстояніи. Посему-то освѣщающую силу солнечнаго естества поставила надъ нами на такой высотѣ, что лучъ не ослабляется великимъ разстояніемъ, и не дѣлается для насъ неприятнымъ по чрезмѣрной близости; а что вещественнѣе и грубѣе всего, что надъ нами, разумѣю тѣло луны, то поставлено ниже, обтекаетъ ближайшія къ землѣ страны; и естество сего тѣла оказывается чѣмъ-то среднимъ, равно надѣленнымъ и не свѣтящею и свѣтоносною силой. Ибо собственному свѣщенію луны препятствуетъ

грубость ея сущности, но при отраженіи солнечнаго луча оказывается она не вовсе лишенною свѣтоноснаго естества. Но хотя видѣть причину въ каждомъ изъ существъ проявляемой премудрости невозможнымъ дѣлаетъ бѣдность нашего естества; однакоже изъ порядка, указаннаго Законодателемъ въ твореніи существъ, усматривать нѣкоторую послѣдовательность сотвореннаго возможно, думаю, для тѣхъ, которые умѣютъ достаточно видѣть, что за чѣмъ должно слѣдовать, и по нѣкоторымъ догадкамъ сколько нибудь уразумѣть это.

Итакъ повторимъ послѣдовательный порядокъ созданій. А онъ есть слѣдующій: за предварившимъ все явленіемъ повсеместнаго и родоваго свѣта по его удободвижности послѣдовало округленіе тверди, опредѣленное круговымъ обращеніемъ огня. По отдѣленія же отъ легкаго естества естествъ болѣе тяжелыхъ, послѣдовательно различаются между собою тяжелья качества, раздѣленныя на земля и вода. А когда дальнее естество приведено въ устройство, тонкая, легкая, выпрь наращая сущность, потому что не вся она была сама въ себѣ однородною, въ промежуточное продолженіе протекавшаго времени, изъ общаго дѣлится на однородныя свойства; въ сеіи сущности образовавшееся безчисленное множество звѣздъ, по вложенному въ каждую часть естественному свойству, подьсмается на самый

верхъ твари, и каждая звѣзда занимаетъ собственное свое мѣсто, не прекращая всегдашняго стремленія къ движению и не выходя изъ того положенія, въ которомъ поставлена. Но какъ порядокъ звѣздъ неподвиженъ, такъ естество ихъ во всегдашнемъ движеніи. Въ слѣдъ за симъ, звѣзда, которая по стремительности своей занимаетъ второе мѣсто послѣ самой быстрой въ движеніи, получаетъ въ удѣлъ шестой кругъ; и опять третій и четвертый круги даже до седмаго удѣляются звѣздамъ по отношенію ихъ естества къ скорости; каждая въ такой же мѣрѣ понижается предъ высшею, въ какой естество ея въ сравненіи съ звѣздами, которыя надъ нею, медленнѣе въ движеніи. Посему совершается это въ четвертый день, не потому что тогда созданъ свѣтъ, но потому что свѣтовое естество совокупилось во кругъ естественнаго и свойственнаго ему, и явились, какъ прочія звѣзды, такъ и видимыя въ большемъ предъ прочими объемѣ, солнце и луна, бытіе которыхъ въ первоначальномъ основаніи замѣтствовало начало отъ свѣта, но составъ каждаго свѣтила приведенъ въ совершенство въ три дня; потому что все движущееся непременно движется во времени, и для взаимнаго между собою сложения частей нужно нѣкоторое продолженіе времени.

И посему великимъ Моисеемъ объ устроеніи существъ все описано не видѣ послѣдователь-

наго порядка. Если предварительнымъ могуществомъ Создателя всему въ совокупности положено вещественное основаніе, частное же проявленіе видимаго въ мірѣ совершилось въ нѣкоемъ естественномъ порядкѣ и въ послѣдовательности въ опредѣленное продолженіе времени. Тогда явился вообще свѣтъ, а теперь возсіяло все свѣтоносное естество въ особыхъ тѣлахъ, къ числу которыхъ принадлежатъ солнце и луна. И какъ вещества, имѣющія нѣкую текучую силу, хотя всё текутъ, но не всё поэтому непремѣнно между собою однородны, а напротивъ того каждое имѣетъ какую либо съ другимъ разность (например масло, ртуть, вода, если кто смѣшавъ всё эти вещества выльетъ въ одинъ сосудъ, то по прошествіи непродолжительнаго времени, сперва сдѣлается виднымъ, что ртуть, такъ какъ тяжелѣе другихъ, и сильнѣе стремится въ низъ, собираетъ собственныя свои части, хотя бы и повсюду были онѣ разсѣяны; потомъ вода сливается сама съ собою; а потомъ частицы масла вышлываютъ на верхъ всего, и составляютъ между собою); такъ, думаю, должно гадать и о томъ, что составляетъ предметъ нашего обозрѣнія, перемѣнивъ изъ сказаннаго въ примѣрѣ одно то, что, здѣсь въ веществахъ текучихъ совершающееся по причинѣ тяжести, тамъ въ естествѣ стремящемся высерь оказывается происходящимъ въ обратномъ порядкѣ. Поселку при первона-

чалпомъ основаніи существъ все по легкости стремилось высирь, сколько въ каждомъ веществѣ было скорости по силѣ, какая во все была вложена естествомъ; то слѣдовало взаимно стекаться всему имѣющему равную скорость; и также по мѣрѣ разной скорости одному отъ другаго отдѣляться, сколько сіе было свойственно и возможно. Посему, какъ въ примѣрѣ отдѣленіе сихъ текучихъ веществъ своимъ размѣщеніемъ не произвело новыхъ веществъ, но уже бывшія и смѣшанныя между собою вещества показали каждое въ его чистотѣ и одно отъ другаго отдѣльно; такъ и послѣ трехдневнаго продолженія времени не вновь созданы свѣтоносное стество и свѣтоносная сила солнца, но, какъ разныя по вселенной, отдѣлены и собраны въ самихъ себя.

Еслиже потребуеть кто у насъ слова и о третіемъ небѣ, о которомъ ничего не написалъ Моисей, но которое видѣлъ Павелъ, и, бывъ на немъ, какъ бы въ какомъ святилищѣ премудрости, слышалъ неизглаголанное; то скажемъ, что не виѣ изслѣдованнаго нами и оноо третіе небо. Мнѣ кажется, что великій Апостоль, простираясь ко всему, что видѣлъ предъ собою, преступивъ предѣлы всего чувственнаго естества, вошелъ въ умосозерцательное состояніе, такъ что его взглядъ на умопредставляемое сталъ совершенно не тѣлесный. Сіе и самъ онъ выражаетъ собственнымъ своимъ

словомъ, сказавъ: *аще въ тьмѣ, не вѣмъ, аще ли кромѣ тьма, не вѣмъ, Богъ вѣсть: восхищена быша таковоа до третяго небесе* (2 Кор. 12, 2.). Посему, думаю, что самый крайній предѣлъ чувственнаго міра Павелъ нарекъ третіимъ небомъ, раздѣливъ видимую вселенную на три части, и по обычаю Писанія каждый отдѣлъ наименовавъ небомъ. Ибо слово Писанія, по особому употребленію реченій, однимъ небомъ называетъ предѣлъ болѣе грубаго воздуха, до котораго возносятся облака, вѣтры и естество высокопарящихъ птицъ; потому что говоритъ и о небесныхъ облакахъ, и о птицахъ небесныхъ; и не просто называетъ сіе небомъ, но и съ присовокупленіемъ имени: *твердь*. Ибо говоритъ: *да изведутъ воды гды души живыхъ, и птицы летающія по земли на тверди небесній* (Быт. 1, 20.). Потомъ другимъ небомъ и твердою называетъ усматриваемое внутри неподвижной сферы, гдѣ совершаютъ путь свой подвижныя звѣзды. Ибо сказуетъ: *сотвори Богъ свѣтила великая. И положи я на тверди небесній, яко свѣтити на землю* (Быт. 1, 16. 17.). Всякому же, сколько нибудь обратившему вниманіе на устройство вселенной, явно, что все то пространство, въ которомъ свѣтила вращаются при своемъ стремленіи выспрь, и самый крайній предѣлъ чувственнаго міра, эту границу умопредставляемой твари, Писаніе называетъ и твердою и небомъ.

Поэтому вождествавшій того, что выше слова, и не смотрящій, какъ повелѣваетъ и намъ, *видимыѣхъ: видимаѣ бо временна: невидимаѣ же вѣчна* (2 Кор. 4, 18.), куда восхнцало его вождествіе, туда и былъ вознесенъ силою. И когда указываетъ на сіе столько для него вождественное, вмѣсто того, чтобы сказать: *вѣмъ человека*, который миновалъ всю чувственную тварь, и былъ въ святилищѣ умопредставляемаго естества, *яко изъ млада священнаѣ Писанія умлвщій* (2 Тим. 3, 15.), обозначаетъ сіе словами Писанія, наименовавъ третімъ небомъ конецъ сихъ трехъ усматриваемыхъ во вселенной отдѣловъ. Ибо позади себя оставилъ воздухъ, прошелъ пути круговращенія нанолюющихъ средѣ звѣздъ, миновалъ верхній сводъ эфирныхъ предѣловъ, и бывъ въ постоянномъ и умопредставляемомъ естествѣ, видѣлъ красоты рая, и слышалъ, чего человѣческое естество изречь не можетъ.

Сіе мы, человекъ Божій, отвѣтствуемъ на предложенное намъ твоимъ благоразуміемъ, и выраженіи Писанія не претворяя въ иносказаніе, имѣющее переносный смыслъ, и не оставивъ безъ изслѣдованія сдѣланныхъ намъ возраженій. Но сколько можно, принимая реченіе въ собственномъ его значеніи, при обзорѣ и именованіи держалась мы послѣдовательной связи естества, и тѣмъ по возможности доказали, что нѣтъ никакихъ противорѣчій въ томъ,

что само съ собою согласно, хотя и представляется противорѣчнымъ при поверхностномъ чтеніи. Описывать же процесъ, что совершено въ продолженіи шестидневнаго міротворенія, почли мы дѣломъ напраснымъ, потому что высокое слово учителя не оставило не обозрѣннымъ ничего изъ подлежащаго изслѣдованію, кромѣ устроенія человѣка, надъ чѣмъ прежде сего потрудившись въ особой книгѣ, послали мы твоему совершенству, и въ томъ словѣ и въ настоящемъ прося тебя и всѣхъ читателей не подумать, будто бы идемъ въ состязаніе съ усердіемъ учителя, напротивъ того и тамъ, восполняя, сколько было можно, недостававшее въ трудѣ его надъ шестодневомъ, призовокуници мы разсужденіе о человѣкѣ, а здѣсь позаботились написать сіе для требующихъ послѣдовательности въ томъ, что излагается въ Писаніи, чтобы вмѣстѣ, и сохранить буквальный смыслъ написаннаго, и съ буквою примирить естественное воззрѣніе. Еслиже въ сказанномъ недостаточно что; то безъ всякой зависти, и твое благоразуміе, и каждый изъ читателей довершите недостающее. Ибо дароношенію богатыхъ не пренятствовало вложеніе двухъ лентъ вдовицныхъ; и принесшіе Моисею для скинни кожи, дерева и волосы, не послужили пренятствіемъ для предлагавшихъ въ даръ золото, и серебро, и драгоценныя камни. Посему и мы съ любовію приемъ, если

принесенное нами будетъ принято, хотя въ
качествѣ волосовъ, но только въ вашей баг-
ряницѣ, перетканной золотомъ, возложено бу-
детъ на слово верхней одежды, которому имя:
слово, явленіе и истина, какъ говоритъ Моисей
(Лев. 8, 8.), уготовляя священнику новья обла-
ченія, по повелѣнію Самаго Бога, Которому
подобаетъ слава и держава съ Единороднымъ
Сыномъ и Всесвятымъ Духомъ во вѣки вѣковъ,
амнь.

2. ОБЪ УСТРОЕНИИ ЧЕЛОВѢКА.

БРАТУ, РАБУ БОЖІЮ, ПЕТРУ ГРИГОРІЙ, ЕПИСКОПЪ
НИССКІЙ.

—

Еслибы отличающихся добродѣтелию должно было вознаграждать цѣннымъ имуществомъ ; то цѣлый міръ, какъ говоритъ Соломонъ, оказался бы малымъ для того, чтобы стать равноцѣннымъ твоей добродѣтели ; потому что благодарность, должная твоей честности, выше цѣны богатства. Но святая пасха требуетъ обычнаго дара любви, который приносимъ высокой душою твоею, человѣкъ Божій, хотя и оный меньше дара, какой слѣдовало бы принести тебѣ по достоинству, но не скуднѣе дара, какой только въ нашихъ силахъ. Даръ сей есть слово, подобное убогой пѣкшей ризѣ, бѣднымъ нашимъ умомъ не безъ труда сотканной. Хотя содержаніе слова многимъ, можетъ

быть, покажется смѣлымъ, однакоже не почтутъ его неприличнымъ. Ибо Божіе твореніе достойно уразумѣль одинъ, подлинно созданный по Богу, и душу свою по образу Сотворшаго образовавшей, Василій, общій нашъ отецъ и учитель, высокое устройство вселенной обозрѣнемъ своимъ содѣлавшій для многихъ удобопонятнымъ, и съ нимъ міромъ, который сотворенъ Богомъ по истинной премудрости, ознакомившій приведенныхъ къ созерцанію его мудростию. Но мы, не въ силахъ будучи и дивиться ему по достоинству, съ тѣмъ вмѣстѣ задумали присовокупить, чего не доставало въ обозрѣніи Великаго, не съ тѣмъ, чтобы своимъ подлогомъ опорочить его трудъ (ибо не позволительно оскорблять оныя великія уста, приписывая имъ наши слова), но чтобы не подать мысли, будтобы слава учителя оскудѣла въ его ученикахъ. Такъ какъ въ шестодневѣ не достаетъ разсужденія о чловѣкѣ; то еслибы никто изъ учениковъ его не приложилъ старанія восполнить сей недостатокъ, справедливо послужило бы сіе поводомъ къ укоризнѣ, вопреки великой его славы, будто не хотѣлъ онъ образовать въ слушателяхъ какой либо разумной способности. Теперь же, когда осмѣлились мы, по мѣрѣ силъ, изложить недостающее, если въ трудѣ нашемъ найдется нѣчто какъ бы не недостойное его ученія, то, безъ сомнѣнія, будетъ сіе отнесено къ учи-

телю. Если же слово наше не достигнетъ высоты его взгляда, то не падеть на него обвиненіе, и избѣжить укоризны, будто бы не хотѣлъ ученикамъ сообщить чтолибо дѣльное; а мы справедливо окажемся новинными предъ ищущими предлоговъ къ укоризнѣ, какъ въ тѣснотѣ сердца своего не вмѣстившіе мудрости наставника.

Не малоцѣнна же подлежащая намъ въ обзорѣни цѣль, не уступаетъ она первенства ни одному изъ чудесъ міра; а, можетъ быть, и важнѣе всего нами познаваемаго; потому что ни одно другое существо не уподобляется Богу, кромѣ этой твари—человѣка. Посему, что ни скажемъ, у благопризнательныхъ слушателей за все готово уже намъ извиненіе, если будетъ слово наше и гораздо ниже достоинства. Ибо, говоря о человѣкѣ, думаю, не должно оставлять неизслѣдованнымъ и того, что, какъ вѣруемъ, было съ нимъ прежде, и того, что, какъ ожидаемъ, будетъ еще впредь, и того, что усматриваемъ въ немъ нынѣ. Иначе стараніе наше окажется не соответствующимъ данному обѣщанію, если, когда предметомъ обзорѣнія человѣкѣ, отложено будетъ въ сторону чтолибо относящееся къ этому предмету. Да и что въ человѣкѣ представляется противорѣчущимъ по несходству съ бывшимъ въ немъ первоначально, тогда какъ теперь по какой-то необходимой послѣдовательности усма-

тривается естественнымъ, падлежить, по указанію Писанія и по соображенію выведенному изъ умозаключенія, согласить такъ, чтобы все изложенное было въ связи и порядкѣ, все показывало, что и кажущееся противорѣчущимъ направлено къ одной и той же цѣли, и Божіе могущество находить надежду безнадежному и исходъ невозможному. Для легкости же призналъ я лучшимъ предложить тебѣ слово, раздѣливъ на главы, чтобы содержаніе всего сочиненія могъ ты видѣть кратко въ содержаніяхъ каждой отдѣльной части.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

въ которой заключаются нѣкое частное естествословіе міра, и болѣе привлекательное изображеніе предшествовавшаго бытію человѣка.

Сія книга бытія небесе и земли, говоритъ Писаніе (Быт. 2, 4.), когда совершилось все видимое, и каждое изъ существъ отдѣльно заняло свойственное ему положеніе, когда небесный сводъ кругомъ объялъ собою вселенную, а въ серединѣ ея наши себѣ мѣсто тѣла тяжелья и стремящіяся внизъ, земля и вода, взаимно другъ другомъ поддерживаемыя. Нѣкою же связію и скрѣпою сотвореннаго въ естество существъ вложены божественное художество и божественная сила, сею двойкою

дѣйствительною правяція вселенною. Ибо покоемъ и движеніемъ сообщили они бытіе несущему и продолженіе бытія существующему, около того, что въ неподвижномъ естествѣ тяжелаго и непреложнаго, какъ бы около какой неподвижной оси, приводя въ самое быстрое движеніе полюсь, круговращающійся подобно колесу, взаимно въ томъ и другомъ соблюдая неразрушимость; потому что круговращаемая сущность скоростію движенія плотность земли сжимаетъ въ нѣчто круговидное, а твердость и упорство непремѣнною неподвижностію непрерывно поддерживаетъ движеніе вращающагося около нея. Дѣйствительно же сихъ противоположностей и неподвижнымъ естествомъ, и незнающимъ покоя круговращеніемъ, производится въ томъ и другомъ равный избытокъ; потому что, и земля не прелагается съ собственнаго своего основанія, и небо не умалаетъ и не ослабляетъ стремительности движенія. И что сіе прежде всего уготовано премудростію Сотворнаго, какъ пѣкое начало всего устройства существъ, на это, какъ думаю, указуя, великій Моисей сказалъ: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю* (Быт. 1, 1.), то есть, всѣ явленія въ твари, порождаемыя движеніемъ и покоемъ, и по Божію изволенію приведенныя въ бытіе. Итакъ, поелику небо и земля совершенно противоположны другъ другу, по противоположности

ныхъ дѣйственности; то тварь, занимающая средину между противоположными, заимствуясь частію отъ прилежащаго, посредствуетъ собою между крайностями, такъ что явнымъ дѣлается чрезъ эту среду взаимное соприкосновеніе противоположностей. Хотя легкостію естества и способностію къ движенію и воздухъ удобляется нѣсколько пріснодвижности и легкости огненной сущности; однакоже и не таковъ, чтобы ему быть чуждымъ сродства съ веществами плотными, какъ непробывающій всегда неподвижнымъ, и не текущій, неразсѣвающійся непрестанно; а напротивъ того, имѣя общія свойства съ тѣмъ и другимъ, служить какъ бы взаимною какою границею противоположности дѣйствованій, въ себѣ самомъ смѣшивая вмѣстѣ и раздѣляя то, что по естеству противоположно. По тому же закону и влажная сущность двоякими качествами связуется съ каждымъ изъ противоположныхъ естествъ; ибо тѣмъ, что тяжела и стремится внизъ, въ великомъ сродствѣ съ естествомъ земнымъ, а тѣмъ, что обладаетъ какою-то орошающею и проникающею дѣйственностію, не вовсе отчуждена отъ естества движимаго, но есть какое-то стеченіе и смѣшеніе противоположностей, тяжести преложенной въ движеніе, и движенія не связаннаго тяжестію, такъ что и противоположное естествомъ другъ другу на самыхъ крайнихъ предѣлахъ одно съ дру-

гимъ соединено посредствующимъ. Лучше же, говоря точнѣе, самое естество вещей противоположныхъ по свойствамъ не вовсе далеко отъ смѣшенія съ естествомъ другихъ качествъ; почему, думаю, все являющееся въ мірѣ одно къ другому склонно, и тварь, оказывающаяся съ противоположными свойствами, сама съ собою согласна. Посляку движеніе, не какъ одна переменная мѣста понимается, усматривается же оно и въ превращеніи и въ измѣненіи; и опять естество непреложное не допускаетъ движенія въ измѣненіи; то премудрость Божія, замѣнивъ свойства одни другими, присподвижное содѣлала непреложнымъ, а неподвижное превратнымъ, устроивъ это, вѣроятно, по особой промыслительности, чтобы такія свойства естества, каковы непревратность и непреложность, оказавшись въ одной изъ видимыхъ тварей, не заставили и тварь сію признавать Богомъ. Ибо нельзя предполагать божества въ томъ, что движимо или измѣняемо. Посему-то земля, хотя стоитъ, но нечужда превратностей; а небо напротивъ того, не будучи превратнымъ, не имѣетъ неподвижности; такъ какъ божественная сила, сопрягши съ неподвижнымъ естествомъ превратность, а съ превратнымъ движимость, обмѣномъ свойствъ оба сіи естества сроднила между собою, мысль же о божественности ихъ содѣлала чуждою для нихъ; потому что, какъ сказано, ничто подобное, то

есть, и движимое и измѣняемое не признается за естество божественное.

Итакъ все уже достигло своего конца. Ибо, какъ говоритъ Моисей, *совершишася небо и земля* (Быт. 2, 1.), и все, что между ними, и это, отдѣльно взятое, украсилось соотвѣтствующею лѣнотою, небо лучезарностию свѣтилъ, море и воздухъ плавающими и летающими животными, земля разнообразіемъ всякаго рода растений и четвероногихъ; все это произвели изъ себя вдругъ въ одно и тоже время, получивъ на то силы по Божію изволенію; и земля исполнилась красотъ, произрастивъ вмѣстѣ съ цвѣтомъ и плоды, наполнились луга всѣмъ, что видимъ на лугахъ, всѣ утесы и горныя вершины, всякій склонъ и всякая покатость, все, что во впадинахъ, увѣнчалось зазелѣнѣвшею травою и красивыми деревьями, едва только показавшимися изъ земли, и вдругъ достигшими совершенной красоты. Возвеселилось же, вѣроятно, все, и разыграли Божіимъ повелѣніемъ созданныя животныя, стадами и породамъ бродящія по лѣсамъ; и въ шумѣ и вѣвчнхъ птицъ повсюду огласилось все, что было густо покрыто и обѣнено деревьями. Но видъ моря, какъ слѣдовало, былъ нѣсколько инаковъ, и таковъ, что во множествѣ заливовъ море пребывало въ тишинѣ и покоѣ, и по Божію изволенію затншья и пристани, сами собою углубившися въ берега, приобучали море къ сушѣ;

и тихія движенія волнъ спорили въ красотѣ съ лугами, между тѣмъ какъ легкіе и безвредныя вѣтерки на одной только поверхности производили пріятную для взоровъ рябь. И все богатство твари готово было и на землѣ и на морѣ, но не было еще, кому пользоваться этимъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Почему человекъ послѣдній въ твореніи?

Такъ великая эта и досточестная тварь—человекъ не обиталъ еще въ мірѣ существъ; потому что не естественно было начальнику явиться прежде подначальныхъ; но послѣ того, какъ уготовано сперва владѣніе, слѣдовало показать и царя. Посему, когда Творецъ вселенной, какъ бы царскій пѣкій чертогъ, устроилъ имѣющему царствовать, и это — были самая земля, острова, море и на подобіе крыши сведенное надъ ними небо; тогда въ царскіе эти чертоги собрано было всякаго рода богатство; богатствомъ же называю всю тварь, все растенія и прозябанія, все, что чувствуетъ, дышетъ, имѣетъ душу. Еслиже къ богатству причислить надобно и вещества, какія только по какой либо доброцвѣтности въ глазахъ человѣческихъ признаны драгоценными, наприкладъ: золото и серебро и тѣ изъ этихъ камней,

которые любезны людямъ; то обиліе всего этого, какъ бы въ царскихъ нѣкинхъ сокровищницахъ, сокрывъ въ нѣдрахъ земли, потомъ уже показывается въ мірѣ человѣка, будущаго, заключающихся въ немъ чудесъ, частію зрителя, а частію владыку, чтобы при наслажденіи приобрѣлъ онъ познаніе о Подателѣ, а по красотѣ и величію видимаго изслѣдовалъ неизреченное и превышающее разумъ могущество Сотворшаго. Посему-то человѣкъ введеть послѣднимъ въ твореніе, не потому что, какъ нестоющій, отринуть на самый конецъ, но потому что вмѣстѣ съ началомъ бытія долженъ былъ стать царемъ подчиненныхъ. Какъ добрый гостепримецъ до приготовления снѣдей не вводитъ гостя къ себѣ въ домъ, но, приготовивъ все благоприлично; убравъ, какими слѣдовало, украшеніями домъ, пиршественную горницу, трапезу, припасши уже пригодное для пищи, принимаетъ у себя сопиршественника: подобнымъ сему образомъ богатый и щедрый Угоститель естества нашего, всякаго рода красотами убравъ это жилище, уготовивъ этотъ великій и всѣмъ снабженный пиръ, потомъ уже вводитъ человѣка, вмѣнивъ ему въ занятіе не прибрѣтать то, чего еще нѣтъ, но наслаждаться тѣмъ, что уже есть. Поэтому въ основаніе устройства полагасть въ немъ сугубое начало, смѣшавъ съ земнымъ божественное, чтобы ради того и другаго имѣть ему

наслажденіе, какое сродно и свойственно тому и другому, наслаждаясь и Богомъ по естеству божественному, и земными благами по однородному съ ними чувству.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

О томъ, что человѣческое естество достоестивѣ всякой видной твари.

Достойно же нашего обозрѣнія и то, что, когда полагаемо было основаніе столь пространному міру и основнымъ его частямъ, вошедшимъ въ составъ цѣлаго, твореніе совершалось какъ бы спѣшно, приводимое въ бытіе божественнымъ могуществомъ, вдругъ совокупно изрекаемымъ повелѣніемъ. Устроению же человѣка предшествуетъ совѣтъ, и Художникомъ по начертанію слова предъизображается будущее созданіе, и каково должно быть оно, и какого первообраза носить на себѣ подобіе; и для чего оно будетъ, и что произведетъ по сотвореніи, и надъ чѣмъ ему господствовать, — все это предусматриваетъ Слово, чтобы человѣкъ пріялъ достоинство, которое выше его бытія, пріобрѣлъ власть надъ существами прежде, нежели самъ пришелъ въ бытіе. Ибо сказано: *и рече Богъ: сотворимъ человека по образу Нашему и по подобію: и да обладаетъ рыбами морскими, и звѣрми*

земными и птицами небесными, и скотами и всею землею (Быт. 1, 26.). Какое чудо! Устраивается солнце, и никакого не предшествуетъ совѣта, также и небо, хотя нѣтъ ничего ему равнаго въ сотворенномъ, и такое чудо создается единымъ реченіемъ, о томъ же, изъ чего и какъ, и о чемъ либо иномъ ему подобномъ, не сказано ни слова. Такъ и все, взятое порознь, эфиръ, звѣзды, наполняющій средину воздухъ, море, земля, животныя, растенія,—все приводится въ бытіе словомъ. Къ одному только устройенію человѣка Творецъ вселенной пристунаетъ, какъ бы съ разсмотрительностію, чтобы и вещество приготовить для его состава, и образъ его уподобить первообразной нѣкой красотѣ, и назначить цѣль, для которой будетъ онъ существовать, и создать естество соответственное ему, приличное его дѣятельности, пригодное для предположенной цѣли.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О томъ, что устройство человѣка во всемъ даетъ видѣть начальственную его власть.

Какъ въ этой жизни художники даютъ видъ орудію соответственно его потребности; такъ наилучшій Художникъ создалъ наше естество,

какъ нѣкій сосудъ, пригодный для царственной дѣятельности, и по душевнымъ преимуществамъ, и по самому тѣлесному виду, устроивъ его такимъ, какимъ нужно быть для царствованія. Ибо душа прямо показываетъ въ себѣ царственность, и возвышенность, и великую далекость отъ грубой низости тѣмъ самымъ, что она, не подчиняясь, свободно, полновластно располагаетъ своими желаніями. А это кому иному свойственно кромѣ царя? И сверхъ того содѣлаться образомъ Естества всѣмъ владычествующаго — не иное что значитъ, какъ при самомъ созданіи немедленно стать естествомъ царственнымъ. Ибо какъ по человѣческому обычаю приготовляющіе изображенія державныхъ и черты лица снимаютъ вѣрно, и облеченіемъ въ порфиру показываютъ царское достоинство, и изображеніе называется обыкновенно царемъ; такъ и человѣческое естество, послѣку приуготовлялось для начальствованія надъ другими, по причинѣ подобія Царю вселенной, выставлялось какъ бы нѣкимъ одушевленнымъ изображеніемъ, то общія съ Первообразомъ имѣло и достоинство и имя; но не въ порфиру было облечено, не скиатромъ и діадимою показывало свой санъ (сего нѣтъ и у Первообраза), а вмѣсто багряницы облечено добродѣтелию, что царственице всѣхъ одеждъ, вмѣсто скиитра утверждено блаженствомъ безсмертія, вмѣсто царской діадемы украшено вѣн-

цемъ правды, такъ что, въ точности уподобляясь красотѣ Первообраза, все́мъ доказывало царскій свой санъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О томъ, что человекъ есть подобіе Божіей царственной власти.

Божественная же красота не во внѣшнихъ чертахъ, не въ пріятномъ складѣ лица и не какою либо доброцвѣтностію сіяеть, но усматривается въ невыразимомъ блаженствѣ добродѣтели. Посему, какъ живописцы представляютъ на картинѣ человѣческія лица красками, стирая для сего такихъ цвѣтовъ краски, которыя близко и соотвѣтственно выражаютъ подобіе, чтобы красота подлинника въ точности изобразилась въ спискѣ: такъ представь себѣ, что и нашъ Зиждитель, какъ бы паложеніемъ нѣкоторыхъ красокъ, то есть добродѣтелями, разцвѣтилъ изображеніе до подобія съ собственною Своею лѣпотою, чтобы въ насъ показать собственное Свое начальство. Многовидны и различны сіи какъ бы краски изображенія, которыми живописуется истинный образъ: это—не румянецъ, не бѣлизна, не какое либо смѣшеніе сихъ цвѣтовъ одного съ другимъ, не черный какой либо очеркъ, изображающій брови и глаза, не какое либо сраствореніе красокъ, отгнѣняющее углубленныя черты, и не что либо подобное всему тому, что искусственно произведено руками

живописцевъ, но вмѣсто всего этого—чистота, безстрастіе, блаженство, отчужденіе отъ всего худаго, и все съ симъ однородное, чѣмъ изображается въ человѣкѣ подобіе Божеству. Такими цвѣтами Творецъ собственнаго Своего образа живописалъ наше естество. Если же отыщешь и другія черты, которыми обозначается Божественная лѣнота, то найдешь, что и оныхъ подобіе въ нашемъ образѣ сохраняется въ точности.

Божество есть умъ и слово; ибо *въ началѣ бль слово* (Іоан. 1, 1.), и Пророки, по словамъ Павла, умъ Христовъ имѣють (1 Кор. 2, 16.), глаголющій въ нихъ (2 Кор. 13, 3.). Недалеко отъ сего и естество человѣческое. Видишь въ себѣ и слово и разумъ, подобіе подлиннаго Ума и Слова. Богъ есть также любовь и источникъ любви; сіе говоритъ великій Іоаннъ: *любы отъ Бога есть, и Богъ любви есть* (1 Іоан. 4, 7, 8.). Это Зиждитель и нашего естества содѣлалъ отличительною чертою. Ибо говоритъ: *о семъ разумютьъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. 13, 35.). Слѣдовательно, гдѣ нѣтъ сей любви, тамъ претворены всѣ черты образа. Божество надъ всѣмъ назираеть, все слышитъ, все ищуетъ, и ты приобрѣтаешь понятіе о существахъ, посредствомъ зрѣнія и слуха, и имѣешь разумъ, способный дѣлать разысканія и изслѣдованія о существахъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Исследование о средствѣ ума съ естествомъ, гдѣ мимоходомъ
обличается ученіе Ламеэвъ.

Никто да не подумаетъ, будтобы утверждаю, что Божество, подобно человѣческому образу дѣйствія, различными силами постигаетъ существа. Ибо въ простотѣ Божества не возможно представлять себѣ различія и многовидности познавательной дѣятельности. И у насъ нѣтъ какихъ либо многихъ познавательныхъ силъ, хотя и многообразно постигаемъ чувствами то, что живетъ. Одна у насъ сила, это—вложенный въ насъ умъ, обнаруживающійся въ каждомъ изъ чувствительныхъ и объемлющій существа. Онъ посредствомъ глазъ видитъ явленіе, посредствомъ слуха уразумѣваетъ сказанное, любитъ пріятное и отвращается того, что не доставляетъ удовольствія; дѣйствуетъ рукою, какъ ему угодно, беретъ или отталкиваетъ ею, какъ признаетъ что для себя полезнымъ, пользуясь для этого содѣйствіемъ сего орудія. Посему, если у человѣка, хотя и различны орудія, устроенныя природою для чувства, но во всѣхъ дѣйствующій, всѣмъ движущій, и пользующійся каждымъ орудіемъ, сообразно съ предположенною цѣлю, одинъ; и онъ различіемъ въ образѣ дѣйствіи не измѣняетъ естества; то возможно

ли полагать въ Богѣ при многоразличныхъ силахъ многочастность сущности? Ибо *создавый око, и насаждей ухо*, какъ говоритъ Пророкъ (Пс. 93, 9.), сіи дѣятельности, какъ бы отличительныя нѣкоторыя черты, въ образецъ того, что въ Немъ Самомъ, напечатлѣлъ въ природѣ челоуѣка. Онъ говоритъ: *сотворилъ челоуѣка по образу Нашему* (Быт. 1, 26.).

Но гдѣ же у насъ ересь Аномеевъ? Что скажутъ они на такое изреченіе? Какъ послѣ сказаннаго спасутъ пустоту своего ученія? Скажутъ ли, что возможно одному образу уподобляться различнымъ лицамъ? Если Сынъ не подобенъ Отцу по естеству, то какъ устрояеть одинъ образъ различныхъ естествъ? Сказавшій: *сотворилъ челоуѣка по образу Нашему*, и множественнымъ числомъ обозначившій святую Троицу, не упомянулъ бы объ образѣ въ числѣ единственномъ, если бы Первообразы были не подобны одинъ другому; потому что тѣмъ, которые несходны другъ съ другомъ, не возможно показать себя въ одномъ подобіи. Напротивъ того, если различны были естества, то, безъ сомнѣнія, составилъ бы и различные образы, создавъ соотвѣтственный каждому естеству образъ. Но поелику, хотя образъ одинъ, Первообразъ же образа не одинъ; кто будетъ столько неразуменъ, чтобы не признать Первообразовъ одного другому подобными, и непременно между собою сходными? Посему то, мо-

жетъ быть, Слово при самомъ устроении человеческой жизни, отбѣгая эту злую мысль, говоритъ: *сътвори мѣ человека по образу и по подобію Нашему.*

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Почему человекъ лишень природою оружія и покрововъ?

Но что значитъ эта прямизна стана? Почему тѣлу не прирождены силы, служащія къ охраненію жизни? Напротивъ того человекъ вводится въ міръ лишеннымъ естественныхъ прикрытій, какимъ-то безоружнымъ и бѣднымъ, имѣющимъ нужду во всемъ потребномъ для жизни, достойнымъ, повидимому, болѣе сожалѣнія, нежели ублаженія. Не имѣеть ни роговъ для защиты, ни острыхъ когтей, ни копытъ, ни зубовъ, ни какого либо жаля, отъ природы снабженнаго смертоноснымъ ядомъ, чѣмъ обладаютъ многія животныя для защиты отъ оскорбляющихъ, и не покрыто у него тѣло волосаюю оболочкой; хотя поставленному начальствовать надъ другими надлежало отъ природы быть огражденнымъ собственными своими оружіями, чтобы для собственной своей безопасности не имѣть нужды въ помощи другихъ. А теперь левъ, вепрь, тигръ, барсъ, и другія подобныя животныя, отъ природы имѣютъ достаточную силу для своего спасенія. И воду

рога, и зайцу скорость, и серпѣ легкій скачекъ и зоркость глазъ, иному какому либо животному величина, другимъ хоботь, птицамъ крылья, пчелѣ жало, и всеѣмъ непремѣнно дается, какъ обычно, природою что либо для ихъ спасенія. Одинъ только человекъ всеѣхъ быстроногихъ медлительнѣе, великорослыхъ ниже, обезонашенныхъ прирожденными оружіями беззащитнѣе.

Какъ же, спросить иный, такому дано въ удѣлъ начальство надъ всеѣми? Но не труднымъ почитаю доказать, что видимая недостаточность нашего сестства и служить предлогомъ къ обладанію надъ подчиненными. Если бы у человека столько было силы, что скоростію перегонялъ бы онъ коня, не стиралъ ничѣмъ жесткимъ ноги, защищенной какими либо оружіями или копытами, имѣлъ у себя рога, жало, когти; то, во первыхъ, при такихъ прирожденных тѣлу его отличіяхъ былъ бы онъ какимъ-то звѣрскимъ и неприступнымъ; а потомъ пренебрегалъ бы начальствомъ надъ другими, нимало не нуждаясь въ содѣйствіи подчиненныхъ. Теперь же для того именно жизненные потребности раздѣлены на каждого изъ подчиненныхъ намъ, чтобы начальство надъ ними сдѣлать для насъ необходимымъ. Медлительность и неудободвижность тѣла ввели въ потребность и обуздали коня; нагота плоти сдѣлала необходимою попечительность объ овцахъ,

которая съ нихъ ежегодною данію волны восполняетъ недостатокъ нашего естества. Нужда, изъ другихъ странъ привозить къ намъ припасы для жизни, для такихъ услугъ запрягла вьючныхъ животныхъ. Невозможность, подобно прочимъ животнымъ, питаться травою содѣлала подручнымъ намъ въ жизни вола, который трудами своими облегчаетъ намъ жизнь. Поселику же для борьбы съ какимъ либо изъ другихъ животныхъ, наносящихъ намъ вредъ зубами, потребно было имѣть зубы и грызться; то несь въ нашу потребность вмѣстѣ со скоростію представилъ собственный свой родъ, ставъ для человѣка какъ бы одушевленнымъ мечемъ. А что крѣпче ограды роговъ, пронзительнѣе остроты когтей, то придумано людьми, — это желѣзо, которое не всегда при насъ, какъ рога и когти у звѣрей, но, при времени помощи намъ въ борьбѣ, остается потомъ само по себѣ. И вмѣсто крокодиловой чешуи можно и человѣку сдѣлать изъ нея оружіе, на время прикрывшись этою кожей. Если же нѣтъ ея, то искусствомъ обращается въ нее и желѣзо, которое, оказавъ временную услугу на войнѣ, свободнымъ отъ бремени оставляетъ вонца въ мирное время. Услуживаютъ намъ въ жизни и крылья птицъ такъ, что по примышленію своему не устунаемъ въ скорости пернатымъ. Однѣ изъ нихъ дѣлаются ручными, и помогаютъ ловцамъ; другія же ими умышленно при-

влекаются на наши потребности. А искусство, по примышленію своему сдѣлавъ стрѣлы наши крылатыми, для нашихъ потребностей посредствомъ лука доставляетъ намъ скорость пернатыхъ. И то, что ступни наши во время шествія терпятъ боль и стираются, сдѣлало необходимымъ употреблять въ пособіе, что подручно намъ. Ибо изъ этого можемъ приготовить покойную для ногъ обувь.

ГЛАВА ОСМАЯ.

Почему у человека прямой станъ, и о томъ, что руки даны для слова, а въѣсть и ученіе любомудрїя о различїи душъ.

У человека станъ прямой, лице обращено къ небу, и смотритъ онъ горѣ; а сямъ означается его право начальствовать и царское достоинство. Ибо то самое, что изъ живыхъ существъ таковъ одинъ только человекъ, у всѣхъ же прочихъ тѣла пошклякн долу, ясно доказываетъ различіе въ достоинствѣ преклонившихся предъ владычествомъ и возвысившейся надъ ними власти. У всѣхъ прочихъ передніе члены суть ноги, потому что нагбенное имѣеть нужду въ опорѣ. А въ устройствѣ человека члены сїв стали руками. Ибо въ потребность прямому стану достаточно было одного основанія, такъ какъ и двумя ногами безопасно подпирается онъ во время стоянія.

Сверхъ того содѣйствіе рукъ помогаетъ и потребности слова. И кто услугу рукъ называетъ особенностію словеснаго естества, тотъ не совѣмъ погрѣшитъ. Обращаясь умомъ, не только къ этой общей и съ перваго взгляда представляющейя мысли, что при даровитости рукъ означаемъ мы слово именами (ибо не чуждо въ насъ словеснаго дара и это, — говорить посредствомъ именъ, и нѣкоторымъ образомъ бесѣдовать рукою, сохраняя звуки въ буквенныхъ очертаніяхъ); но имѣя въ виду и другое, утверждаю, что руки содѣйствуютъ произнесенію слова.

Лучше же сказать, прежде нежели начнемъ изслѣдованіе о семъ, обратимъ вниманіе на сказанное выше; ибо едва не забыли мы того порядка въ твореніи, по которому предшествуетъ прозябаніе растеній изъ земли, а за симъ послѣдуютъ безсловесныя животныя, и потомъ по устроеніи ихъ — человѣкъ. Ибо дознаемъ изъ сего, не только, можетъ быть, представляющееся съ перваго взгляда, а именно, что Творцу оказались полезными для животныхъ трава, а для человѣка — скоты, почему созданы прежде животныхъ травоядныхъ — ихъ пища, а прежде человѣка — годное къ тому, чтобы служить человѣческой жизни. Но мнѣ кажется, что Моисей излагаетъ въ этомъ нѣкое сокровенное ученіе, и таинственно сообщаетъ любомудріе о душѣ, о которомъ мечтала и

внѣшняя ученость, но не уразумѣвала его въ ясности. Ибо слово учить насъ снмъ, что въ трехъ различіяхъ усматривается жизненная и душевная сила. Есть нѣкая сила растительная только и питательная, пріемля годное къ приращенію питаемаго, называется она естественною, и усматривается въ растеніяхъ; потому что и въ произрастающемъ можно примѣчать нѣкую жизненную силу, лишнюю чувства. Но кромѣ сего есть другой видъ жизни, которому принадлежитъ и первый, и къ нему присоединена способность управлять собою по чувству; такова жизнь въ естествѣ безсловесныхъ; они, не питаются только и растутъ, но имѣютъ чувственную дѣятельность и чувственное пониманіе. Совершенная же жизнь въ тѣлѣ усматривается въ естествѣ словесномъ, разумно естество человѣческое, питаемое, чувствующее, имѣющее даръ слова и управляемое разумомъ.

Пусть же у насъ принято будетъ въ словѣ такое дѣленіе; изъ существъ иное есть нѣчто умопредставляемое, а иное тѣлесное, но дѣленіе умопредставляемаго на собственыя ему части отложено въ сторону; потому что не о немъ у насъ рѣчь. А изъ тѣлеснаго иное во все лишено жизни, иное же причастно жизненной дѣятельности. Опять изъ тѣлъ живыхъ, иное живетъ имѣя чувства, а иное лишено чувства. Потомъ чувствительное раздѣляется

опять на словесное и бессловесное. Посему законодатель говорить, что послѣ неодушевленного вещества, какъ бы въ нѣкое основаніе существъ одушевленныхъ, прежде всего образована эта естественная жизнь, осуществившаяся въ прозябеніи растеній, потомъ вводить въ бытіе тварей управляемыхъ чувствомъ. И поелику по сей послѣдовательности изъ пріявнихъ жизнь тѣлесную иные могутъ быть чувствующими себя и безъ разумнаго естества, а естество словесное не иначе можетъ быть въ тѣлѣ, какъ въ раствореніи съ чувственнымъ; то по сей причинѣ послѣднимъ послѣ растеній и животныхъ устроишь человѣкъ, такъ что природа какимъ-то путемъ послѣдовательно восходила къ совершенству. Ибо всякаго вида души срастворены въ этомъ словесномъ животномъ — человѣкѣ. По естественному виду души онъ питается, съ растительною же силою соединена чувствительная, но природѣ своей занимающая средину между умопредставляемою и вещественною сущностію, въ такой мѣрѣ грубѣйшая первой, въ какой она чище послѣдней. Потомъ съ тѣмъ, что есть тонкаго и свѣтоноснаго въ естествѣ чувствующемъ, совершается нѣкое освоеніе и сраствореніе умопредставляемой сущности, чтобы человѣкъ составленъ былъ изъ сихъ трехъ естествъ.

Такъ подобное сему дознали мы отъ Апостола, когда говорилъ онъ Ефесеямъ, желая

нмъ да сохранится всесовершенная благодать и тѣла и души и духа въ пришествіе Господа (1 Сол. 5, 23.), и питательную часть называемъ тѣломъ, чувствующее означая словомъ: душа, а умопредставляемое словомъ: духъ. А также и Господь научаетъ въ Евангеліи книжника предпочитать всякой заповѣди любовь къ Богу, свидѣтельствуемую отъ всего сердца, отъ всей души, и всѣмъ помышленіемъ (Лук. 10, 27.). Ибо и здѣсь, мнѣ кажется, слово Писанія объясняетъ ту же разность, сердцемъ называя состояніе тѣлесное, душою естество среднее, а помышленіемъ высшую умопредставляемую и творческую силу. Отсюда Апостоль знаетъ три различныя произволенія, и именуется плотскимъ то, которое занимается чревомъ и его услажденіями; душевнымъ, которое въ срединѣ между добродѣтелию и порокомъ, возвышается надъ порокомъ, но не волигъ причастно добродѣтели, и духовнымъ, которое имѣетъ въ виду совершенство житія по Богу. Почему Коринѣянамъ, порицая ихъ предаанность забавамъ и страстямъ, говоритъ: *плотстѣи есте* (1 Кор. 3, 3.), и не можете вмѣстить въ себѣ совершеннѣйшихъ ученій. Въ другомъ же мѣстѣ, дѣлая нѣкое сличеніе произволенія средняго съ совершеннымъ, говоритъ: *душевенъ же человекъ не пріемлетъ яже Духа: юродство бо ему есть. Духовный же востязуетъ убо вся, а самъ той ни отъ единого востязуется* (1 Кор.

2, 14. 15.). Посему какъ душевныйъ выше плотскаго, такъ въ томъ же отношеніи духовныйъ превъшаетъ душевнаго.

Итакъ если Писаніе говоритъ, что человекъ созданъ былъ послѣднимъ послѣ всего одушевленнаго, не иное что означается сямъ, какъ то, что Законодатель любомудрствуетъ о душѣ нашей по необходимой нѣкоей послѣдовательности въ порядкѣ, въ окончательномъ усматривая совершенное. Ибо въ словесномъ заключается и прочее, а въ чувственномъ есть, безъ сомнѣнія, и естественное, послѣднее же усматривается только вещественнымъ. Посему природа естественнымъ образомъ, какъ бы по степенямъ, разумію отличительныя свойства жизни, дѣлаетъ восхожденіе отъ малаго къ совершенному.

И послѣку человекъ есть словесное иѣкое живое существо, то нужно было устроить тѣлесное орудіе, соответственное потребности слова. Какъ видимъ, что музыканты съ родомъ орудійъ соображаютъ и музыку, на лирѣ не свиряютъ, и свирѣли не употребляютъ вмѣсто гуслей: такъ, подобнымъ сему образомъ, и для слова нужно было соответственное устройство орудійъ, чтобы, согласно съ потребностію реченій, изглашалось слово, образуемое голосными членами. Для сего-то приданы тѣлу руки. Ибо, если можно насчитать тысящи жизненныхъ потребностей, въ которыхъ эти до-

сужія и на многое достаточныя орудія рукъ полезны для всякаго искусства и всякой дѣятельности, съ уснѣхомъ служа въ мирное и военное время; то преимущественно предъ прочими нуждами природа придала ихъ тѣлу ради слова.

Если бы человѣкъ лишень былъ рукъ, то у него, безъ сомнѣнія, по подобію четвероногихъ, соотвѣтственно потребности питаться устроены были бы части лица, и оно было продолговато, и утончалось къ поздырь; у рта выдавались впередъ губы мозолистыя, твердыя и толстыя, способныя щипать траву. Между зубами вложень былъ языкъ, отличный отъ теперешняго, мясистый, упругій и жесткій, помогающій зубамъ, или влажный и по краямъ мягкій, какъ у собакъ и прочихъ сыромятныхъ животныхъ, вращающійся въ промежуткахъ остраго ряда зубовъ. Посему, если бы у тѣла не было рукъ, то какъ образовался бы у него членораздѣльный звукъ, когда устройство рта не было бы приспособлено къ потребности произношенія? Безъ сомнѣнія, необходимо было бы человѣку, или блять, или мычать, или лаять, или ржать, или ревѣть подобно воламъ и осламъ, или издавать какое либо звѣрское рыканіе. А теперь, когда тѣлу дана рука, уста свободны для служенія слову. Слѣдовательно руки оказываются принадлежностію словеснаго естества; Творецъ и ихъ примыслилъ для удобства слову.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О томъ, что орудное устройство чловѣка приспособлено къ потребности слова.

Поелику Творецъ созданію нашему даровалъ нѣкую Божественную благодать, вложивъ въ образъ подобіе Своихъ благъ; то прочія блага далъ естеству чловѣческому по Своей щедротѣ; объ умѣ же и мудрости должно сказать, что въ собственномъ смыслѣ, не столько ихъ далъ, сколько сообщилъ, обложивъ образъ собственными лѣнотами Своего естества. А какъ умъ есть нѣкое умопредставляемое и безтѣлесное достояніе; то даръ былъ бы несообщимъ и неудѣлимъ, если бы движеніе его не обнаруживалось какимъ либо примышленіемъ. Для сего-то потребовалось это орудное устройство, чтобы умъ, подобно смычку касаясь голосныхъ членовъ, какимъ бы то нибыло изображеніемъ звуковъ, истолковывалъ внутреннее движеніе. И какъ искусный какой музыкантъ, не имѣя по болѣзни собственного своего голоса, но желая выказать свое знаніе, пользуется въ нѣніи чужими голосами, свирѣлями или лирою обнаруживая предъ всѣми свое искусство; такъ умъ чловѣческій, изобрѣтатель всякаго рода мыслей, по невозможности выказать стремленій мысли душѣ, понимающей при помощи тѣлесныхъ чувствъ, какъ свѣдущій какой художникъ, касаясь сихъ одуше-

вленныхъ орудій, извлекаемымъ изъ нихъ звукомъ дѣлаетъ явными сокровенныя мысли.

Въ человѣческомъ же орудіи смѣшана какая-то музыка свирѣли и лиры, какъ бы въ одно время издающихъ стройный звукъ. Дыханіе, чрезъ бѣгущую жилу изъ воздухопріемныхъ сосудовъ вытѣсняемое вверхъ, когда усиленіе говорящаго издать голосъ приводитъ въ напряженіе членъ, сотрясаемый прираженіями изнутри, которыя кругомъ объемлютъ этотъ свирѣли подобный проходъ;—издаетъ звукъ, уподобляющійся нѣсколько звуку свирѣли, несвободно кружась по перепончатымъ возвышеніямъ въ горлѣ. А небо во рту идущій съ низу звукъ принимаетъ полостію, которая полъ нимъ, и въ двойныхъ свирѣляхъ, простирающихся до ноздрей, какъ бы чешуйчатыми какими возвышеніями, хрящами въ верхней части носа раздробляя звукъ, дѣлаетъ его сильнѣйшимъ. Щеки же, языкъ, снарядъ около гортани, по которому спускается подбородокъ, имѣющій впадину и оканчивающійся остриемъ, все это въ различныхъ видахъ и многими способами представляетъ движеніе смычка по струнамъ, при времени, съ большою скоростію соотвѣтственно потребности, настраивающее тоны, а разжатіе и сжатіе губъ производятъ тоже, что воздухъ въ свирѣли у задерживающихъ его пальцами, т. е. ту же стройность пѣнія.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

О томъ, что умъ дѣйствуетъ посредствомъ чувствъ.

Послику умъ, посредствомъ сего оруднаго снаряда, слагаетъ въ насъ слово; то стали мы словесными. Но не имѣли бы какъ думаю, дара слова, еслибы на устахъ лежала вся тяжесть и трудность служенія потребности гѣла принятіемъ пищи. Теперь же таковое служеніе приняли на себя руки, а уста оставили свободными для служенія слову.

Дѣйствованіе же симъ орудіемъ двойко: одно въ произведеніи звука, другое въ воспріятіи представленіи получаемыхъ совѣщ. И одно дѣйствованіе не смѣшивается съ другимъ, а остается при томъ, къ чему назначено природою, не безпокою соеѣда; слухъ не говоритъ, и голосъ не слышитъ. Ибо голосъ всегда непременно что-либо издастъ, а слухъ, постоянно пріемля въ себя, *не насыщается*, какъ говоритъ негдѣ Соломонъ (Притч. 27, 20.), что, по моему мнѣнію, паиначе заслуживаетъ въ насъ удивленіе. Какова же обширность этого внутренняго вмѣстипища, въ которое стекается все, вливающееся посредствомъ слуха? Кто составители памятныхъ записей о всѣхъ входящихъ въ него рѣчахъ? Какія помѣщенія для влагаемыхъ слухомъ понятій; и почему при

множествѣ и разнообразіи сихъ понятій, одно къ другому прилагаемыхъ, не бываетъ смѣшенія и ошибокъ во взаимномъ положеніи всего сложнаго? А равно этому же подвигается и въ дѣятельности зрѣнія. Ибо посредствомъ зрѣнія умъ, подобнымъ сему образомъ, овладѣваетъ тѣмъ, что видѣ тѣла, къ себѣ привлекаетъ облики видимыхъ вещей, нанеся въ себѣ начертанія всего подлежащаго зрѣнію. И какъ, если обширный какой городъ разными входами будетъ принимать въ себя пришлыхъ, и не всеѣ они станутъ входить въ одно мѣсто въ городъ, но одни пойдутъ на рынки, другіе въ дома, нныя въ церкви, или расположатся, кто на улицѣ, кто въ переулкѣ, кто въ зрѣлищномъ домѣ, каждый по собственному своему усмотрѣнію: такъ подобнымъ сему вижу населенный внутри насъ и градъ ума, который посредствомъ чувствъ наполняютъ разные входы, и умъ, рассматривая и разбирая каждаго входящаго, размѣщаетъ по соотвѣтственнымъ мѣстамъ вѣдѣнія.

И во взятомъ въ примѣръ городѣ, нерѣдко бываетъ, что нныя, будучи соземленниками и родственниками, не одними воротами вступаютъ въ городъ, но, по случаю одни войдя тѣмъ, другіе другимъ входомъ, тѣмъ не менѣе, какъ скоро придутъ внутрь стѣнной ограды, снова между собою сходятся, имѣя взаимныя связи; а можно найти, что бываетъ наоборотъ;

ничѣмъ не соединенные и незнакомые другъ съ другомъ пользуются часто однимъ входомъ въ городъ, но общеніе во входѣ не связываетъ ихъ между собою; потому что, вошедши въ городъ, могутъ отдѣлиться къ соотечественникамъ. Подобное нѣчто усматриваю и въ обширной области ума. Нерѣдко изъ разныхъ чувствилищъ собирается въ насъ одно познаніе, такъ какъ одинъ и тотже предметъ многократно дѣлается по чувствамъ; а бываетъ также и противное, однимъ какимъ либо чувствомъ дознаемъ многое и разнообразное, ни съ чѣмъ по природѣ между собою не сходствующее. Напримѣръ (ибо всего лучше уясняется понятіе примѣрами): пусть предлагается сдѣлать разысканіе о свойствѣ соковъ, — что сладко для чувства, и отвратительно для вкушающихъ. По опыту найдены и горечь желчи и сладость качества въ медѣ. При разности силъ вещей, одно доставляетъ познаніе одинъ и тотъ же предметъ, многократно вселяемый въ мысль; или вкусомъ, или обоняніемъ, или слухомъ, нерѣдко же осязаніемъ и зрѣніемъ; потому что видитъ ли кто медъ, слышитъ ли имя его, пробуетъ ли на вкусъ, обоняніемъ ли познаетъ запахъ, непытываетъ ли осязаніемъ, каждымъ изъ чувствилищъ пріобрѣтаетъ познаніе объ одномъ и томъ же предметѣ. Но разнообразно также и многовидно то, чему научаемся съ помощію одного какого либо чувства; потому

что слухъ принимаетъ всякіе звуки, и пониманіе, приобретаемое посредствомъ глазъ, безразлично дѣйствуетъ при взглядѣ на различные предметы; потому что одинаково встрѣчается и съ бѣлымъ и съ чернымъ и со всѣми до противоположности различными цвѣтами. А тоже сказать должно и о вкусѣ, тоже и объ обонянїи, тоже о пониманїи посредствомъ осязанїя; каждое чувство свойственнымъ ему пониманїемъ даетъ познаніе о предметахъ всякаго рода.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

О томъ, что естество человеческое не уразумѣваемо.

Посему чтоже такое по природѣ своей умъ, который удѣляетъ себя чувственнымъ силамъ, и каждою приобретаеть сообразное ей познаніе о существахъ? Что онъ есть нѣчто иное отъ чувствъ, въ этомъ, думаю, не сомнѣвается никто изъ здравомыслящихъ. Еслибы умъ былъ одно и тоже съ чувствомъ; то, конечно, имѣлъ бы сродство съ одною изъ чувственныхъ дѣятельностей; потому что онъ простъ, и въ простомъ не усматривается разнообразїя. Но теперь въ сложности всѣхъ чувствъ иное нѣчто есть осязаніе, и иное обонянїе, также и другїя чувства между собою разобщены, и не смѣшива-

ются, тогда какъ умъ равно присущъ каждому чувству; посему непременно надлежитъ предположить естество ума чѣмъ-то отличнымъ отъ чувства, чтобы къ умопредставляемому не примѣшалось какого либо разнообразія. *Кто разумъ узл Господень?* говоритъ Апостоль (Рим. 11, 34.). А я присовокуню къ этому: кто уразумѣ собственнѣй свой умъ? Пусть скажутъ утверждающіе, что разумѣнемъ своимъ объяли естество Божіе, уразумѣли ли они себя самихъ? Познали ли естество собственнаго своего ума? Есть ли опъ что либо многочастное и многосложное, и посему умопредставляемое въ сложности? Или умъ есть какой-то способъ срастворять разнородное? Но умъ простъ и не сложенъ; какъ же разсѣвается въ чувственной многочастности? Отчего въ единствѣ разнообразное? Какъ въ разнообразіи единое?

Но нашель я рѣшеніе сихъ недоумѣній, прибѣгнувъ къ Божію слову. Ибо сказано: *сотворилъ человека по образу нашему и по подобію* (Быт. 1, 26.). Образъ, пока не имѣеть недостатка ни въ чемъ представляемомъ въ первообразѣ, въ собственномъ смыслѣ есть образъ; но какъ скоро лишается въ чемъ либо подобія съ Первообразомъ, въ этомъ самомъ не есть уже образъ. Посему, такъ какъ однимъ изъ свойствъ, усматриваемыхъ въ Божіемъ естествѣ, есть неостижимость сущности: то

по всей необходимости и образъ въ этомъ имѣеть сходство съ Первообразомъ. Еслибы естество образа оказалось постижимымъ, а первообразъ былъ выше постиженія; то сія противоположность усматриваемыхъ свойствъ отлична бы погрѣшительность образа. Но какъ не подлежитъ познанію естество нашего ума, созданнаго по образу Сотворнаго; то имѣеть онъ точное сходство съ превъше-Сущимъ, непознаваемою своею отличая непостижимое свое естество.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Исслѣдованіе о томъ, въ какомъ мѣстѣ должно полагать владычественное души; и ученіе естествословія о слезахъ и смѣхѣ, также естественное нѣкое разсужденіе объ общеніи вещества, естества и ума.

Посему да умолкнетъ всякое водящееся догадками пустословіе заключающихъ мыслительную дѣятельность въ какихъ либо тѣлесныхъ членахъ. Одни изъ нихъ полагаютъ, что владычественное души въ сердцѣ, другіе говорятъ, что умъ пребываетъ въ головномъ мозгу, и таковыя мнѣнія подтверждаютъ нѣкими слабыми вѣроятностями.

Предполагающій владычество въ сердцѣ въ доказательство своего положенія приводитъ мѣстное положеніе сердца, такъ какъ оно, по-

видимому, занимаетъ средину всего тѣла, чтобы произвольное движеніе изъ средины удобно удѣлялось всему тѣлу, и такимъ образомъ приходило въ дѣятельность. А въ подтвержденіе своего ученія представляетъ скорбное и раздраженное расположеніе человѣка, а именно, что таковыя страстныя движенія, по видимому, этотъ членъ въ тѣлѣ возбуждаютъ къ со-страстию.

А тѣ, которые головной мозгъ освящаютъ въ храмъ разсудку, говорятъ, что голова устроена природою, какъ нѣкая твердая всего тѣла; и въ ней, какъ нѣкій царь, обитаетъ умъ, окружаемый чувствлицами, какъ бы нѣкими предстоящими предъ нимъ вѣстниками или щитоносцами. И въ доказательство такового мнѣнія представляютъ они, что у кого повреждена мозговая оболочка, у тѣхъ разсудокъ дѣйствуетъ неправильно, и у кого голова отяжелѣла отъ унесенія, тѣ дѣлаются незнающими приличія.

Каждый же изъ защитниковъ сихъ мнѣній присовокупляетъ и другія болѣе естественныя причины своей догадки о владычественномъ въ душѣ. Ибо одинъ утверждаетъ, что движеніе мысли имѣетъ сродство съ огненной стихіей, потому что и огонь и мысль приснодвижны. И поелику, по общему признанію, изъ сердца исходитъ теплота: то, утверждая по сему, что движеніе ума срастворяется при-

снодвижностію теплоты, говорить, что сердце, въ которомъ заключается теплота, есть вмѣстилище умнаго естества. А другойъ разсуждаетъ, что мозговая оболочка (ибо такъ называютъ плевру объемлющую собою головной мозгъ) есть какъ бы основаніе и корень всѣхъ чувствительницъ. И сямъ увѣряются въ своемъ положеніи, что умственная дѣятельность имѣетъ сѣдалище не въ иномъ мѣстѣ, а въ той части, съ которою соединенное ухо отражаетъ входящія въ него звуки; и связанное основаніемъ вмѣстилища глазъ зрѣніе, въ слѣдствіе входящихъ въ зѣницы образовъ, производитъ внутри ихъ отпечатлѣніе, и качества испареній въ сей части различаются при втягиваніи ихъ ноздрями; и чувство вкуса оцѣнивается различіемъ мозговой оболочки, которая вблизи отъ себя пускаетъ нѣсколько волокнистыхъ чувствительныхъ отпрысковъ по шейнымъ позвонкамъ до сѣтчатого прохода въ находящихся тутъ мускулахъ.

Признаю и ясправедливымъ, что мыслительная сила души часто приводится въ замѣшательство при усиленіи страданій, и разсудокъ ослабѣваетъ въ естественной ему дѣятельности отъ какого либо тѣлеснаго обстоятельства, а также, что нѣкоторымъ источникомъ огненнаго начала въ тѣлѣ есть сердце, приводимое въ движеніе съ порывами раздраженія. А сверхъ сего, что въ основаніи чувствительницъ лежитъ мозговая

оболочка, по словамъ естествослововъ, покрывающая собою головной мозгъ, и умащаемая исходящими оттуда испареніями,—слыша отъ занимавшихся анатомическими изслѣдованіями, не отрицаю таковыхъ сказаній. Но не принимаю сего въ доказательство, что безилотное естество объемется какими либо мѣстными очертаніями. Ибо дознали мы, что разстройство ума бываетъ не отъ одной головной боли, но и при болѣзненномъ состояніи плевръ, связующихъ подреберные члены, страдаетъ также мыслительная сила, какъ утверждаютъ свѣдущіе во врачебной наукѣ, называя болѣзнь сію *φρενίτις* (бѣшенство), потому что именованіе симъ плевамъ—грудобрюшныя (*φρεν*). И сіе ощущение скорби ошибочно разумѣется происходящимъ въ сердцѣ; потому что при колотья, не въ сердцѣ, а въ брюшномъ отверстіи, но неопытности относятъ страданіе къ сердцу. Подобное нѣчто усматриваютъ съ точностію вникающіе въ болѣзненные состоянія, а именно: что отъ естественно происходящаго во всемъ тѣлѣ ослабленія волоконъ, при скорбныхъ расположеніяхъ и при завалахъ, все препятствующее свободному дыханію скопляется въ самыхъ внутреннихъ пустотахъ. Почему, при стѣсненіи служащихъ къ переводенію дыханія внутренностей, тѣмъ, что окружаетъ ихъ, втягиваніе въ себя воздуха дѣлается часто насильственнымъ, потому что самая природа

разширяеть стѣсенное, чтобы раздвинуть сжавшееся. Такое же трудное дыханіе признаемъ принадлежкомъ скорби, называя вздохомъ и стономъ. Но кажущееся стѣсеніе въ сердечной сорочкѣ есть непріятность ощущаемая, не въ сердцѣ, а въ брюшномъ отверстіи, по той же самой, разумѣю, причинѣ, по которой при ослабленіи волоконъ, желчеприемный сосудъ отъ стѣсенія изливаетъ и это колотье и эту ѣдкую мокроту на брюшное отверстіе. Доказательствомъ же сему то, что у огорченныхъ и паружность дѣлается блѣдноватою и желтоватою отъ чрезмѣрнаго скопленія желчи, разливающей свою влагу по кровеноснымъ жиламъ.

Но еще болѣе подтверждаетъ мысль мою то движеніе, которое происходитъ отъ противоположной причины, разумѣю веселіе и смѣхъ. Ибо отъ удовольствія разрѣшаются и расширяются какъ-то тѣлесныя волокны въ услаждаемыхъ какимъ либо пріятнымъ слухомъ. Какъ тамъ отъ скорби замыкаются тонкія и незамѣтныя отдушныя волокна, и, сжимая внутреннее расположеніе внутренностей, къ головѣ и мозговой оболочкѣ возгоняютъ влажное испареніе, которое, во множествѣ будучи принято пустотами головного мозга, по волокнамъ, находящимся въ его основаніи, гонится къ глазамъ, откуда сжиманіемъ бровей извлекается каплями влага, и эта капля называется слезою. Такъ представь себѣ, что въ противополож-

номъ сему расположеніи болѣе обыкновеннаго расширены волокны, и ими во внутренность втягивается какой-то воздухъ, а оттуда силою природы изгоняется опять проходомъ идущимъ ко рту, при чемъ гонять вмѣстѣ таковій воздухъ всѣ внутренности, болѣе же всего печень, какъ говорятъ, съ какимъ-то порывистымъ и кишучимъ движеніемъ. Почему природа, устроивъ удобство для выхода воздуха, расширяетъ идущій ко рту проходъ, при выдыханіи въ обѣ стороны раздвигая щеки; и что бываетъ при семъ, то называется смѣхомъ.

Итакъ не должно заключать изъ сего, что владычественное души въ печени, а также, по причинѣ воскипѣнія крови въ грудобрюшнѣ во время раздражительныхъ расположеній, полагать, что мѣстопребываніе ума въ сердцѣ. Но хотя и должно сіе зависѣть отъ извѣстныхъ снадоровъ въ тѣлахъ; однакоже надлежитъ при семъ полагать, что умъ, по необъяснимому закону срастворенія, безъ предпочтительности соприкасается къ каждому члену.

Если нѣкоторые противопоставятъ намъ въ этомъ Писаніе, свидѣтельствующее, что владычественное души въ сердцѣ; то не безъ излѣдованія примемъ слово. Ибо упомянувшій о сердцѣ упомянулъ и о почкахъ (*νεφρός*), сказавъ: *испытай сердца и утробы (νεφρός) Божие* (Ис. 7, 10.); а сямъ показалъ, что, или въ

томъ и другомъ, или ни въ томъ ни въ другомъ, не заключена умственная сила.

Узнавъ, что умственныя дѣятельности при извѣстномъ расположеніи тѣла слабѣютъ, или вовсе бездѣйственны, не признаютъ сего достаточнымъ доказательствомъ того, что сила ума ограничивается какимъ либо мѣстомъ, такъ что съ появленіемъ мѣстныхъ опухолей и умъ уже не имѣетъ для себя простора. Ибо тѣлесно такое мѣше, будто бы, когда сосудъ занятъ чѣмъ нибудь въ него вложеннымъ, ничему другому не найдти уже для себя въ немъ мѣста. Умное естество и въ пустотахъ тѣлесныхъ вселяться не любитъ, и прензобиліемъ плоти не изгоняется. Но поелику тѣло устроено подобно музыкальному орудію; то какъ перѣдко случается, что искусные въ музыкѣ не могутъ показать своего искусства, по негодности орудій, не поддающихся искусству (и свирѣль, поврежденная временемъ, или разбитая отъ паденія, или сдѣлавшаяся негодною отъ ржавчины и плѣсени, не издастъ звука и не дѣйствуетъ, хотя надуваетъ ее признаваемый искуснѣйшимъ игрокомъ на свирѣли); такъ и умъ, дѣйствуя на цѣлое орудіе, и подобно съ умственными дѣятельностями прикасаясь, по обычаю, къ каждому члену, въ тѣхъ изъ нихъ, которые въ естественномъ положеніи, производятъ, что ему свойственно, а въ тѣхъ, которые отказываются принимать художниче-

ское его движеніе, остается безуспѣшнымъ и бездѣйственнымъ. Умъ обыкновенно состоитъ въ какомъ-то свойствѣ съ тѣмъ, что въ естественномъ положеніи, и чуждъ тому, что выведено изъ сего положенія.

И мнѣ болѣе естественнымъ кажется съ одной стороны сіе умозрѣніе, съ помощію котораго можно дознать одно изъ лучшихъ учений. Послику прекраснѣйшее и превосходнѣйшее изъ всѣхъ благо есть само Божество, къ которому устремлено все, вождѣлѣвающее прекраснаго; то утверждаемъ посему, что и умъ, какъ созданный по образу Наилучшаго, пока, сколько можно ему, причастенъ подобія первообразу, и самъ пребываетъ въ лѣпотѣ; если же сколько нибудь уклонится отъ сего подобія, лишается красоты, въ которой пребывалъ. А какъ, по сказанному нами, умъ украшается подобіемъ первообразной красотѣ, подобно какому-то зеркалу, которое дѣлается изображающимъ черты видимаго въ немъ; то, сообразно съ симъ, заключаемъ, что и управляемос умомъ естество держится его, и само украшается предстоящею красою, дѣлаясь какъ бы зеркаломъ зеркала; а вмѣ охрашается и поддерживается вещественное въ томъ составѣ, естество котораго разсматривается. Посему, пока одно другаго держится, во всемъ соразмѣрно происходитъ общеніе истинной красоты, посредствомъ высшаго украшается непосред-

ственно за тѣмъ слѣдующее. А когда произойдетъ нѣкое расторженіе этого добраго единенія, или, на оборотъ, высшее будетъ слѣдовать низшему, тогда, какъ скоро само вещество отступитъ отъ природы, обнаруживается его безобразіе (потому что вещество само въ себѣ безобразно и неустроено), и безобразіемъ его портится красота естества, украшаемаго умомъ. А такимъ образомъ совершается естествомъ передача гнусности вещества самому уму, такъ что въ чертахъ твари не усматривается уже Божія образа. Умъ, составляя въ себѣ образъ доброты, подобно кривому зеркалу, оставляетъ не изображенными свѣтлыя черты добра, отражаетъ же въ себѣ безобразіе вещества. И такимъ образомъ совершается происхожденіе зла, производимое изъятіемъ прекраснаго. Прекрасно же все то, что состоитъ въ свойствѣ съ первоначальнымъ благомъ; а что внѣ сношенія и сходства съ онымъ, то несомнѣнно чуждо прекраснаго. Посему, если, по разсмотрѣнію нами, истинное благо одно; и умъ потому уже, что созданъ по образу прекраснаго, самъ имѣетъ возможность быть прекраснымъ; и естество, поддерживаемое умомъ, есть какъ бы нѣкій образъ образа: то доказывается симъ, что вещественное образуетъ въ насъ, и приводится къ своему концу, когда управляетъ имъ естество; разрушается же снова и распадается, когда раз-

лучено съ преобладающимъ и поддерживающимъ, и расторгнуто его единеніе съ прекраснымъ. А подобное сему инакъ происходитъ, какъ при обращеніи естества къ обратному порядку, когда пожеланіе склоняется не къ прекрасному, а къ тому, что само имѣеть нужду въ украшающемъ. Ибо, при ищетѣ вещества въ собственномъ своемъ образѣ, унодобляющесея ему по всей необходимости преобразуется въ нѣчто некрасивое и безобразное.

Но сіе въ нѣкоторой послѣдовательности разыскаю нами, какъ входящее въ предметъ обозрѣнія. Ибо вопросъ былъ о томъ, въ одной ли какой части нашего тѣла помѣщается умственная сила, или равно простирается на всѣ части. И какъ ограничивающіе умъ мѣстными частями въ подтвержденіе такого своего предположенія представляютъ, что мысль не благоусилѣнно дѣйствуетъ у имѣющихъ мозговья оболочку въ неестественномъ состояніи: то наше слово доказало, что во всякой части человѣческаго состава, какою обыкновенно каждый дѣйствуетъ, сила души равно пребываетъ бездѣйственною, когда часть сія не въ естественномъ состояніи. А изъ сего послѣдовательно вытекло предложенное въ словѣ умозрѣніе, изъ котораго дознаемъ, что въ человѣческомъ составѣ умъ управляется Богомъ, а умомъ — наша вещественная жизнь, когда

она въ естественномъ состояніи. Если же уклоняется отъ естества, то дѣлается чуждою и дѣятельности ума.

Но возвратимся опять къ тому, съ чего начали, а именно, что въ тѣхъ, которые не вышли изъ естественнаго состоянія въ слѣдствіе какого либо страданія, умъ дѣйствуетъ своею естественною ему силою, и крѣпокъ въ хорошо-устроенныхъ, а на оборотъ, дѣлается немощнымъ въ тѣхъ, которые не даютъ въ себѣ мѣста его дѣятельности. Можно же и другими доказательствами подтвердить вѣроятность ученія объ этомъ. И если по обременительности для слуха утрудненныхъ уже словомъ, сколько можемъ, разсудимъ кратко и объ этомъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Исслѣдованіе о сибѣ, зѣвотѣ и словидѣніяхъ.

Вещественная и быстро протекающая жизнь тѣлъ, всегда движущаяся впередъ, въ томъ и имѣетъ силу бытія, что никогда не останавливается въ движеніи. Какъ рѣка какая нибудь, текущая по своему направленію, хотя то углубленіе, по которому течетъ, показываетъ полнымъ, однакоже въ ней не всегда видима одна и таже вода въ одномъ и томъ же мѣстѣ, но одна уже протекла, а другая притекаетъ. Такъ и вещественное въ здѣшней жизни, въ слѣд-

ствіе какого-то движенія и теченія, мѣняется отъ непрерывнаго пресмства противоположностей, такъ что никогда не можетъ стать безъ измѣненія, но, при возможности придти въ неподвижность, продолжаетъ непрерывное движеніе, подобное замѣняя подобнымъ. Если же когда движимое прекратитъ свое движеніе, то непременно произойдетъ и прекращеніе существованія. Напримѣръ: за полнотою послѣдовала пустота, и мѣсто пустоты заняла опять полнота. Сонъ ослабилъ напряженное въ бодрствованіи; потомъ бодрствованіе привело въ напряженіе, что было ослаблено. И ни которое изъ сихъ состояній не продолжается вмѣстѣ съ другимъ и непрестанно, но оба уступаютъ мѣсто другъ другу при появленіи того и другаго; и такимъ образомъ естество сими черемѣнами обновляетъ само себя, такъ что непрестанно пребывая въ томъ или другомъ состояніи переходитъ изъ одного въ другое. Ибо въ живомъ существѣ всегдашнее напряженіе дѣяльностей производитъ какой-то разрывъ и расторженіе напрягаемыхъ членовъ; а непрестанный покой тѣла приводитъ составъ его въ какой-то упадокъ и въ расслабленіе. Если же во-время и умѣренно быть въ томъ и другомъ состояніи; то сіе даетъ естеству силу къ поддержанію себя; при постоянномъ переходѣ изъ противоположности въ противоположность въ одной изъ нихъ находитъ оно себѣ упокое-

ніе отъ другой. Такъ переходъ сей, когда тѣло напряжено бодрствованіемъ, ослабляетъ въ немъ напряженіе сномъ, на время прекращая дѣятельность силъ чувственныхъ, подобно тому, какъ и коней послѣ состязанія отрѣзаютъ отъ колесницъ.

Благовременный же отдыхъ для тѣлеснаго состава необходимъ, чтобы нища безирезистентно разошлась по всему тѣлу извѣстными въ немъ для сего путями, тогда какъ никакое напряженіе не мѣшаетъ сему переходу. Что бываетъ съ увлажненною землею; когда солнце освѣтитъ ее теплѣйшими лучами, изъ глубины ея извлекаются нѣкіе туманные пары; подобное сему происходитъ и съ нашею землею, когда нища воскинаетъ внутри отъ естественной теплоты. Пары, которые по природѣ стремятся вверхъ, воздухообразны и переходятъ въ то, что надъ ними, собираются въ головныхъ помѣщеніяхъ, подобно какому-то дыму, ищущему выхода себѣ въ стѣнные пазы. Потомъ, исцаряясь отсюда по волокнамъ чувствительныхъ, церемѣиваются, и отъ нихъ по необходимости въ бездѣйствіе приходитъ чувство, давая свободный проходъ онымъ парамъ. Зрѣніе преграждается рѣсницами, которыя опускаетъ на глаза какъ бы наложенный какой свинецъ; такова ихъ тяжесть. Слухъ, одолевъ отъ сихъ же самымъ паровъ, какъ будто отъ наложенной какой двери на слуховые чле-

ны, успокоивается отъ естественной дѣятельности. Такое страдательное состояніе есть сонъ, во время котораго чувство въ тѣлѣ бездѣйственно, и всякое естественное движеніе невозможно, чтобы передача пищи, проходящей вмѣстѣ съ парами по каждому изъ внутреннихъ путей сообщенія, совершалась удобно.

Посему-то, если чувствительный снарядъ затѣненъ внутреннимъ испареніемъ, а сну мѣшаетъ какая либо потребность; то волокны, наполнившись парами, сами собою естественно напрягаются, и въ слѣдствіе напряженія одесбѣвшій отъ паровъ членъ утончается, какъ подобное нѣчто дѣлаютъ выжимающіе изъ одеждъ воду, для чего сильно ихъ свиваютъ. И посліку части горла округлены и изобилуютъ волокнами; то, когда нужно изгонять изъ нихъ стеснившіеся пары (такъ какъ круговидную часть невозможно вытягивать по прямой чертѣ, если не будетъ растянута въ окружности, а по сей причинѣ, по принятіи въ себя человѣкомъ воздуха во время зѣвоты, когда въ подбородкѣ въ низу горловымъ языкомъ производится впадина, и все, что внутри, растягивается въ видѣ круга), — дымная оная густота, угрожавшая этимъ членамъ, выдыхается вмѣстѣ съ выдыхаемымъ воздухомъ. Но извѣстно, что подобное сему случается нерѣдко и послѣ сна, когда сколько нибудь паровъ

остается въ мѣстахъ, изъ которыхъ нѣтъ вы-
хода и выдыханія.

Итакъ умъ человѣческїи ясно сямъ доказы-
ваетъ, что поступаетъ онъ согласно съ есте-
ствомъ; если, когда оно здорово и бодрствуетъ,
и самъ дѣйствуетъ и бываетъ въ движенїи; а
когда погружено въ сонъ, и самъ остается не-
подвижнымъ, если только и соннаго мечтанія
не приметъ кто за движеніе ума, происходя-
щее во время сна. Но мы утверждаемъ, что
одну разсудительную и здравую дѣятельность
мысли должно приписывать уму, а о мечта-
тельныхъ и сонныхъ грезахъ, какъ о пѣкїихъ
призракахъ умственной дѣятельности, думаемъ
такъ, что случайно составляются тою душою,
которая неразумна. Ибо, когда душа отрѣшена
сномъ отъ чувствъ, тогда по необходимости
приходится ей быть и виѣ умственной дѣятель-
ности; потому что поередствомъ чувствъ, въ
человѣкѣ происходитъ сраствореніе ума, и по-
тому, когда чувства не дѣйствуютъ, по необхо-
дмости бездѣйственна и мысль.

Доказательствомъ служитъ то, что мечтаю-
щїи во снѣ часто представляетъ себѣ неумѣ-
стное и невозможное; чего не было бы, если
бы душа и тогда управлялась разсудкомъ и
размышленіемъ. Но мнѣ кажется, что въ дуплѣ
покоятся превосходнѣйшія ея силы,—разумно
умственную и чувственную дѣятельности, дѣй-
ствуетъ же во время сна одна только пита-

тельная ея часть. Въ ней-то нѣкія подобія бывшаго на яву и отголоски произведеннаго чувствомъ и мыслию, какіе только отпечатлѣны въ ней памятливою силою души, вновь, какъ ни есть, живописуются, если только въ такой душевной способности сохранился какой напоминающій отголосокъ. О семъ-то мечтаетъ человекъ, не какую либо неразрывною связію доводимый до собесѣдованія съ видимымъ, но обольщаемый смѣшанными и непоследовательными обманчивыми представленіями.

Но какъ въ тѣлесныхъ дѣйствіяхъ, когда каждый членъ производитъ что нибудь особо по данной ему отъ природы силѣ, бываетъ нѣкое и покоющагося члена соучастіе съ движимымъ; подобно сему и въ душѣ, если одна часть покоится, а другая въ движеніи, и цѣлое соучаствуетъ съ частию. Ибо невозможно во-все расторгнуться естественному единству, когда какая либо изъ естественныхъ силъ преобладаетъ отчасти своею дѣятельностію. Но какъ въ бодрствующихъ и старательныхъ преобладаетъ умъ, чувство же прислуживается, а не отстасть отъ нихъ и правящая тѣломъ сила; потому что умъ по мѣрѣ потребности снабжаетъ нищею, чувство приѣмлетъ доставленное, а шутательная сила тѣла усволяетъ себѣ поданное: такъ и во снѣ извращается какъ-то въ насъ владычество этихъ силъ, и при преобладаніи силы неразумной прекращается дѣятель-

ность другихъ силъ, но не уничтожается совершенно. И какъ тогда питательная сила возбуждена сномъ къ пищеваренію, и все естество занимаетъ собою; то, и не вовсе отрѣшается отъ нея сила чувственная (ибо невозможно тому раздѣлиться, что единожды соединилось), и не приходитъ въ силу ея дѣятельность, бездѣйствіемъ чувствъ останаваиваемая во время сна. А какъ по тому же закону и умъ состоитъ въ связи съ чувственною способностію души, то слѣдуетъ сказать, что, когда въ движеніи сія способность и ошъ приходитъ въ движеніе, а когда та въ покоѣ, съ нею вмѣстѣ покоится. Нѣчто подобное сему бываетъ обыкновенно съ огнемъ; когда отсюду покрытъ онъ соломой, такъ что никакое дуповеніе не возбуждаетъ пламени, тогда и лежащаго близко къ нему не погасаетъ, и не угасаетъ совершенно; но вмѣсто пламени сквозь соломѣ выходитъ въ воздухъ какой-то паръ. А если подуесть на него что нибудь; то дымъ обращается въ пламень. Такимъ же образомъ и умъ, во время сна закрытый бездѣйствіемъ чувствъ, и не въ состояніи чрезъ нихъ явить силу свою, и не угасаетъ совершенно; но движется, какъ нѣчто дымящееся, отчасти дѣйствуя нѣсколько, отчасти не имѣя возможности дѣйствовать. И какъ пный музыкантъ, налагая смычекъ на ослабѣвшія струны лиры, не по размѣру выводитъ пѣснь, потому что не на

тянутая струна не может издать звука; но, хотя рука производит часто искусныя движенія, вода смычкомъ сообразно съ мѣстнымъ положеніемъ тоновъ, однако же звуковъ нѣтъ, а развѣ только при движеніи струнъ отдается какой-то глухой и нескладныйи звонъ: такъ, когда спомъ ослабленъ орудныйи снарядъ чувствительнѣе, или вовсе унокосвается художникъ, если орудіе отъ какого-то переносженія или обремененія тернитъ совершенное расслабленіе, или дѣйствуетъ несиально и слабо, потому что орудіе чувства не принимаетъ въ себя искусства въ точности.

Потому и сбпвчивая память и предусмотрительность, дремлющая подъ какими-то наложенными покровами, представляютъ подобія того, что озабочивало на яву, и нерѣдко указуютъ нѣчто изъ сбывающагося. Ибо по тонкости естества душа имѣетъ нѣчто большее сверхъ тѣлеснойи дебелости, и можетъ усматривать иное изъ дѣйствительно существующаго. Впрочемъ не можетъ съ какою либо прямою объяснить сказуемосъ, чтобы наставленіе о предстоящемъ было ясно и открыто; но бываетъ только непрямое и двусмысленное объявленіе будущаго, что разсуждающіе о подобныхъ вещахъ называютъ загадкою. Такъ виночерпійи выжимаетъ гроздь въ чашу Фараонову; такъ хлѣбодаръ представлялъ, что несетъ конницы; чѣмъ каждыйи занимался на яву, тѣмъ

же занимающимся почиталъ себя и въ сновидѣнїи. Подобїа обычныхъ имъ занятїи, впечатлѣвшїяся въ предусмотрительной способности души, подали случай по такому пророчеству ума предугадать о томъ, что сбылось при времени.

Если же Даниилъ и Иосифъ и подобныя имъ, безъ всякаго у нихъ смущенїя чувствъ, Божественною силою обучаемы были вѣдѣнїю будущаго; то сіе не относится къ настоящему слову. Ибо никто да не вмѣняетъ сего силѣ сновидѣнїи; такъ какъ иначе въ слѣдствїе сего и на яву бывающїя Богоявленїя почитеть, конечно, не видѣнїемъ, но самослучайно производимымъ обычнымъ дѣломъ естества. Посему, какъ изъ всѣхъ людей, управляющихся собственнымъ умомъ, немного такихъ, которые удостоиваются явнаго собесѣдованїя съ Богомъ: такъ, хотя у всѣхъ вообще бываютъ равнаго достоинства естественныя сонныя видѣнїя, только нѣкоторыя, а не всѣ, дѣлаются въ сновидѣнїяхъ причастными божественнаго нѣкоего откровенїя. А всѣмъ другимъ, если сообщается въ сновидѣнїяхъ нѣкое предвѣдѣнїе о чемъ нибудь, то бываетъ сіе сказаннымъ выше способомъ.

Если же египетскїи и ассирійскїи самовластители Самимъ Богомъ путеводимы были къ вѣдѣнїю будущаго; то въ этомъ особенное было Божїе смотрѣнїе. Явною должна была со-

лѣлаться сокровенная мудрость святыхъ, чтобы не безъ общей пользы совершить ей теченіе въ жизни. Какъ было бы узнано, что таковъ Даниилъ, если бы обаятели и волхвы не оказались безсильными открыть сонное видѣніе? Какъ спасся бы народъ египетскій, если бы Иосифа, заключеннаго въ темницѣ, не извело на среду истолкованіе сновидѣнія? Посему въ этомъ есть нѣчто иное, и не надлежитъ заключать о семъ по обыкновеннымъ сновидѣніямъ.

Самое обычное видѣніе сновъ есть общее для всѣхъ, и состоитъ въ представленіяхъ разнаго рода и вида. Ибо, или, какъ сказано, въ памяти у души остаются отголоски ежедневныхъ занятій, или нерѣдко состояніе сновъ сообразуется съ извѣстными расположеніями тѣла. Такъ жаждущему кажется, что онъ у источниковъ, и нуждающемуся въ пропитаніи,—что онъ на пиру, и юношѣ, во цвѣтъ у него по возрасту силъ, мечтается сообразное его страсти.

Но узналъ я и другую причину бывающаго во снѣ, ухаживая за однимъ изъ близкихъ миѣ, подвергнувшись умопомѣшателству. Обремененный нищею, принятою въ количествѣ превышавшемъ силы его, кричалъ онъ, укоряя вокругъ стоявшихъ за то, что, наполнивъ внутренности пометомъ, наложили на него. И когда тѣло у него готово уже было покрыться потомъ, жаловался, что у присутствующихъ при-

готовлена вода прыскать сю на лежащаго. И онъ не переставалъ кричать, пока причины таковыхъ укоризнъ не объяснилъ конецъ дѣла. Ибо вдругъ потекъ изъ тѣла сильный потъ, и разрѣшившійся желудокъ показалъ бывшую во внутренностяхъ тяжесть. Посему, что при ослабленной трезвости болѣзнию терпѣла природа, соучаствовавшая въ страданіи тѣла, не чувствуя приводящаго ее въ безпокойство, и по болѣзненному разстройству уже не имѣя силъ привести въ ясность причиняющее скорбь, то, какъ и слѣдовало, если бы мыслительная сила души была усыплена и не болѣзною, по естественнымъ спомъ, у находящагося въ такомъ состояніи могло сдѣлаться словидѣніемъ, въ которомъ водою означалось облітіе потомъ, а тяжестью внутренностей обремененіе нищею. И многимъ изъ обучавшихся врачебной наукѣ кажется тоже, а именно, что по различію страданій бываютъ у больныхъ и сонныя видѣнія; иныя у имѣющихъ разстрошенный желудокъ, иныя у людей съ поврежденными мозговыми оболочками; иныя опять у больныхъ горячкою; не одни и тѣже у страдающихъ отъ желчи и отъ мокротъ; опять иныя у полнокровныхъ и у изнеможенныхъ. Изъ сего можно видѣть, что питательная и растительная сила души имѣетъ нѣчто всѣянное въ нее отъ умственной силы въ слѣдствіе срастворенія, и это нѣкоторымъ образомъ уподобляется извѣстному

расположенію тѣла, сообразно преобладающей страсти преобразуясь въ сонныхъ мечтахъ. Еще составляются сновидѣнія у многихъ по состоянію нравовъ; иныя мечтанія у человѣка мужественнаго, и иныя у боязливаго; иныя сновидѣнія у невоздержнаго, и иныя у цѣломудреннаго; объ иномъ грезить человѣкъ щедрый, и объ иномъ ненасытнѣй. И таковыя мечтанія образуетъ въ душѣ вовсе не мысль, но неразумное расположеніе; о чемъ привыкла душа размышлять на яву, образы того составляетъ оно въ сновидѣніяхъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

О томъ, что умъ не въ какой либо части тѣла; и о различіи тѣлесныхъ и душевныхъ движеній.

Но далеко уклонились мы отъ предположеннаго. Слово наше имѣло для себя цѣлю показать, что умъ не привязанъ къ какой либо части тѣла, но равно прикосновенъ ко всему тѣлу, сообразно съ природою производя движеніе въ подлежащемъ его дѣйствію членѣ. Бываетъ же иногда, что умъ слѣдуетъ и естественнымъ стремленіямъ, какъ бы дѣлаясь служою. Ибо нерѣдко управляетъ имъ естество тѣлесное, влагая въ него и чувство скорбнаго и вождельніе увеселяющаго; почему естество сіе доставляетъ и первыя начала, производя,

или пожеланіе пищи, или вообще побужденіе къ какому нибудь удовольствію; а умъ, пріемля таковыя побужденія, по собственнымъ своимъ примышленіямъ доставляетъ тѣлу средства къ полученію желаемого. Но не со всѣми бываетъ подобное сему, а только съ имѣющими болѣе грубыя расположенія, — съ людьми, которые, поработивъ разумъ естественнымъ побужденіямъ, при содѣйствіи ума отыскивая усладительное для чувствъ, раболѣпно льстятъ имъ; съ болѣе же совершенными бываетъ не такъ; ими править умъ, избирая полезное разуму, а не страсти; естество же идетъ по слѣдамъ правителя.

А какъ слово наше открыло разности въ жизненной силѣ: силу питательную безъ чувства, силу питательную и растительную, чуждую разумной дѣятельности, силу разумную и совершенную, распоряжающуюся всякою другою силою, такъ что можно существовать и при тѣхъ силахъ, и имѣть превосходство по умственной силѣ: то никто да не предполагаетъ поэтому, что въ человѣческомъ составѣ существуютъ три души, усматриваемыя въ особыхъ своихъ очертаніяхъ; почему можно было бы думать, что человѣческое естество есть нѣкое сложеніе многихъ душъ. Напротивъ того истинная и совершенная душа по естеству одна, умная и невещественная, посредствомъ чувствъ соединенная съ естествомъ вещественнымъ. А

все вещественное, подлежа превратности и измѣненію: если содѣляется причастнымъ одушевляющей силы, придетъ въ движеніе возрастаніемъ; если же лишится жизненной дѣятельности, кончитъ движеніе тлѣніемъ. Посему не бываетъ ни чувства безъ вещественной сущности, ни дѣятельности умственной силы безъ чувства.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

О томъ, что душою въ собственномъ смыслѣ, и есть, и называется душа разумная; другія же именуется такъ по подобоименности; и о томъ, что сила ума простирается на все тѣло, касаясь его сообразно съ каждымъ членомъ.

Если иная тварь имѣетъ питательную дѣятельность, а другая упражняется силою чувствующею, и первая не имѣетъ чувства, а послѣдняя—естества умнаго, и по этому предполагаетъ кто либо множество душъ: то таковой не объяснить различія душъ отличительными ихъ чертами. Ибо все мыслимое въ существахъ, если представляется въ умѣ совершенно тѣмъ; что оно есть, то въ собственномъ смыслѣ именуется придаваемымъ ему именемъ. А если что не во всѣхъ чертахъ есть то, чѣмъ наименовано; то напрасно носить сіе названіе. Напримѣръ, если кто покажетъ настоящій хлѣбъ, то скажемъ, что таковой въ собственномъ смыслѣ это имя придастъ предмету; а если кто вмѣсто естественнаго хлѣба покажетъ

сдѣланный искусственно изъ камня, у котораго и видъ такой же, и равная величина, и есть подобіе въ цвѣтѣ, такъ что по многому кажется онъ однимъ и тѣмъ же съ первообразомъ, недостаетъ же ему одного, — возможности служить пищею: то на сіе скажемъ, что камень получилъ названіе хлѣба не въ собственномъ смыслѣ, но не по точному словоупотребленію. На томъ же основаніи и все, о чемъ сказуется что либо, не во всѣхъ отношеніяхъ принадлежащее сему, имѣетъ названіе не по точному словоупотребленію. Такъ, посліку и совершенство души въ умной силѣ и дарѣ слова, то все, что не таково, можетъ быть чѣмъ-то подобоименнымъ душѣ, однакоже есть не дѣйствительная душа, а нѣкая жизненная дѣятельность, названіемъ приравниваемая душѣ.

Поэтому естество безсловесныхъ, какъ не далеко отстоящее отъ этой естественной жизни, Узаконившій о всемъ отдалъ также въ употребленіе человѣку, чтобы оно вмѣсто земли служило вкушающимъ. Ибо говоритъ: ѣдите всякое мясо, яко земли травное (Быт. 9, 3.). Такъ не велико кажется преимущество у чувствительной дѣятельности предъ питательною и растительною безъ чувствительной!

Да заучитъ это плотолюбцевъ не обращаться много мыслию къ поразительному для чувствъ, но обращать вниманіе на преимущества душевныя, такъ какъ въ нихъ усматривается

истинная душа, а чувство есть въ равной мѣрѣ и у безсловесныхъ.

Но послѣдовательность слова привела насъ къ иному. Ибо обзорѣнію нашему предстояло не то доказывать, что изъ представляемаго мыслию о человѣкѣ важнѣе умственная дѣятельность, нежели вещественное въ составѣ, но что умъ у насъ не заключается въ какихъ либо частяхъ, а равно и во всѣхъ и по всѣмъ, и не объемля ихъ отвнѣ, и не содержась внутри ихъ; ибо сіе въ собственномъ смыслѣ говорится о сосудахъ, или другихъ тѣлахъ, другъ въ друга вкладываемыхъ. Общеніе же ума съ тѣлеснымъ состоитъ въ какомъ-то невыразимомъ и непримыслимомъ сопрیکосновеніи; оно и не внутри происходитъ, потому что безтѣлесное не удерживается тѣломъ; и не объемлетъ отвнѣ, потому что безтѣлесное не окружаетъ собою чего либо. Напротивъ того чуднымъ и недомыслимымъ какимъ-то способомъ умъ, приближаясь къ естеству и соприкасаясь съ нимъ, примѣчается и въ немъ и около него, но не въ немъ возсѣдая, и не объемля его собою, а такъ, что сего сказать, или представить умомъ, невозможно, кромѣ одного, а именно, что, когда естество, по особой его связности, въ добромъ состояніи, тогда и умъ бываетъ дѣйственъ; если же оно потеритъ какую утрату, по мѣрѣ одной и движеніе мысли бываетъ погрѣшительно.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Взглядъ на Божественное изреченіе, въ которое сказано: *сотворимъ человека по образу Нашему и по подобію* (Быт. 1, 26.), — при чемъ подвергается изслѣдованію, что означается словомъ: образъ; уподобляется ли блаженному и безстрастному страстное и прывременное, и — какъ въ образъ мужескій и женскій полъ, когда нѣтъ ихъ въ первообразъ.

Но возвратимся опять къ Божию слову: *сотворимъ человека по образу Нашему и по подобію* (Быт. 1, 26.). Какъ низко и недостойно естественнаго величія человѣка представляли о немъ нные изъ язычниковъ, величая, какъ они думали, естество человѣческое сравненіемъ его съ этимъ міромъ! Ибо говорили: *человѣкъ есть малый міръ, состоящій изъ однихъ и тѣхъ же со вселенною стихій*. Но, громкимъ симъ именованіемъ воздавая такую похвалу человѣческой природѣ, сами того не замѣтили, что почитали человѣка свойствами комара и мыши; потому что и въ нихъ раствореніе четырехъ стихій, почему какая либо большая или меньшая часть каждой изъ нихъ непременно усматривается въ одушевленномъ, а не изъ нихъ неестественно и составится чему либо одаренному чувствомъ. Посему что важнаго въ этомъ, — почитать человѣка образомъ и подобіемъ міра; когда и небо переходитъ, и земля измѣняется, и все, что въ нихъ содержится,

преходить прохожденіемъ содержащаго? Но въ чемъ же по церковному ученію состоитъ человѣческое величіе? Не въ подобіи тварному міру, но въ томъ, чтобы быть по образу естества Сотворнаго. Посему что же означается словомъ: образъ?

Можетъ быть, спросишь: какъ уподобляется тѣлу безтѣлесное, вѣчному временное, неизмѣняемому, что круговращательно измѣняется, безстрастному и нетлѣнному страстное и тлѣнное, чуждому всякаго порока, что всегда съ нимъ живетъ и воспитывается? Великое разстояніе между тѣмъ, что умопредставляется по первообразу, и что создается по образу. Образъ, если онъ подобенъ первообразу, въ собственномъ смыслѣ называется образомъ; если же подражаніе далеко отъ предположеннаго, то все таковое есть нѣчто иное, а не образъ того, чему подражаютъ. Какъ же человекъ, — существо смертное, страстное, скоропреходящее есть образъ естества безпримѣснаго, чистаго, всегда сущаго? Но истинное о семъ ученіе ясно вѣдать возможно одной въ подлинномъ смыслѣ Истинѣ; а мы, сколько вмѣщаемъ, нѣкими догадками и предположеніями слѣдя за истиною, о предметѣ изслѣдованія думаемъ такъ.

И Божіе слово изрекшее, что человекъ создашь по образу Божію, не лжетъ; и жалкая бѣдность естества человѣческаго не уподоб-

ляется блаженству безстрастной жизни. Ибо, если сравнить кто естество наше съ Богомъ, необходимо признать одно изъ двухъ, что, или Божественное естество страстно, или человѣческое безстрастно, чтобы понятіе подобія могло быть прилагасемо къ обоимъ. Если же и Божественное не страстно, и наше не чуждо страсти: то остается, значить, другое какое либо понятіе, по которому утверждается истинность Божественнаго изреченія, сказующаго, что человѣкъ созданъ по образу Божию. Слѣдовательно должно намъ возвратиться къ самому Божественному Писанію, — нѣтъ ли въ написанномъ какого руководства къ рѣшенію вопроса? Послѣ сказаннаго: *сотворилъ человека по образу*, Писаніе и о томъ, для чего *сотворилъ*, присовокупляетъ слѣдующее: *и сотвори Богъ человека, по образу Божию сотвори его: мужа и жену сотвори ихъ* (Быт. 1, 27.). Хотя сказано было выше, что такое слово провозглашено въ изложениіе еретическаго нечестія, и мы научившись, что Единородный Богъ сотворилъ человѣка по образу Божию, никомъ образомъ не должны различать Божества въ Отцѣ и Сынѣ, когда святое Писаніе Того и Другаго равно именуеть Богомъ, Который и сотворилъ человѣка, и по образу Котораго созданъ человѣкъ; по рѣчь о семъ пусть будетъ оставлена, вопросъ же долженъ обратиться къ изслѣдованію подлежащаго: почему и Бо-

жественное естество блаженно, и человѣческое бѣдственно, а въ Писаніи послѣднее именуется подобнымъ первому? Посему съ точностію изслѣдовать должно реченія: ибо найдемъ, что нѣчто иное есть — созданное по образу, и иное — пышѣ оказывающееся бѣдственнымъ.

Сказано: *сотвори Богъ чловѣка, по образу Божію сотвори его*; твореніе созданнаго по образу приводится къ окончанію. Потомъ дѣлается повтореніе сказаннаго объ устроеніи, и говорится: *мужа и жену сотвори ихъ*. Для всякаго, думаю, понятію, что сіе разумѣть должно, не относя къ первообразу: ибо о Христвъ Иисувъ, какъ говоритъ Апостолъ, *нѣсть мужескій полъ ни женскій* (Гал. 3, 28.). Однакоже слово сказуетъ, что чловѣкъ раздѣляется на сія полы. Посему устроеніе естества нашего есть нѣкое двоякое, одно уподобляемое естеству Божественному, и другое раздѣляемое на разные полы. Нѣчто подобное сему даетъ подразумѣвать Писаніе словосочиненіемъ написаннаго, сперва сказавъ: *сотвори Богъ чловѣка, по образу Божію сотвори его*, и потомъ присовокунивъ къ сказанному: *мужа и жену сотвори ихъ*, что чуждо умопредставляемому о Богѣ. Ибо думаю, что Божественнымъ Писаніемъ въ сказанномъ преподается нѣкій великій и возвышенный догматъ, и онъ таковъ: чловѣческое естество есть среднее между двухъ нѣкихъ, одно отъ другаго раздѣленныхъ и

стоящихъ на самыхъ крайностяхъ, между естествомъ Божественнымъ и безтѣлеснымъ, и между жизнью безсловесною и скотскою; потому что въ человѣческомъ составѣ можно усматривать часть того и другаго изъ сказанныхъ естествъ, изъ Божественнаго — словесность и разумность, что не допускаетъ разности въ мужскомъ и женскомъ полѣ, и изъ безсловеснаго — тѣлесное устройство и образование, раздѣляемое на мужескій и женскій полъ. То и другое изъ сихъ естествъ непремѣнно есть во всякомъ причастномъ человѣческой жизни. Но умное, какъ дознаемъ отъ изложившаго въ порядкѣ происхожденіе человѣка, въ немъ первенствуетъ; прирождено же человѣку общеніе и еродство съ безсловеснымъ. Ибо Писаніе сперва говоритъ: *сотвори Богъ человека по образу Божію*, показывая сими словами, какъ говоритъ Апостоль, что въ такомъ *нѣтъ мужескій полъ ни женскій*; потомъ присовокупляетъ отличительныя свойства человѣческаго естества, а именно: *мужа и жену сотвори ихъ*. Посему что же дознаемъ изъ сего?

Да не понегодуетъ на меня кто либо, что издалика поведу рѣчь о настоящей мысли. Богъ, по естеству Своему, есть всякое то благо, какое только можно обнять мыслию, или лучше сказать, будучи выше всякаго блага и мыслимаго и постигаемаго, Онъ творитъ человѣка не по чему либо иному, а только по-

тому, что благъ. Будучи же таковымъ, и поэтому приступивъ къ созданію человѣческаго естества, не въ половину показалъ могущество благости, давъ нѣчто изъ того, что у Него есть, и поскупившись въ семь общеніи. Напротивъ того совершенный видъ благости въ Богъ состоитъ въ томъ, что приводитъ чело-вѣка изъ небытія въ бытіе, и содѣлываетъ его не скуднымъ въ благахъ. Поселику же подробный списокъ благъ, великъ и обозначить ихъ числомъ неудобно: то Божіе слово, въ краткомъ изреченіи совокупивъ все блага, обозначило ихъ, сказавъ, что челоуѣкъ созданъ по образу Божію. Ибо это значить тоже, что и сказать: содѣлалъ естество челоуѣческое причастнымъ всякаго блага; потому что, если Божество есть полнота благъ, а челоуѣкъ Его образъ, то значить, образъ въ томъ и имѣеть подобіе первообразу, что исполнилъ всякаго блага. Слѣдовательно въ насъ есть представле-ніе всего прекраснаго, всякая добродѣтель и мудрость, все, что только есть умопредстав-ляемаго о наилучшемъ. Однимъ изъ числа всего необходимо есть и сіе,—быть свободнымъ, не подчиняться какому либо естественному влады-честву, но имѣть самовластную, по своему усмотрѣнію рѣшимость; потому что добродѣ-тель есть нѣчто не подвластное и доброволь-ное, принужденное же и невольное не можетъ быть добродѣтелию.

Итакъ, поелику образъ во всемъ носитъ на себѣ черты первообразной красоты; то, если бы не имѣлъ въ чемъ либо различія, былъ бы уже, конечно, не подобіемъ, но казался бы по всему тѣмъ же самымъ, во всемъ не отличнымъ. Посему какое же различіе усматриваемъ между самымъ Божествомъ и уподобляемымъ Божеству? То, что Божество не создано, а подобіе произведено твореніемъ. А различіе такового свойства сопровождалось опять различіемъ другихъ свойствъ. Ибо всеми непремѣнно признается, что естество несотворенное непремѣнно и всегда таково же; естество же тварное не можетъ пребывать безъ измѣненія; потому что самый переходъ изъ небытія въ бытіе есть нѣкое движеніе и измѣненіе въ существующее несуществовавшаго, прелагаемаго по Божественному изволенію. И какъ черты кесаря на мѣдиЕвангеліе называетъ образомъ, — изъ чего дознаемъ, что, хотя по внѣшнему виду въ изображеніи есть подобіе кесарю, однакоже въ дѣйствительности имѣется разность, такъ и согласно съ настоящимъ словомъ, разумѣя вмѣсто чертъ то изъ усматриваемаго въ Божественномъ и человѣческомъ естествѣ, въ чемъ есть подобіе, на самомъ дѣлѣ находимъ различіе, какое примѣчается въ несотворенномъ и сотворенномъ. Итакъ, поелику несотворенное пребываетъ одинаковымъ и притомъ всегда, а приведенное въ бытіе

твореніемъ начинаеть и существованіе измѣншіемъ, и сродственно такому образу бытія; то *Свѣдѣній вся прежде бытія ихъ* (Дан. 13, 42.), какъ говоритъ пророчество, соображаясь съ тѣмъ, или лучше сказать, предуразумѣвая силою предвѣдѣнія, къ чему склонно движеніе человѣческаго произвола по самоуправству и самовластію (поелику зналъ будущее), изобрѣтаеть для образа различіе мужескаго и женскаго пола, которое не имѣеть никакого отношенія къ Божественному первообразу, но, какъ сказано, присвоено естеству безсловесному.

Причину же такового примышленія могутъ знать одни *самосвидѣцы* истины и *слуши словесе* (Лук. 1, 2.), а мы, сколько возможно, въ нѣкихъ гаданіяхъ и образахъ представляя себѣ истину, пришедшее на мысль не излагаемъ утвердительно, а въ видѣ упражненія предложимъ благопризнательнымъ слушателямъ. Итакъ что же придумали мы о семъ? Слово Божіе, сказавъ: *сотвори Богъ человека*, неопредѣленностію выраженія указываетъ на все человѣческое; ибо твари не придано теперь сіе имя: Адамъ, какъ говоритъ исторія въ послѣдующемъ; напротивъ того имя сотворенному человѣку дается, не какъ какому либо одному, но какъ вообще роду. Посему общимъ названіемъ естества приводимся къ такому предположенію, что Божественнымъ предвѣдѣніемъ и

могуществомъ въ первомъ устройствѣи объемлетъ все человѣчество. Ибо надлежитъ думать, что для Бога въ сотворенномъ Имъ нѣтъ ничего неопредѣленнаго; а напротивъ того для каждаго изъ существъ есть нѣкій предѣлъ и мѣра, опредѣленная премудростію Сотворившаго. Посему, какъ одинъ человѣкъ по тѣлу ограничивается количествомъ, и количественность есть мѣра тѣлеснаго у него состава, опредѣляемая поверхностію его тѣла;—такъ, думаю, по силѣ предвѣдѣнія, какъ бы въ одномъ тѣлѣ сообщята Богомъ всяческихъ полнота человѣчества, и сему-то учитъ слово изрекшее: *сотвори Богъ человека, и по образу Божию сотвори его.* Ибо не въ части естества образъ, и не въ комъ либо одномъ изъ усматриваемыхъ такимъ-же благодать, но на весь родъ равно простирается таковая сила; а признакомъ сему то, что всѣмъ равно дарованъ умъ, всѣ имѣютъ способность размышлять, напередъ обдумывать, и все прочее, чѣмъ изображается Божественное естество въ созданномъ по образу Его. Одинаково имѣютъ сіе, и явленный при первомъ устройствѣи міра человѣкъ, и тотъ, который будетъ при скончаніи вселенной; они равно носятъ въ себѣ образъ Божій. Посему цѣлое наименовано однимъ человѣкомъ; потому что для Божія могущества нѣтъ ничего ни прошедшаго, ни будущаго, но и ожидаемое наравнѣ съ настоящимъ, содержится вседержа-

шею дѣйствительно. Посему все естество, простирающееся отъ первыхъ людей до послѣднихъ, есть единый нѣкій образъ Сущаго. А различіе рода относительно къ мужескому и женскому полу придано твари въ послѣдствіи, по слѣдующей, какъ думаю, причинѣ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Что надлежитъ отвѣчать недоумѣвающимъ о томъ, что если чадородіе послѣ грѣха, то какъ рождались бы души, еслибы первобытные люди пребыли не согрѣшившими?

Лучше же сказать, прежде изслѣдованія предположеннаго, благоразуміе, можетъ быть, поступимъ, принеся рѣшеніе предлагаемаго намъ противниками. Ибо говорятъ, что прежде грѣха не повѣствуется ни о рожденіи, ни о болѣзни рожденія, ни о желаніи чадородія. Но, когда послѣ грѣха изгнаны люди изъ рая, и жена осуждена въ наказаніе на болѣзни рожденія, тогда Адамъ приступилъ къ супругѣ своей, и позналъ ее брачно, и тогда положено начало чадородію. Посему, если въ раю не было брака, ни болѣзни рожденія, ни самаго рожденія; то въ слѣдствіе сего, говорятъ, необходимо заключить, что не было бы множества душъ человѣческихъ, еслибы даръ безсмертія не обращенъ былъ въ смертность, и бракъ не соблюлъ естества рождающимся вновь, вмѣсто отходящихъ вводя происшед-

шихъ отъ нихъ; такъ что грѣхъ, прившедшій въ жизнь человѣческую, нѣкоторымъ образомъ принесъ пользу. Ибо родъ человѣческій ограничивался бы четою первосозданныхъ, еслибы страхъ смерти не побудилъ естества къ произведенію потомства.

Но и въ этомъ опять истинное ученіе если оно доступно кому, можетъ быть явнымъ только для посвященныхъ, подобно Павлу, въ тайны рая; а паше мѣнѣе таково: саддукси оспаривали нѣкогда ученіе о воскресеніи, и въ подтвержденіе своего ученія указывали на жену многобрачную, бывшую за семью братьями, потомъ спрашивали: котораго изъ нихъ женою будетъ она по воскресеніи? Господь на этотъ вопросъ отвѣтствуетъ, не только вразумляя саддукеевъ, но и всѣмъ послѣ нихъ открывая тайну жизни по воскресеніи, и говоритъ: *въ воскресеніе бо ни женятся, ни посылаютъ* (Мѣ. 22, 30.), *ни умрети бо ктому могутъ: равни бо суть Ангеломъ, и сынове сунъ Божіи, воскресенія сынове суще* (Лук. 20, 36.). Даръ же воскресенія не иное что обѣщаетъ намъ, какъ возстановленіе падшихъ въ первобытное состояніе; ибо сія ожидаемая благодать есть къ первоначальной жизни возвращеніе, изгнаннаго изъ рая снова въ него вводящее. Посему, если жизнь восстанавливаемыхъ имѣетъ сродство съ жизнію Ангеловъ: то очевидно, что жизнь до преступленія была нѣкая ангельская. Почему и возвращеніе

къ первобытной нашей жизни унодобляется Ангеламъ. Но какъ сказано, хотя брака у Ангеловъ нѣтъ, однакоже воинство ангельское состоитъ изъ безчисленныхъ темъ. Такъ повѣствоваль въ видѣніяхъ и Даніилъ. Слѣдовательно, еслибы не произошло съ нами въ слѣдствіе грѣха никакого превращенія и паденія изъ ангельскаго равночестія, то и мы такимъ же образомъ для размноженія не имѣли бы нужды въ бракѣ. Но какой способъ размноженія у естества ангельскаго,—это неизреченно и педомыслимо по гаданіямъ человѣческимъ; впрочемъ несомнѣнно то, что онъ есть. И онъ могъ бы дѣйствовать и у людей *малымъ чинъ отъ Ангелъ* умаленныхъ (Пс. 8, 6.), приумножая человѣчскій родъ до мѣры определенной совѣтомъ Сотворшаго.

Если же кто затрудняется, спрашивая о способѣ происхожденія людей, не нужно ли было для сего человѣку содѣйствіе брака?—то и мы спросимъ его о способѣ бытія Ангеловъ: — почему они составляютъ безчисленныя тмы, будучи и одною сущностію и многочисленными? Ибо даемъ приличный отвѣтъ возражающему: какъ могъ бы человѣкъ быть безъ брака? когда говоримъ: такъ же, какъ Ангелы существуютъ безъ брака. А что человѣкъ до преступленія подобенъ былъ Ангеламъ, доказываетъ сіе возстановленіе его опять въ этоже подобіе.

Послѣ такого нашего о семъ разсужденія возвратиться должно къ прежнему вопросу: почему по устроеніи образа Богъ примышляетъ для твари различіе въ мужскомъ и женскомъ полѣ? Для сего, какъ утверждаю, полезно предварительно нами изложенное начало. Приводящій все въ бытіе и цѣлаго человѣка, по собственной Своей волѣ, содѣлавшій Божиимъ образомъ, не хотѣлъ бы видѣть, чтобы число душъ достигало своей полноты постепеннымъ приращеніемъ раждаемыхъ, но силою предвѣдѣнія мгновенно представивъ мысленно въ сей полнотѣ всю человѣческую природу и почтивъ ее высокимъ и равноангельнымъ жребіемъ, поелику прозорительною силою предусмотрѣлъ, что произволеніе человѣческое не пойдетъ прямымъ путемъ къ прекрасному, и потому отпадетъ отъ равноангельской жизни, то, чтобы не сдѣлалось малымъ число душъ человѣческихъ, утративъ тотъ способъ, какимъ Ангелы возрасли до множества; поэтому самому примышляетъ для естества способъ размноженія, сообразный для поползнувшихъ въ грѣхъ; вмѣсто того, что прилично ангельскому величію, насадивъ въ человѣчествѣ способъ взаимнаго преемства скотскій и безсловесный. Посему-то, кажется мнѣ, и великій Давидъ, сожалея о бѣдности человѣка, такими словами оплакиваетъ человѣческое естество: *человѣкъ въ чести сый не разумъ*, называя честию—рав-

почестіе съ Ангелами; посему продолжаетъ , *приложися скотомъ несмысленнымъ, и уподобися имъ* (Псал. 48, 21.). Ибо подлинно сталъ скотенъ пріявшій въ природу свою, по склонности къ вещественному, этотъ текучій способъ рожденія.

ГЛАВА ОСМНАДЦАТАЯ.

О томъ, что страсти безсловесныхъ имѣютъ въ насъ причинною сродство съ безсловеснымъ естествомъ.

Думаю, что и всякая страсть отъ сего начала, какъ изъ нѣкоего источника произникши, наводняетъ человѣческую жизнь. Доказательствомъ же сказаннаго служить сродство страстей, равно обнаруживающееся и въ насъ, и въ безсловесныхъ; ибо несправедливо приписывать первыя начала страстнаго расположенія естеству человѣческому, созданному по образу Божию. Но поеліку привзошла въ этотъ міръ и жизнь безсловесныхъ, а человѣкъ, по сказанной выше причинѣ, и изъ естества безсловесныхъ заимствовалъ нѣчто, разумѣю способъ рожденія; то чрезъ сіе заимствовалъ и прочее, замѣчаемое въ этомъ естествѣ; ибо не въ раздражительной силѣ у человѣка подобіе Божіе, и не сластолюбіемъ отличается естество преимущественное; и боязливость, и дерзость, и желаніе большаго, и отвращеніе отъ скудости, и все тому подобное, далеки отъ признаковъ

богомѣпія. Посему естество человѣческое извлекло это изъ безсловесной въ себѣ части; ибо, чѣмъ безсловесная жизнь ограждена для самосохраненія, то, будучи перенесено въ жизнь человѣческую, стало страстію. Животныя плотоядныя охраняются раздражительностію; животныхъ многородящихъ спасаетъ сластолюбіе; животное малосильное хранитъ робость. Удобоуловимое сильнѣйшими—страхъ, преизбыточествуящее плотію—прожорливость. И не удовлетворитъ въ чемъ либо своему сластолюбію — для безсловесныхъ служить предлогомъ къ скорби. Все сіе и подобное тому, по причинѣ скотскаго рожденія, привзошло въ устройство человѣка.

И да позволено мнѣ будетъ, подражая ваятельному искусству, описать человѣческой образъ словомъ. Какъ между изваяніями можно видѣть двулицыя, какія обдѣльваютъ на удивленіе зрителямъ любители сего художества, на одной головѣ представляя два вида лицъ: такъ и человѣкъ, кажется мнѣ, носить въ себѣ до противоположности двоякій видъ, въ богоподобіи ума изображая подобіе Божественной красотѣ, а въ страстныхъ стремленіяхъ представляя близость свою къ скотообразности. Но часто и разумъ, по наклонности и расположенію къ безсловесному, затмѣвая въ себѣ лучшее худшимъ, доходитъ до скотоподобія; ибо, какъ скоро до этого унижить кто мыслен-

ную дѣятельность, и принудить разумъ стать служителемъ страстей, происходитъ какое-то превращеніе добрыхъ чертъ въ безсловесный образъ, и все естество измѣняетъ свой видъ, а разумъ, подобно земледѣльцу, обрабатываетъ начатки страстей, и постепенно возвращаетъ ихъ въ большемъ и большемъ количествѣ; потому что, употребивъ свое содѣйствіе страсти, произвелъ онъ многочисленное и обильное порожденіе нечестностей. Такъ сластолюбіе имѣло началомъ уподобленіе безсловесному, но въ человѣческихъ проступкахъ возрасло, породивъ такое число разныхъ грѣховъ сластолюбія, какого нельзя найти въ безсловесныхъ. Такъ вождельніе къ раздражительности сродно съ стремительною безсловесныхъ, возрастаетъ же при содѣйствіи помысловъ; ибо отсюда мстительность, зависть, лживость, злоумышленность, лицемеріе. Все это произращено худымъ дѣланіемъ ума. Ибо, если страсть сія лишится содѣйствія помысловъ, то раздражительность останется чѣмъ-то скоропреходящимъ и безсильнымъ, подобнымъ пузырю, который, едва явится на водѣ, и тотчасъ лопается. Такъ прозорливость свиней ввела любостыжательность, и величавость коней стала началомъ гордыни. И все, происшедшее отъ скотскаго безсловесія, и взятое въ отдѣльности, при худомъ употребленіи ума стало порокомъ; какъ и наоборотъ, если разумъ

воспріиметь власть надъ таковыми движеніями, то каждое изъ нихъ превратится въ видъ добродѣтели. Такъ раздражительность производитъ мужество, робость—осторожность, страхъ — благопокорность, ненависть — отвращеніе отъ порока, сила любви—вождедѣніе истинно-прекраснаго, а величавость нрава возвышаетъ надъ страстями, и образъ мыслей сохраняетъ испорбащеннымъ злу. Такой видъ возношенія духа похваляетъ и великій Апостоль, повелѣвая постоянно мудрствовать *горня* (Кол. 3, 2.). Такъ можно найдти, что всякое таковое движеніе, возносимое возвышенностію мысли, сообразуется съ красотою того, что по образу Божію. Но послѣку есть какая-то тяжелая и въ низъ стремящаяся наклонность грѣха; то чаще бываетъ иное; ибо тяжестію безсловеснаго естества болѣе увлекается въ низъ владычественное души, нежели сколько тяжелое и перетное возносится вверхъ возвышенностію мысли. Посему нерѣдко окаянство наше дѣлаетъ, что не узнаемъ Божія дара; потому что плотскія страсти налагаются, подобно гнусной личинѣ, на красоту того, что по образу.

Поэтому взирающіе на подобное сему извинительны нѣсколько, когда не легко соглашаются, что есть въ нихъ образъ Божій. Напротивъ того, смотря на преуспѣвшихъ во жизни, можно усматривать въ людяхъ образъ Божій. Ибо, если кто, будучи страстнымъ и плот-

скимъ , заставляетъ не вѣрить, что человѣкъ украшенъ какъ бы Божественной лѣпотою ; то, несомнѣнно, высокій по добродѣтели и чистый отъ сквернъ утвердить тебя въ лучшемъ о людяхъ мнѣніи. Напримѣръ (ибо всего лучше объяснить мысль сію примѣрами) пусть скверною лукавства омрачилъ въ себѣ красоту естества кто-либо изъ извѣстныхъ порочностию, какой нибудь Іехонія, или, если кто и другой упоминается по причинѣ худыхъ его дѣлъ, за то въ Моисеѣ и подобныхъ ему чистымъ сохранился видъ образа. Посему, въ комъ не померкла красота, тѣми ясно подтверждается вѣрность сказаннаго, что человѣкъ сотворенъ какъ Божіе подобіе.

Но иной, можетъ быть, приводится въ стыдъ тѣмъ, что жизнь наша, по подобію безсловесныхъ, поддерживается нищею, и потому признаетъ человѣка недостойнымъ той о немъ мысли, что созданъ по образу Божію; пусть же надѣется, что естеству нашему нѣкогда, сообразно ожидаемой жизни, даровано будетъ освобожденіе отъ сего служенія: *нѣсть бо, какъ говоритъ Апостоль, царство Божіе брашно и питіе* (Рим. 14, 17.). И Господь предрекъ: *не о хлѣбѣ единомъ живѣтъ человекъ, но о всякомъ маломъ исходящемъ изъ устъ Божіихъ* (Мѡ. 4, 4.). Да и воскресеніе указываетъ намъ на жизнь равноангельскую. Послику же у Ангеловъ нѣтъ брашна, то къ удостовѣренію достаточно

сего доказательства, что освободится отъ тако-
ваго служенія челоувѣкъ, и будетъ жить по
подобію Ангеловъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Отвѣтъ утверждающимъ, что наслажденіе уповасяими благами
должно состоять опять въ иницѣ и литіи, по написанному, что
въ началѣ въ раю этимъ жилъ челоувѣкъ.

Но, можетъ быть, скажетъ иный, что чело-
увѣкъ придетъ не въ тотъ же опять образъ
жизни, если первоначально нужно было намъ
вкушать пищу, а послѣ настоящей жизни осво-
бодимся отъ сего служенія. А я, слушая свя-
тое Писаніе, не только тѣлесное разумѣю вку-
шеніе и плотское веселіе, но знаю и другую
нѣкую, имѣющую нѣкоторое сходство съ тѣ-
лесною, пищу, наслажденіе которою прости-
рается на одну душу. *Идите мой хлѣбъ*, пове-
лѣваетъ алчущимъ премудрость (Притч. 9, 4.),
и Господь ублажаетъ алчущихъ таковой снѣди
(Мѡ. 5, 6.), и говоритъ: *ище кто жаждетъ,*
да придетъ ко Мнѣ и пьетъ (Іоан. 7, 37.). И
великій Исаія способнымъ понять высоту его
повелѣваетъ: *иійте радость* (Иса. 25, 6.). Есть
и нѣкая пророческая угроза достойнымъ на-
казанія, что наказаны будутъ голодомъ; и гладь
этотъ будетъ не отъ какого либо недостатка
въ хлѣбѣ и водѣ, но отъ лишенія слова; ибо

сказано: *не гладъ хлѣба, ни жажду воды, но гладъ слышанія слова Господня* (Амос. 8, 11.). Посему надлежитъ представлять себѣ нѣкій плодъ, достойный Божія насажденія въ Едемѣ (а Едемъ толкуется: услажденіе), и не сомнѣваться, что питался имъ человѣкъ; и для пребыванія въ раю не воображать себѣ непременно эту преходящую и истекающую пищу. Сказано: *отъ всякаго древа, еже въ раю, съидію съисси* (Быт. 2, 16.). Чувствующему здравый гладъ кто дастъ оное древо, еже въ раю, заключающее въ себѣ всякое благо, которому имя: *всяко*—все, вкушеніе чего даруется человѣку Божиимъ словомъ? Поелику съ симъ родовымъ и высшимъ понятіемъ неразрывенъ всякій видъ благъ, то въ чемъ заключается цѣлое? И кто отвратитъ меня отъ этого смѣшаннаго и обоюднаго вкушенія съ древа? Ибо, конечно, неявно для болѣе прозорливыхъ, что сіе *всяко* есть нѣчто такое, чего плодъ—жизнь, и это смѣшанное опять нѣчто такое, чего конецъ—смерть. Ибо обильно Предложившій человѣку наслажденіе всякимъ, безъ сомнѣнія, по нѣкому закону и по промыслительности воспрещаетъ человѣку вкушеніе того, что не есть ни то ни сіе. И мнѣ кажется лучшимъ, учителями въ истолкованіи сего понятія избрать великаго Давида и премудраго Соломона; потому что оба они даръ дозволеннаго услажденія признаютъ единымъ, тѣмъ дѣйствительнымъ

благомъ, которое подлинно есть всякое благо, и Давидъ сказую: *насладися Господеву* (Псал. 36, 4.), и Соломонъ самую премудрость, которая есть Господь, именуя *древомъ живота* (Притч. 3, 18.). И такъ одно и тоже съ деревомъ жизни есть *всякое* дерево, вкушеніе отъ котораго дозволяется Словомъ созданному по Богу. Противопологается же сему дереву другое дерево, вкушеніе отъ котораго есть вѣдѣніе добра и зла, не въ томъ смыслѣ, что оно особо по частямъ приносило въ плодъ каждую изъ означенныхъ противоположностей, но въ томъ, что оно произращало нѣкій слитный и смѣшанный плодъ, срастворенный изъ противоположныхъ качествъ. Вкушеніе сего плода воспрещаетъ Начальникъ жизни, совѣтуетъ же змѣй, чтобы устроить входъ смерти. И присовѣтовавшій это дѣлается убѣдительнымъ, украсивъ плодъ доброцвѣтностію и сладостію, чтобы и на видъ казался пріятенъ, и возбуждалъ желаніе вкусить его.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Какова жизнь въ раю, и что такое запрещенное дерево.

Посему, что это такое, въ чемъ срастворено вѣдѣніе добра и зла вмѣстѣ, и что украшено удовольствіями для чувства? Конечно не далекимъ отъ истины будетъ мое гаданіе, если въ

начало обозрѣнія употреблю уразумѣніе того, что значить вѣдѣніе. Думаю же, что здѣсь Писаніе подъ вѣдѣніемъ разумѣеть не познаніе, но нахожу, по словоупотребленію Писанія, нѣкую разность въ словахъ: вѣдѣніе и различеніе. Ибо Апостоль говоритъ, что отличать добро отъ зла съ знаніемъ дѣла принадлежитъ совершеннѣйшей способности и чувствамъ обученнымъ (Евр. 5, 14.). Поэтому даетъ и повелѣніе—*вся* искушать (1 Сол. 5, 21.), и говоритъ, что различать свойственно духовному (1 Кор. 2, 15.). По вѣдѣніе не вездѣ по смыслу рѣчи означаетъ познаніе и уразумѣніе, а иногда и расположеніе къ пріятному. Такъ: *позна* Господь сущія Своя (2 Тим. 2, 19.). И Моисею говоритъ Богъ: позналъ Я тебя паче всѣхъ (Втор. 34, 11.). Объ осужденныхъ же за порочность говоритъ Всевѣдущій: *яко николиже знахъ васъ* (Мѡ. 7, 23.).

Итакъ древо, которымъ въ плодъ приносятся смѣшанное вѣдѣніе, принадлежитъ къ за-прещепному. А плодъ оный, имѣвшій защитникомъ своимъ змія, смѣшанъ изъ противоположностей, по той, можетъ быть, причинѣ, что предлагается не зло обыкновенное, какимъ представляется оно само въ себѣ по собственной своей природѣ; потому что не имѣлъ бы и силы порокъ, неприкрашенный ничѣмъ хорошимъ, привлекающимъ обольщаемаго къ желанію. А нынѣ смѣшана нѣсколько природа

зла, внутри имѣеть пагубу, какъ скрытый иѣкій обманъ, а по наружности показываетъ обольстительное иѣкое представленіе добра. Прекрасною сребролюбцамъ кажется доброцвѣтность вещества, но *корень всльмъ зльмъ* бывасть *сребролюбіе* (1 Тим. 6, 10.). Кто поползнулъ бы въ зловонную тину нецотребства, еслибы удовольствія не почиталъ чѣмъ-то прекраснымъ и желательнымъ для себя, увлекаемый этою приманкой въ страсть? Такъ и прочіе грѣхи, имѣя въ себѣ скрытую гибель, желательными кажутся на первый взглядъ, по какому-то обольщенію для несмотрительныхъ столько же привлекательными, какъ и дѣло доброе. Поелику многіе признають прекраснымъ то, что веселитъ чувства, и подобоименны, какъ дѣйствительно прекрасное, такъ и кажущееся прекраснымъ; поему самому и бывающее вожделѣніе зла какъ и добра въ Писаніи наименовано вѣдѣніемъ добра и зла, и подъ вѣдѣніемъ разумѣется какое-то сорасположеніе и примѣщеніе, то есть, не отрѣшенное зло (такъ какъ цвѣль красотю), но и не чистое добро (потому что сокрывалъ въ себѣ зло), но смѣсь того и другаго — этотъ плодъ запрещеннаго древа, вкушеніе котораго, по сказанному, ведетъ къ смерти прикасающихся. А симъ открыто почти выражаетъ сіе ученіе, что подлинно доброе по природѣ своей просто и однолично, чуждо всякой двойственности и

сочетанія съ противоположнымъ, а злое разнообразно и прикровенно, инымъ чѣмъ-то признается, и инымъ оказывается на опытѣ; и вѣдѣніе его, т. е. дознаніе на опытѣ, дѣлается началомъ и причиною смерти и тлѣнія.

Посему-то змій указываетъ этотъ зловредный плодъ грѣха, не обнаруживъ явно того зла, какое заключалъ онъ въ себѣ по природѣ своей (человѣкъ и не прельстился бы очевиднымъ зломъ), но, облиставъ какою-то красотою видимость, и очаровавъ какимъ-то чувственнымъ удовольствіемъ при вкушеніи, достойнымъ вѣроятія показался жещѣ, какъ говоритъ Писаніе. Ибо сказано: *и видѣ жена, яко добро древо въ видѣ, и яко угодно очима видѣти, и красно есть, еже разумѣти: и вземше отъ плода его, яде* (Быт. 5, 6.); и оная съѣдь для людей стала матерію смерти.

Посему вотъ что значитъ сей смѣшанный плодъ, по ясному истолкованію смысла Писанія, по которому оное древо наименовано вѣдѣніемъ добра и зла, потому что подобно зловредности яда вложеннаго въ медъ, поколику услаждаетъ чувство, кажется добромъ, а поколику губитъ прикасающагося, дѣлается самымъ крайнимъ зломъ. Посему, когда зловредный ядъ подѣйствовалъ на жизнь человѣческую, тогда *человѣкъ*, — это великое и дѣло и имя, отображеніе Божественнаго естества, какъ говоритъ Пророкъ, *суеть угодобися* (Псал. 143,

4.). Итакъ образъ Божій состоитъ въ томъ, что усматривается въ насъ лучшаго, а все то, что въ жизни нашей скорбнаго и бѣдственнаго, далеко отъ подобія Божеству.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

О томъ, что воскресенія должно надѣяться, не столько въ слѣдствіе проповѣди Писанія, сколько по самой необходимости вещей (а).

Но порокъ не столько могущественъ, чтобы превозмогать ему добрую силу, и безразсудство естества нашего не выше и не тверже Божественной премудрости. Да и невозможно превратному и измѣняемому быть сильнѣе и по-

(б) Читателю сей главы, по причинѣ нѣкоторыхъ выраженій, которыя съ перваго взгляда могутъ быть поняты не въ надлежащемъ ихъ значеніи, полезно будетъ чтеніе свое предварить слѣдующимъ поясненіемъ излагаемаго въ ней.

Св. Григорій царство добра и область зла уподобляетъ — первое—видимому міру, который *весь наполненъ свѣтомъ*, а послѣднюю—почвой тмѣ, то есть тѣни, какую земля, какъ шаръ, въ видѣ конуса отбрасываетъ отъ себя въ сторону, противоположную солнцу. Какъ самая глубокая тма, будучи заключена въ срединѣ сего конуса, къ краямъ онаго болѣе и болѣе срастворяется свѣгомъ, а поверхность его отъ основанія до вершины все облита свѣтлымъ потокомъ солнечныхъ лучей: такъ сіе же можно сказать и объ области зла, то есть, что зло преимущественно сосредоточено въ срединѣ сей области, а ближе

стояннѣе того, что всегда тоже и водружено въ добръ. Совѣтъ же Божій всегда и неиремѣнно непреложенъ, а нашей природы превратность не тверда даже и во злѣ. И неиремѣнно всегда движимое, если оно на пути къ добру, по безпредѣльности проходимаго дѣла, никогда не прекратитъ стремленія впередъ, и

къ краямъ она не лишена нѣкоторыхъ остатковъ добра, крайніе же ея предѣлы отсюду уже объаты добромъ. И потому, говоритъ св. Григорій, *если предположимъ, что будетъ кто либо въ силахъ перейти разстояніе, на которое простирается тьма; то непременно окажется онъ во свѣтъ, непрестѣкаемою тмою. Такъ, думаю, продолжаетъ онъ, должно разумѣть и о насъ, то есть о насъ, которые, вмѣсто пресвѣщанія въ добръ, уклоняемся въ область зла, вступаемъ на попріище порока. Но не говорятъ онъ о тѣхъ, которые проходятъ, такъ сказать, первую половину сего попріища, не упоминаетъ и о тѣхъ, которые погрузились въ глубину грѣховной тмы, низошли на самое дно бездны зла, не разсуждаетъ о возможности различныхъ путей по сей области зла, ведетъ же рѣчь о тѣхъ только, которые, какимъ бы то ни было способомъ, уже миновали сію пагубную среду области зла, и стали ближе къ другому ея предѣлу, что и выражаетъ ясно, говоря: въ нихъ *всегдашняя подвижность нашей природы, припамятованіемъ прежнихъ несчастій уцѣломудриваемая не отдаваться снова въ плынь подобнымъ бѣдствіямъ, такъ какъ за предѣломъ зла слѣдуетъ преслѣство добра, слова наконецъ возвращаются на добрый путь.* Почему и всё мы имѣемъ твердую надежду, что каждому изъ насъ, какъ скоро, спасишься изъ глубины грѣха, достигнетъ онъ *края грѣховной тмы, слова будутъ возможно начать теченіе на попріищъ добра, и жить во свѣтъ.**

не найдетъ никакого конца искомому, достигнувъ котораго могло бы со временемъ остановиться въ движеніи; а если уклонилось оно въ противоположное: то, когда совершитъ путь порока, и достигнетъ самой крайней мѣры зла, тогда приснодвижность стремленія, по природѣ своей не находя никакого покоя, какъ скоро пройдетъ поприще порока, по необходимости обращаетъ движеніе къ добру. Ибо, такъ какъ порокъ не простирается въ безпредѣльность, по ограниченъ необходимыми предѣлами; то по сему самому за предѣломъ зла слѣдуетъ преество добра; а такимъ образомъ, по сказанному, всегдашняя подвижность нашей природы опять наконецъ возвращается на добрый путь, принамятованіемъ прежнихъ несчастій уцѣломудривасмая не отдаваться снова въ плѣнь подобнымъ бѣдствіямъ. Поэтому намъ снова будетъ возможно теченіе на поприщѣ добра, потому что порокъ по природѣ своей ограниченъ необходимыми предѣлами. Свѣдущіе въ небесныхъ явленіяхъ говорятъ, что весь міръ неполненъ свѣтомъ, а тма бываетъ въ мѣстѣ, отбненномъ преградою земнаго тѣла, да и мѣсто сіе по шаровидности земнаго тѣла, ограничивается коническою поверхностію, какою описываетъ солнечный лучъ; солнце же, во много кратъ превосходящее величиною землю, отъсюду кругомъ объемля ее лучами, при вершинѣ конуса сопрягаетъ схо-

дящіеся лучи свѣта; и потому, если предположимъ, что будетъ кто-либо въ силахъ перейти разстояніе, на которое простирается тѣнь, то непременно окажется онъ во свѣтѣ, непресѣкаемомъ тмою. Такъ, думаю, должно разумѣть и о насъ, что, дошедши до предѣла порока, когда будемъ на краю грѣховной тмы, снова начнемъ жить во свѣтѣ, потому что Естество добротъ до неисчетности во много кратъ преизбыточествуетъ предъ мѣрою порока. Посему снова рай, снова оное древо, которое есть древо жизни; снова даръ образа и достоинство начальства, впрочемъ не надъ тѣмъ, кажется мнѣ, что людямъ нынѣ по житейской потребности подчинено Богомъ; но предстоить намъ унованіе инаго нѣкоего царства, о которомъ слово остается для насъ неизглаголаннѣмъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Отвѣтъ возражающимъ: если воскресеніе есть нечто прекрасное и доброе, то почему его донынѣ не было, но должно надѣяться послѣ нѣсколькихъ оборотовъ времени.

Но будемъ держаться послѣдовательности въ изслѣдованіяхъ. Иный, можетъ быть, окриливъ мысль сладостію надежды, почтетъ бременемъ и потерей для себя, если не скоро насладится тѣхъ благъ, которыя выше и чувства и вѣдѣ-

ція человѣческаго, и песноснымъ представляеть это протяженіе времени, отдѣляющее его отъ желаемаго. Но пусть не тревожитъ себя, подобно какому нибудь ребенку, котораго огорчаетъ малое замедленіе въ доставленіи ему удовольствія. Послику все устроится разумомъ и премудростію: то по всей необходимости должно признать и все, что ни бываетъ, не чуждымъ сего разума и присущей въ немъ премудрости. Посему скажешь: какой же это законъ, по которому не вдругъ совершается переходъ отъ жизни скорбной въ вождельнѣное состояніе, по опредѣленное нѣкое время, продолжавшаяся тяжкая и тѣлесная эта жизнь ждетъ конца, — исполненія всего, чтобы тогда уже, какъ бы отъ пѣкой узды освободившись, человѣческая жизнь, опять независимая и свободная, возвратилась къ житію блаженному и безстрастному?

Но приближается ли слово наше къ истинѣ искомаго, видитъ это ясно сама истица; а что пришло на мысль намъ, таково: именно же то первое слово, къ которому возвращаюсь снова. Богъ говоритъ: *сътвори мѣ человека по образу Нашему и по подобію; и сътвори Богъ человека; по образу Божію сътвори его* (Быт. 1, 26. 27.). Посему образъ Божій, усматриваемый во всемъ естествѣ человѣческомъ, уже былъ, но не произошелъ еще Адамъ; потому что Адамомъ, по словопроизводству, означается земная тварь,

какъ говорятъ свѣдущіе въ еврейскомъ языкѣ, почему и Апостоль, преимущественно обученный отечественному языку Израильтянъ, называетъ человѣка *отъ земли перстнымъ* (1 Кор. 15, 47.), какъ бы переводя на греческій языкъ названіе: Адамъ. Итакъ по образу сотворенья человѣкъ, — это всецѣлое естество, эта Богоподобная тварь; и по образу сотворена всемогущею Премудростію, не часть цѣлаго, но вся въ совокупности полнота естества. Зналъ Объемлющій горстію все предѣлы, какъ говоритъ Писаніе, выражающееся: *въ руку Его вси концы земли* (Псал. 94, 4.); зналъ Вѣдущій все и прежде бытія вещей, сообщая вѣдѣніемъ, въ какомъ числѣ будетъ родъ человѣческой, происшедшій отъ каждаго. Но послѣ проразумѣлъ въ насъ склонность къ худшему и то, что, добровольно утративъ равночестіе съ Ангелами, человѣкъ приблизится къ общенію съ низшимъ: то примѣшалъ по сему ничто къ собственному Своему образу отъ безсловесной твари. Ибо въ Божественномъ и блаженномъ естествѣ нѣтъ различія мужскаго и женскаго пола. Но перенеся на человѣка отличительное свойство безсловеснаго устройства, не соответственно высотѣ твари, даруетъ нашему роду способъ размноженія. Не тогда, какъ сотворилъ человѣка по образу, сообщилъ ему и силу *раститься и множиться*, но когда уже произвелъ различеніе сіе, мужскій и женскій

поль, тогда говоритъ: *раститесь и множитесь и наполните землю* (Быт. 1, 28.). Ибо подобное сему свойственно естеству не божественному, по безсловесному, какъ даетъ разумѣть исторія, повѣствуя, что прежде сказано это Богомъ о безсловесныхъ. Почему, если бы прежде, нежели придано естеству раздѣленіе на мужескій и женскій поль, Богъ симъ словомъ далъ человѣку способность *раститися*: то не имѣли бы мы нужды въ такомъ способѣ рожденія, какимъ раждаются безсловесныя. Посему, проразумѣвъ Своимъ предвѣдѣніемъ, что полнота человѣческаго рода войдетъ въ жизнь рожденіемъ, какое свойственнѣе животнымъ, въ извѣстномъ порядкѣ и въ связности правящей всѣмъ Богъ, поелику вообще для человѣчества таковой способъ рожденія необходимъ содѣлывала склонность нашей природы къ униженному, каковую прежде ея появленія предвѣдалъ Тотъ, Кто будущее видитъ наравнѣ съ настоящимъ, посему самому предусмотрѣлъ и соразмѣрное устройство человѣковъ время, чтобы появленію опредѣленнаго числа душъ соотвѣтствовало и продолженіе времени, и тогда остановилось текущее движеніе времени, когда прекратится въ немъ распространеніе человѣческаго рода. А когда кончится сей способъ рожденія людей, съ окончаніемъ его кончится и время, и такимъ образомъ совершится обновленіе вселенной, и

за измѣненіемъ цѣлаго послѣдуетъ и переходъ
 человѣчества отъ тѣннаго и земнаго къ без-
 страстному и вѣчному. Сіе, кажется мнѣ, ра-
 зумѣвъ и божественный Апостоль въ посланіи
 къ Коринѣянамъ предрекаетъ внезапную оста-
 повку времени и поступленіе движимаго въ
 обратный путь, когда говоритъ: *се тайну вамъ
 являюю, вси бо не успнемъ: вси же измѣнимся:
 вскорѣ во мновеніи ока, въ послѣдней трубѣ*
 (1 Кор. 15. 51. 52.). Ибо, какъ думаю, когда
 полнота человѣческаго сестства въ предувѣ-
 данной мѣрѣ достигнетъ конца, потому что не
 потребуется уже никакого приращенія къ чи-
 слу душъ; тогда, какъ словами: *вскорѣ во мно-
 веніи ока* наименовавъ опыій неизмѣряемый и
 неимѣющій протяженія предѣлъ времени, учитъ
 Апостоль, въ мгновеніе времени совершится
 измѣненіе существъ. Почему кто достигъ этой
 самой послѣдней и крайней точки времени,
 тому, такъ какъ ничего не остается за снмъ
 краемъ, невозможно получить это временнос
 посредствомъ смерти измѣненіе, развѣ когда
 прозвучитъ труба воскресенія, пробуждающая
 умершихъ, и оставшихся въ жизни, подобно
 измѣняемымъ чрезъ воскресеніе, мгновенно
 прелагающая въ нетѣніе, такъ что тягота
 плоти не повлечетъ уже ее долу, и бремя не
 удержитъ подъ землею, но поидетъ она по
 воздуху выснрь: ибо Апостоль говоритъ: *во-
 схищени будемъ на облацѣхъ въ срѣтеніе Гос-*

подне на воздухъ, и тако всегда съ Господемъ будемъ (1 Сол. 4, 17.).

Посему да ожидаютъ времени, которое необходимо продолжится соразмѣрно приращенію человѣческаго рода. Ибо Авраамъ и другіе патріархи имѣли желаніе видѣть блага, и не преставали искать небснаго отечества, какъ говоритъ Апостоль (Евр. 11, 16.); однакоже пребываютъ еще только въ надеждѣ благодати, по слову Павлову, *Богу лучше что о насъ предзрѣвшу, да не безъ насъ*, какъ говоритъ Павелъ, *совершенство приимутъ* (40.). Посему, если терпятъ сіе замедленіе оныя, издамече только вѣрою и надеждою, какъ свидѣтельствуеть Апостоль, *видѣшіе и цѣловашіе блага* (13.), несомнѣнность наслажденія уповаемымъ поставляя въ томъ, чтобы обѣтованное признавать вѣрнымъ;—что надлежитъ дѣлать многимъ изъ насъ, у которыхъ, судя по жизни, нѣтъ, можетъ быть, и надежды на лучшее? Изнемогала отъ вождельнія душа у Пророка, и въ пѣснопѣніи исповѣдуетъ онъ сію до страсти пламенѣющую любовь, говоря, что *желаетъ и скончается душа его* пребывать во *дворьхъ Господнихъ* (Пс. 83, 3.), хотя бы должно было *приимтися* (11.) тамъ въ числѣ послѣднихъ: потому что выше и предпочтительнѣе быть тамъ послѣднимъ, нежели первенствовать въ *селеніихъ грѣшнннхъ* этой жизни. Однакоже переносилъ онъ замедленіе, и убла-

жая пребываніе тамошнее, кратковременное участіе въ тѣхъ благахъ предпочитая тысячамъ лѣтъ, *лучше бо, говоритъ, день единъ во дворяхъ Твоихъ паче тысящъ* (11.), не огорчался необходимымъ смотрѣніемъ о существующемъ, и признавалъ достаточнымъ для ублаженія имѣть людямъ блага въ упованіи. Почему въ концѣ Псалма говоритъ: *Господи Боже силъ блаженъ человекъ уповай на Тя* (13.). Поэтому надлежитъ и намъ не скорбѣть о кратковременномъ замедленіи уповаемаго, но прилагать стараніе о томъ, чтобы не содѣлаться недостойными уповаемыхъ благъ. Если кто предскажетъ какому-либо опытному человѣку, что во время лѣта будетъ собраніе плодовъ, наполнятся хранилища, и трапеза будетъ полна спѣдой во время сего обилія: то суетенъ онъ будетъ, если поспѣшитъ желать наступленія этого времени, когда должно еще сѣять и попечительностію заготовлять себѣ плоды. Время, хочеть ли, не хочеть ли кто, непременно наступитъ въ опредѣленный срокъ; но не одинаково увидятъ его, кто заготовилъ себѣ изобиліе плодовъ, и кто остался на этотъ часъ съ пустыми руками и безъ всякаго запаса. Такъ, думаю, послыку изъ Божественной проповѣди для всякаго явно, что настанетъ время измѣненія; то должно не о времени любопытствовать (ибо *нѣсть ваше*, сказалъ Христосъ, *разумѣти времена и лета* (Дѣян. 1, 7.)), и не изыскивать

какихъ либо умозаключеній, которыми инъйи ослабить въ душѣ надежду воскресенія; но, подкрѣпясь вѣрою въ ожидаемое, добрымъ житіемъ закупать будущую благодать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЯ.

О томъ, что, кто признаетъ начало устроения міра, тотъ необходимо согласится и о концѣ.

Если же кто, взирая на настоящее теченіе міра, совершающееся въ пѣткой связности, въ каковой усматривается временное продолженіе, скажетъ, что невозможно произойдти предвозвѣщенной остановкѣ движимаго: то таковъи, очевидно, не вѣритъ, что и въ началѣ небо и земля сотворены Богомъ. Ибо кто придаетъ движенію начало, тотъ непременно не усумнится и о концѣ; а кто не принимаетъ конца, тотъ не принимаетъ начала. Но какъ *совершится вѣкомъ глаголомъ Божиимъ*, по слову Апостола, разумѣваемъ, вѣруя *отъ неявляемыхъ видимыхъ быти* (Евр. 11, 3.): такъ тою же вѣрою руководиться будемъ, и слыша глаголъ Божій, предвозвѣщающій необходимую остановку существъ. А какъ она будетъ, сіе должно быть изъято изъ предметовъ нашего любоньства. Ибо и тамъ, отложивъ въ сторону изслѣдованіе непостижимаго, вѣрою приняли мы *совершится* видимому *отъ неявляемыхъ*; хотя ра-

зумъ внушалъ намъ недоумѣвать во многомъ, представляя немаловажные поводы къ сомнѣнiю въ томъ, чему повѣрили. Ибо и тамъ любителямъ споровъ можно благовидными доводами поколебать вѣру такъ, чтобы не признавалось истиннымъ ученiе о сотворенiи вещества, какое преподастъ намъ святое Писанiе, утверждая, что всѣ существа имѣють бытiе отъ Бога.

А защитники противнаго ученiя усиливаются доказать, что вещество совѣчно Богу, пользуясь слѣдующими доводами въ подтвержденiе своего ученiя. Если Богъ по естеству простъ, не вещественъ, не качественъ, не количественъ, не сложенъ и чуждъ очертанiя по наружному виду; всякое же вещество ограничивается въ пространственномъ протяженiи, не избѣгаетъ постиженiя посредствомъ чувствъ, будучи познаваемо по цвѣту, по наружному виду, по величинѣ, по количеству, по упорству, по прочимъ усматриваемымъ въ немъ свойствамъ, изъ которыхъ ни одного не возможно представлять себѣ въ естествѣ Божественномъ: то какая возможность изъ невещественнаго произойти веществу, изъ немѣющаго протяженности естеству протяженному? Ибо если вѣрить, что произошло сiе отъ Бога, то очевидно, что сущее въ Богѣ по неизреченному закону пришло такимъ образомъ въ бытiе. А если въ Немъ было нѣчто вещественное, то

какъ же не вещественъ Тотъ, Кто имѣлъ въ Себѣ вещество? Тоже сказать должно и о всемъ иномъ, чѣмъ отличается вещественное естество. Ежели въ Богѣ есть количество, то какъ же не количественъ Богъ? Ежели въ Немъ есть нѣчто сложное, то какъ же Самъ Онъ простъ, не дѣлимъ на части и не сложенъ? Посему разумъ понуждаетъ, или по необходимости признать, что Богъ вещественъ, потому что отъ Него произошло вещество, или, если кто не согласится на это, необходимо предположить, что для устройства вселенной вещество произошло къ Нему отвнѣ. Посему, если оно было внѣ Бога; то, конечно, кромѣ Бога было нѣчто и иное, относительно къ вѣчности умопредставляемое вмѣстѣ съ Сущимъ не рождено. Почему постигаются разумомъ одно съ другимъ вмѣстѣ два безначальныя и нерожденныя существа, изъ которыхъ одно художественно дѣйствуетъ, а другое пріемлетъ на себя искусное это дѣйствованіе. Если же кто по сей необходимости предположить, что Создателю всяческихъ предстояло вѣчное вещество, то какую защиту своимъ ученіямъ найдеть этотъ Манихей, который естеству благому противопоставляетъ по нерожденности вещественное начало?

Но мы, слыша, что говоритъ Писаніе, увѣровали, что все отъ Бога; о томъ же, какъ было оно въ Богѣ, какъ о превъщающемъ.

нашъ разумъ, не смѣемъ любопытствовать, вѣруя, что все возможно Божію могуществу; возможно и несуществующее привести въ бытіе, и сущему по произволению придать качества. Въ слѣдствіе же сего, какъ признаемъ силу Божіей воли достаточною для созданія существъ изъ несуществовавшего; такъ, преобразование созданнаго возводя къ той же силѣ, вѣримъ не чему либо невѣроятному. Но какъ, можетъ быть, есть возможность какими либо доводами убѣдить спорящихъ о веществѣ; то не мнужемъ и сего, чтобы не показалось, будтобы умалчиваемъ по недостатку слова.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Возраженіе утверждающихъ, что вещество совѣчно Богу.

Не внѣ того, до чего послѣдовательно доходитъ разумъ, кажется и это предположеніе о веществѣ, утверждающее, что происходитъ оно отъ умопредставляемаго и невещественнаго. Ибо найдемъ, что всякое вещество состоитъ изъ какихъ либо качествъ, и если бы лишено было оныхъ, никакъ не могло бы постигаемо быть разумомъ. Но каждый видъ качества отдѣляется въ понятіи разума отъ подлежащаго. Понятіе же есть нѣчто умопредставляемое, а не тѣлесное воззрѣніе, Напри-

мѣръ, если подлежитъ возрѣнію какое либо животное, или дерево, или что либо другое изъ имѣющаго вещественный составъ; то многое въ предметѣ семь представляемъ мыслію отдѣльно, и попятіе отдѣльнаго не смѣшивается съ подлежащимъ возрѣнію. Ибо иное понятіе о цвѣтѣ, иное о тяжести, иное опять о количествѣ, и иное о какомъ либо осязательномъ свойствѣ, потому что мягкость, длина и прочія упомянутыя качества, ни одно съ другимъ, ни съ самымъ тѣломъ не смѣшиваются по понятію. Но каждому изъ свойствъ, каково оно само въ себѣ, примышляется особое положительное опредѣленіе, неизмѣющее ничего общаго съ какимъ либо инымъ качествомъ изъ усматриваемыхъ въ подлежащемъ. Посему, если умопредставляемъ цвѣтъ, умопредставляемъ также упорность, количественность и прочія подобныя симъ свойства, если съ отъятіемъ каждаго изъ сихъ у подлежащаго уничтожается всякое понятіе о тѣлѣ: то слѣдуетъ предположить, что въ отсутствіи чего находимъ причину уничтоженія тѣла, совокупное стеченіе того производитъ вещественное сестество. Какъ не тѣло то, въ чемъ нѣтъ цвѣта, наружнаго вида, упорства, протяженія, тяжести и прочихъ свойствъ, да и каждое изъ сихъ свойствъ также не тѣло, а напротивъ того взятое отдѣльно есть нѣчто отличное отъ тѣла: такъ и наоборотъ, гдѣ стеклись вмѣстѣ сказанныя

свойства, тамъ производится тѣлесное существо. Но если представленіе сихъ свойствъ принадлежитъ уму, а умопредставляемо также и Божество по естеству, то нѣтъ никакой несообразности въ томъ, что безтѣлеснымъ естествомъ произведены сіи умопредставляемая начала бытію тѣлъ, потому что умопредставляемое естество производитъ умопредставляемая силы, а взаимное соединеніе сихъ послѣднихъ приводитъ въ бытіе естество вещественное. Но сего пусть мимоходомъ только коснется наше изслѣдованіе. А намъ опять должно обратить слово къ вѣрѣ, которою приедемъ, что вселенная сотворена изъ ничего, и, наученные Писаніемъ, не сомнѣваемся, что снова будетъ преобразована въ иное нѣкое состояніе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Какъ можно много изъ вѣрнѣшихъ привести въ тому, чтобы, по ученію Писанія, повѣрилъ воскресенію.

Но иный, можетъ быть, смотря на разрушившіяся тѣла, и по мѣрѣ собственныхъ своихъ силъ судя о Божествѣ, скажетъ, что слово о воскресеніи есть нѣчто невозможное, и станетъ при семъ утверждать, что, какъ движущемуся теперь придти въ покой, такъ не движущемуся теперь придти въ движеніе, нѣтъ и возможности. Но таковой пусть приметъ для

себя первымъ и самымъ важнымъ доказательствомъ истины воскресенія достовѣрность проповѣди о немъ. А достовѣрность сказуемаго въ Писаніи дѣлаетъ несомнѣнною событіе прочихъ предреченій. *Посланку божественное Писаніе* предлагаетъ много всякаго рода сказаній, то, разсмотрѣвъ, точно ли живо, или истинно, прочее въ немъ сказанное, можно поэтому составить понятіе и о догматѣ воскресенія. Ибо, если слова Писанія въ другомъ чемъ изобличаются лживыми и погрѣшающими противъ истины, то, конечно, и это слово не неживо. Если же все прочее свидѣтелемъ истины имѣетъ опытъ, то послѣдовательно будетъ, основываясь на семъ, и предреченіе о воскресеніи почитать истиннымъ. Поэтому приведемъ себѣ на память одно или два предвѣщанія, и съ предсказаннымъ соличимъ событіе, чтобы узнать изъ сего, близко ли къ истинѣ сіе ученіе.

Кто не знаетъ, какъ въ древности процвѣтала народъ израильскій, противостоявшій веѣмъ царствамъ во вселенной? Какіе во градѣ Іерусалимѣ были царскіе дома? Какія стѣны, башни? Какое величественное зданіе—храмъ? Все сіе признавали достойнымъ удивленія и ученики Господни, и съ изумленіемъ взирая на видимое, какъ даетъ видѣть евангельское сказаніе, желаютъ обратить вниманіе Господа, говоря Ему: *каковы дѣла, и какова зданія* (Марк. 13, 2.)? Господь же дивящимся настоящему

показываетъ будущее запустѣніе мѣста, и уничтоженіе этой красоты, говоря, что вскорѣ не останется ничего видимаго ими. Да и во время страданія жены слѣдовали за Господомъ, оплакивая несправедливый надъ Нимъ приговоръ, потому что не примѣчали еще будущаго домостроительства. А Господь совѣтуетъ имъ молчать о томъ, что дѣлается съ Нимъ; потому что не слезъ сіе достойно; отложить же сѣтованіе и плачь до времени, дѣйствительно требующаго слезъ, когда городъ будетъ обложенъ осаждающими, и страданія дойдутъ до такой крайности, что блаженнѣйшимъ будетъ почитаемъ неродившійся. А вмѣстѣ съ симъ предвозвѣстилъ и это ужасное дѣло — поядать дѣтей, сказавъ, что въ тѣ дни будутъ ублажать утробу, которая не раждала (Лук. 23, 29.). И гдѣ же теперь царскіе тѣ дома? Гдѣ храмъ? Гдѣ стѣны? Гдѣ сторожевыя башни? Гдѣ царство израильское? Одинъ здѣсь, другой тамъ, едва не по цѣлой вселенной разсѣяны Израильтяне. А съ разореніемъ всего этого разрушены и царскіе дома.

И мнѣ кажется, что Господь предвозвѣстилъ сіе и подобное сему не ради самыхъ произшествій (принесло ли бы слушателямъ столько пользы предреченіе о томъ, что непременно сбудется? они дознали бы сіе на опытѣ, и не будучи предувѣдомлены о будущемъ), но чтобы слышавшіе въ слѣдствіе сего приобрѣли

вѣру и сказанному о важнѣйшемъ. Ибо свидѣтельство самыхъ дѣлъ объ одномъ, служить доказательствомъ истины и другаго. Еслибы, когда какой либо земледѣлецъ толкуеть о силѣ сѣмянъ, случилось неопытному въ земледѣліи не повѣрить, то первому для доказательства истины достаточно было бы, показавъ силу одного какого либо изъ лежащихъ въ мѣрѣ сѣмянъ, поручиться и за прочія; ибо, увидѣвшій, что одно зерно пшеницы, или ячменя, или чего другаго, наполняющаго выставленную мѣру, будучи брошено въ землю, произрастало колось, по этому одному зерну перестаетъ не вѣрить и о прочихъ. Такъ для засвидѣтельствованія тайны воскресенія, кажется мнѣ, достаточно того, что признана всѣми истина прочаго, что сказано въ Писаніи; лучше же сказать, опытное дознаніе самаго воскресенія, которое приобрѣли мы, не столько изъ словъ, сколько изъ самыхъ дѣлъ.

Поелику чудо воскресенія велико и превышаетъ вѣру, то Господь, начавъ съ низшихъ степеней чудотворенія, какъ бы приобучаетъ насъ къ вѣрѣ постепенно большими чудесами. Какъ мать какая, воспитывающая младенца, сообразно съ его возрастомъ, пока уста его мягки и пѣжны, изъ сосцовъ поитъ молокомъ; а когда появятся зубы, и младенецъ подростеть, даетъ ему хлѣбъ, но не грубый и худо испеченный, чтобы жесткая пища не повре-

дла нѣжныхъ и непривычныхъ десевъ, но разжевывая своими зубами, приводитъ въ состояніе соразмѣрное и соответственное силѣ вкушающаго. Потомъ, по мѣрѣ приращенія укрѣпляющихся силъ, привыкшему къ нѣжной пищѣ младенцу даетъ постепенно болѣе и болѣе твердую пищу. Такъ и Господь человѣческое малодушіе, какъ несовершеннога какого младенца питая и навоевая чудесами, сперва показываетъ подобіе силы воскресенія надъ отчаянною болѣзнію. И хотя велико было чудо само въ себѣ, однакоже не таково, чтобы не повѣрилъ кто повѣствованію о немъ. Ибо *запретивъ* огню, сильно распаявшему тещу Симонову, произвелъ такой переворотъ въ болѣзни, что въ силахъ стала прислуживать присутствующимъ та, о которой ожидали уже, что умретъ (Лук. 4, 39.). Потомъ Господь присо-вокушилъ пѣчто небольшое къ этой силѣ, и сыну царедворца, лежавшему въ признанной всеми опасности (ибо по сказанію исторіи *илияше умрети*, когда вопіялъ отецъ: *сиди, крезде даже не умретъ отрока* (Іоан. 4, 48. 49.)); дастъ опять возстаніе, когда были увѣрены, что онъ умретъ, совершивъ это чудо съ большимъ могуществомъ, потому что и не приближался даже къ больному, но издали силою повелѣнія послалъ ему жизнь. И еще постепенно восходитъ къ болѣе высокимъ чудесамъ. На пути къ дочери архиснагога, намѣренно заме-

диль шествиѣмъ, чтобы обнаружилось неизвѣстное народу исцѣленіе отъ кровоточенія, и между тѣмъ въ это время овладѣла большою смерть. Посему, когда душа уже разлучилась съ тѣломъ, и смятенные съ плачевнымъ воплемъ жаловались на постигшую утрату, Господь повелительнымъ словомъ, какъ отъ сна, возставляетъ дѣвицу опять къ жизни, съ какою-то постепенностію и послѣдовательностію возводя человѣческую немощь къ важнѣйшему.

Потомъ и сіе превышаетъ новымъ чудомъ, и высшею силою пролагаетъ людямъ путь къ вѣрѣ въ воскресеніе. Писаніе повѣствуетъ о нѣкоемъ въ Іудеѣ городѣ Наинѣ. Въ немъ у нѣкоей вдовы былъ единокровный сынъ, не въ такихъ уже лѣтахъ, чтобы почитать его отрокомъ, но изъ дѣтскаго возраста переходившій въ мужескій. Юпошею именуется его Писаніе. Исторія въ немногомъ повѣствуетъ многое: и повѣствованіе вполне есть плачь. Сказано, что мать умершаго *бы вдова* (Лук. 7, 12.). Видны ли тяжесть несчастія, и какъ трогательно въ немногомъ изображено словомъ страданіе? Ибо что значить сказанное? То, что не было у ней надежды имѣть дѣтей, которая могла бы уврачевать бѣдственную утрату: потому что женщина *бы вдова*. Не на кого было и взглянуть ей вмѣсто сего умершаго; потому что былъ онъ у нея единокровный; а сколько въ этомъ горестнаго, не трудно понять всякому,

кто не чуждъ естества. Его одного познала въ болѣзняхъ рожденія, его одного воскормила сосцами. Онъ одинъ дѣлалъ для ней веселою трапезу. Онъ одинъ служилъ поводомъ къ радости въ домѣ: играя, участь, занимаясь дѣломъ, веселясь въ прогулкахъ, въ упражненіяхъ, въ собраніяхъ молодыхъ людей: всѣмъ, что въ глазахъ матери и сладостно и драгоценно, былъ онъ одинъ. И эта отрасль рода, вѣтвь преемства, опора старости, приближалась уже къ порѣ вступленія въ бракъ. Да и самое упоминаніе о возрастѣ показываетъ другую причину плача. Писаніе, назвавъ юношею, выразило, что это былъ цвѣтъ увядшей красоты, что едва только пробивался у него пушокъ, но не было густой бороды, и ланиты сіяли еще красотою. Посему, сколько было естественно страдать о немъ матери? Но слово Божіе не преншло молчаніемъ и того, что, какъ бы огнемъ сожигались внутренности у матери, и какъ она, объемля лежащаго мертвеца, горькій продолжала падъ нимъ плачь, какъ не спѣшила погребеніемъ умершаго, но подавляемая страданіемъ, какъ можно долѣе, старалась продолжить надъ нимъ сѣтованіе. Ибо сказано: *видѣвъ ю Іисусъ милосердова. И приступль коснуся во одръ, носщій же сташа: и рече мертвецу: юноше, тебѣ глаголю, востани: и даде его матери его живымъ* (Лук. 7, 13. 17.). Такъ, когда не малое продолженіе времени юноша былъ мертвымъ, и

едва только не преданъ погребенію, Господомъ совершается надъ нимъ гораздо большее чудо, хотя повелѣніе было такое же.

Но еще на высшую степенъ восходить чудотвореніе, такъ что явленное приближается паче къ невѣроятному чуду—воскресенію. Заболѣлъ иѣкто изъ знаемыхъ Господомъ, и любимыхъ Имъ; имя больному было Лазарь. И Господь замедляетъ посѣщеніемъ друга, находясь вдали отъ больного, чтобы въ отсутствіе Жизни наша возможность и силу съ помощію болѣзни сдѣлать дѣло свое смерть. Въ Галилеи Господь объявляетъ ученикамъ о состояніи Лазаря, и о Своемъ отправленіи къ нему, что бы воздвигнуть лежащаго. Но они боялись жестокости Іудеевъ, затрудняясь и опасаясь идти опять въ Іудею въ среду убійць. Поэтому не спѣша и откладывая, хотя медленно, но возвращаются изъ Галилеи; потому что превозмогала власть, и ученики ведены были Господомъ, увидѣть въ Вифаніи какбы предначатки общаго воскресенія. Четыре уждняпрошло послѣ предсмертнаго страданія. Совершенно было падъ умершимъ все предшсанное закономъ. Тѣло сокрыто въ могилѣ, и какъ обыкновенно, стало пухнуть, предавшись тѣнию, растекаясь въ земній гной, трунь по необходимости распадался на части. Недоступное было дѣло—съ насиліемъ природѣ, что обратилось въ зловоніе, то возвратить опять къ жизни. И тогда-то въ самомъ ясномъ чудѣ

представляется доказательство сего невѣроятнаго дѣла—общаго воскресенія. Ибо не отъ трудной болѣзни возстается кто-либо, и не при послѣднемъ находящійся дыханіи возводится къ жизни, не дѣвица только что умершая оживотворяется, не юноша, сопровождаемый въ могилу, снова отрѣшается отъ одра; но мужъ преклонныхъ лѣтъ, мертвый, уже смердящій, отекающій, предавшійся тлѣнію, такъ что и ближнимъ его казалось нестерпимымъ, чтобы приближался къ гробу Господь, по причинѣ гнусности распадающагося на части тѣла, оживотворенный единымъ воззваніемъ удостовѣряетъ въ проповѣди о воскресеніи, то есть, о томъ ожидаемомъ и для всѣхъ вообще, что опытомъ дознали мы отчасти. Ибо какъ во время общаго обновленія, говоритъ Апостоль, *Самъ Господь въ повелѣніи, во гласъ Архангеловъ, и въ трубѣ снидетъ* (1 Сол. 4, 16.) возстановитъ мертвыхъ въ нетлѣніе: такъ и теперь преданный гробу, по гласу повелѣнія, какъ бы ивѣкій сонъ, отрясши смерть и сложивъ съ себя произведенное мертвенностію тлѣніе, цѣлымъ и неповрежденнымъ исходить изъ гроба; и сему исхожденію не воспрепятствовали руки и ноги обвязанныя укроемъ.

Ужели и этого мало для вѣры въ воскресеніе мертвыхъ? Или будешь требовать чего-либо инаго, чтобы утвердиться тебѣ въ рѣшительномъ мнѣніи объ этомъ? Но, кажется мнѣ, не

напрасно сказано о бывшемъ въ Капернаумѣ, когда и Господь, какъ бы отъ лица людей, говоритъ Самому Себѣ слѣдующее: *всяко речете Ми притчу сію, врачу исцѣлися самъ* (Лук. 4, 23.). Ибо ученіе о воскресеніи, преподаваемое людямъ въ чудѣ надъ тѣлами другихъ, должно было подтвердить на воспринятомъ отъ насъ Человѣкѣ. Видѣлъ уже ты сильную проповѣдь въ другихъ. Видѣлъ готовыхъ умереть . отроковицу едва только лишившуюся жизни, юношу выносиваго въ могилу, мертвеца соглѣвшаго, и всѣхъ равно единымъ повелѣніемъ возвращенныхъ къ жизни. Или спросишь о подвергнувшихся смерти отъ ракъ и пролитія крови, не уничтожаетъ ли благодати на нихъ оказавшійся какой либо недостатокъ животворящей силы? Воззри на Того, Чьи руки пригвождены гвоздями. Воззри на Того, Чье ребро пронзено копіемъ. Положи персты свои на оставшіеся слѣды гвоздей. Вложи руку свою въ язву, нанесенную копіемъ. Безъ сомнѣнія опредѣлишь, на сколько слѣдовало остро углубиться въ тѣло, по широтѣ язвы заключая о томъ, далеко ли прошло оно внутрь. Ибо язва, дающая свободный ходъ человѣческой рукѣ, показываетъ, какъ глубоко внутрь проникло желѣзо. Посему, если восталъ Онъ, то прилично будетъ провозгласить апостольское слово: *како глаголютъ нѣцыи, яко воскресенія мертвыхъ нѣсть* (1 Кор. 15, 2.)?

Итакъ, послѣку всякое пророчество Господа оказывается истиннымъ по свидѣтельству событій; а въ разсужденіи сего, не только научены мы словомъ, но и отъ самихъ возвращенныхъ къ жизни воскресеніемъ на самомъ дѣлѣ получили доказательство обѣтованія; то какіи остается предлогъ невѣрующимъ? Оставивъ тѣхъ, которые *философією и тщетною лестию* (Кол. 2, 8.) отражаютъ отъ себя безъискусственную вѣру, будемъ держаться простаго исповѣданія, дознавъ о снособѣ благодати изъ многихъ словъ Пророка, когда говоритъ: *отгннеша духъ ихъ, и исчезнутъ, и въ персть свою возвратятся: послещи Духа Твоего, и созидуются, и обновши лице земли* (Пс. 103, 29. 30.). И тогда, сказуетъ Пророкъ, *возвеселится Господь о дѣлахъ Своихъ* (31), потому что *исчезнутъ грѣшницы отъ земли* (35). Ибо какъ могъ бы кто либо именоваться грѣшникомъ, еслибы небыло грѣха?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

О томъ, что воскресеніе не есть что либо невѣроятное.

Но есть и такіе, которые, по безсилію человѣческаго разсудка, судя о Божественной силѣ по нашимъ мѣрамъ, утверждаютъ, что невмѣстимое для насъ невозможно и для Бога. Ибо они указываютъ на уничтоженіе древнихъ

мертвецовъ, на остатки обращенныхъ въ пепель огнемъ; а сверхъ сего представляютъ еще въ словѣ плотоядныхъ животныхъ, рыбу, которая, принявъ въ собственное свое тѣло плоть потерпѣвшаго кораблекрушеніе, сама также сдѣлалась нищею людей, и посредствомъ нищеваренія перешла въ составъ ѣвшаго. И многоподобное сему, и само въ себѣ мало-важное, и недостойное великой Божіей силы и власти, описываютъ въ опроверженіе ученія, какъ будто невозможно Богу тѣми же оныи путями чрезъ разложеніе возстановить человѣку принадлежащее ему. Но мы въ краткихъ словахъ положимъ конецъ дивнымъ изворотамъ красноглазливой ихъ суетности, признавая, что совершается разложеніе тѣла на то, изъ чего оно состояло, и не только земля по Божію слову разлагается въ землю,—но и воздухъ, и влажность переходятъ въ сродное имъ, и совершается переходеніе въ сродное всего, что въ насъ, хотябы тѣло человѣческое было пожрано плотоядными птицами, или свирѣпыми звѣрями, и смѣшалось съ ихъ плотию, хотябы прошло подъ зубами рыбъ, хотя бы огнемъ превращено было въ пары и въ пепель. Куда бы кто въ предположеніи своемъ не перенесъ человѣка словомъ, безъ сомнѣнія онъ все еще въ мірѣ. А что міръ содержится въ рукѣ Божіей, сему учить богодухновенное слово. Поэтому, если ты не знаешь и того,

что у тебя въ горсти, то ужели думаешь, что Божіе вѣдѣніе немощнѣе твоей силы, и не въ состояніи съ точностію отыскать того, что содержится въ Божіей длани?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

О томъ, что, и по разложеніи человѣческаго тѣла на составныя части вселенной, можно каждому изъ общаго снова пайти въ цѣлости свое собственное.

Но, можетъ быть, смотря на составныя части вселенной, подумаешь: поелику воздухъ, который въ насъ, похищенъ сродной ему стихіей, а также и теплота, и влажность, и земнистое смѣшались съ однороднымъ, то отъ общаго частному трудно возвратиться въ свое мѣсто. Почему же не заключать по человѣческимъ примѣрамъ, что по крайней мѣрѣ это не превышаетъ предѣловъ Божественнаго могущества? Безъ сомнѣнія, видѣлъ ты гдѣ нибудь около жилищъ человѣческихъ общее стадо какихъ бы то ни было животныхъ, составленное изъ общаго достоянія. Но когда снова оно дѣлится владѣльцами, тогда или привычка животнаго къ дому, или положенныя на немъ знаки, каждому доставляютъ свое. Подобное нѣчто представляя въ умѣ и о себѣ, не погрѣшишь въ приличномъ истинѣ. Поелику душа естественною какою-то дружбою и любовію

была расположена къ сожителю—тѣлу, то хранится тайно въ душѣ какая-то дружеская связь и знакомство въ слѣдствіе срастворенія съ свойственнымъ, какъ бы отъ какихъ-то наложенныхъ природою знаковъ, по которымъ остается въ ней неслитная общительность, отличающая свою собственность. Посему, когда душа снова повлечетъ къ себѣ сродное и собственно ей принадлежащее, тогда какое, скажи мнѣ, затрудненіе воспретить Божественной силѣ произвести соединеніе сроднаго, по нѣкому неизъяснимому влеченію природы поспѣшающаго къ своей собственности? А что въ душѣ и по отрѣшеніи отъ тѣла остаются нѣкоторые знаки нашего соединенія, сіе показывать разговоръ во адѣ, изъ котораго видно, что, хотя тѣла преданы были гробу, однакоже въ душахъ оставался нѣкоторый тѣлесный признакъ, и по оному, какъ Лазарь былъ узнавъ, такъ и богатый не оказался неизвѣстнымъ.

Посему нѣтъ ничего несообразнаго съ разумомъ вѣрить, что произойдетъ снова отрѣшеніе воскресшихъ тѣлъ отъ общаго къ своему собственному, и особенно (если кто тщательнѣе изслѣдуетъ естество наше) потѣму, что составляющее насъ не всецѣло есть нѣчто текущее и превращающееся; да и совершенно было бы непонятно, если бы по природѣ не было въ насъ ничего постояннаго. Попро-

тивъ того по точнѣйшему изслѣдованію изъ того, что въ насъ, одно есть что-то постоянное, а другое подлежитъ измѣненію. Тѣло измѣняется возрастаніемъ и умаленіемъ, какъ бы подобно какимъ одеждамъ, передѣваемое съ каждымъ возрастомъ. Остается же при всякой перемѣнѣ непреложнымъ въ самомъ себѣ отличительный видъ, неутрачивающій однажды навсегда положенныхъ на немъ природою знаковъ, но при всѣхъ перемѣнахъ въ тѣлѣ оказывающій въ себѣ собственные свои признаки. Исключить же должно изъ сего закона измѣненіе, производимое страстію, простирающееся на отличительный видъ; потому что, подобно какой-то чуждой личинѣ, закрываетъ сей видъ болѣзненное безобразіе, но снятіи котораго разумомъ, какъ у Неемана Сиріянина, или у описываемыхъ въ евангеліи прокаженныхъ, сокрытый подъ страстію видъ снова, по причинѣ выздоровленія, является съ собственными своими признаками. Посему въ томъ, что въ душѣ богоподобно, нѣтъ измѣняемо текущаго и прелагаемаго, но естественно сему-то, что въ составѣ нашемъ постоянно и всегда одинаково. И поелику извѣстныя видоизмѣненія въ сраствореніи образуютъ разности въ отличительномъ видѣ, а сраствореніе не иное что есть, какъ смѣшеніе стихій, — стихіями же называемъ основныя начала въ устроеніи вселенной, изъ которыхъ составлено и чело-

вѣческое тѣло: то, такъ какъ отличительный видъ, подобно оттиску печати, остается въ душѣ, она необходимо знаетъ изобразившее печатно эти черты, да и во время обновленія опять пріемлетъ на себя это, какъ сообразное съ чертами отличительнаго вида: сообразно же, конечно, все то, что первоначально было отпечатлѣно въ отличительномъ видѣ. Посему нѣтъ ничего несообразнаго съ разумомъ частному изъ общаго снова возвратиться въ свое мѣсто. Сказываютъ же, что ртуть, пролитая изъ сосуда на какомъ либо покатомъ и наполненномъ пылью мѣстѣ, раздѣлившись на мелкіе шарики, разсыпается по землѣ, не смѣшиваясь ни съ чѣмъ ей встрѣтившимся; если же кто по многимъ мѣстамъ разсѣянную ртуть соберетъ опять въ одно мѣсто, то она сама собою сливается съ однороднымъ, ничего посторонняго не заключая въ свою смѣсь. Подобное нѣчто, думаю, надлежитъ представлять себѣ и о человѣческомъ составѣ, что, если только послѣдуетъ Божіе повелѣніе, соответственнымъ частямъ самимъ собою присоединиться къ тѣмъ, которыя имъ свои, то обновляющему естество не будетъ въ этомъ никакого затрудненія. И въ произрастающемъ изъ земля видимъ, что, возьмемъ ли пшеницу, или зерно изъ смоквы, или другое какое изъ хлѣбныхъ или овощныхъ сѣмянъ, природѣ нѣтъ никакого труда превратить ихъ въ солому, и

въ остпы, и въ колось. Ибо безъ принужденія, сама собою, соотвѣтственная нища переходитъ изъ общаго въ особое свойство каждаго изъ сѣмянъ. Посему, если изъ общей, всѣмъ произрастеніямъ подлежащей влаги, каждое изъ питающихся ею растеній извлекаетъ способствующее къ его возрастанію: то есть ли что необычайнаго въ ученіи о воскресеніи, по которому каждымъ изъ воскрешаемыхъ, подобно тому, что бываетъ съ сѣменами, привлекается свойственное ему?

Поэтому изъ всего можно дознавать, что проповѣдь о воскресеніи не содержитъ въ себѣ ничего такого, что не было бы извѣстно изъ опыта; хотя умолчали мы о томъ, что всего извѣстнѣе въ насъ, разумно самое первое начало нашего составленія. Ибо кто не знаетъ этого чуднаго дѣйствія природы? что принимаетъ въ себя матерпяя утроба, и что производитъ изъ сего? Не видишь ли, что всѣваемое въ утробу, какъ начало тѣлеснаго состава, нѣкоторымъ образомъ просто и состоитъ изъ подобныхъ частей? Какое же слово изобразить разнообразіе уготовляемаго состава? Кто, не научаемый подобному общему природою, призналъ бы возможнымъ совершающееся, а именно, что это малое и само по себѣ незначительное служитъ началомъ столько великаго дѣла? Называю же великимъ, не

только взирая на образованіе тѣла, но и на то, что болѣе достойно удивленія, разумѣю самую душу, и все въ ней усматриваемое.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ОСМАЯ.

Противъ утверждающихъ, что души существовали прежде тѣлъ, или наоборотъ, что тѣла созданы прежде душъ, и влѣстѣ нѣкое опроверженіе баснословнаго ученія о преселеніи душъ.

Не вѣдъ, можетъ быть, предѣловъ подлежащаго намъ труда, изслѣдованіе того, что въ церквахъ составляетъ предметъ недоумѣнія о душѣ и тѣлѣ. Однимъ изъ жившихъ прежде насъ, а именно занимавшимся ученіемъ о началахъ, разсудилось утверждать, что души, подобно какому-то обществу, по особымъ постановленіямъ существуютъ сами по себѣ; и тамъ есть для нихъ образцы порока и добродѣтели; и душа, пребывающая въ добрѣ, остается не испытавшею соединенія съ тѣломъ; но, если она уклонится отъ общенія съ добромъ, и вознмѣетъ поползновеніе къ здѣшней жизни, въ такомъ случаѣ бывасть соединена съ тѣломъ. Другіе же, держась описаннаго Моисеемъ порядка въ устроеніи человѣка, говорятъ, что душа по времени вторая послѣ тѣла. Поелику Богъ, сперва *вземъ персть отъ земли* (Быт. 2, 7.), создалъ человѣка: а потомъ уже одушевилъ его вдуновеніемъ; то на семъ основаніи доказываютъ, что плоть пред-

почтительнѣе души, вошедшей въ предвари-
тельно созданную плоть. Душа, говорятъ они,
сотворена для тѣла, чтобы не быть ему тварію
бездыханною и недвижимою. А все, дѣлаемое
для чего нибудь, конечно малоцѣннѣе того,
для чего дѣлается, какъ и Евангеліе сказуетъ,
что *душа болѣе есть пища, и тѣло одежды*
(Матѳ. 6, 25.), потому что для души и тѣла—
одежда и пища; а не для пища душа, и не для
одежды устроены тѣла, напротивъ того, когда
существовали уже тѣла, по необходимости
изобрѣтены и одежды.

Итакъ, поелику въ обонхъ предположеніяхъ
достойно порицанія разсужденіе и басносло-
вящихъ, что души жили прежде въ особомъ
нѣкоемъ состояніи, и полагающихъ, что онѣ
созданы послѣ тѣлъ: то необходимо, ничего
изъ сказаннаго въ сихъ ученіяхъ не оставлять
безъ изслѣдованія. Но со всею точностію за-
няться разсужденіями тѣхъ и другихъ, и обна-
ружить все несообразности, заключающіяся
въ сихъ предположеніяхъ, потребовало бы
продолжительнаго и времени и слова. Посему,
вкратцѣ разсмотрѣвъ, по возможности, каждое
изъ означенныхъ мнѣній, снова обратимся къ
предположенному.

Защитники перваго ученія, которые утвер-
ждаютъ, что души, до жизни во плоти, имѣютъ
другіи образъ жизни, по моему мнѣнію, дер-
жатся еще языческихъ баснословныхъ ученій

о преселеніи души изъ одного тѣла въ другое. Ибо, если кто въ точности изслѣдуетъ, то по всей необходимости найдетъ, что ученіе ихъ клонится къ тому, что, какъ говорятъ, сказывалъ о себѣ одинъ изъ ихъ мудрецовъ, а именно: «былъ я мужемъ, потомъ облекся въ тѣло жены, леталъ съ птицами, былъ растеніемъ, жилъ съ животными водными.» И, по моему сужденію, не далеко отступилъ отъ истины утверждающій о себѣ подобное. Ибо подобное ученіе, что одна душа входила въ столько тѣлъ, подлинно достойно, или крика какихъ либо лягушекъ и галокъ, или безсловесія рыбъ, или безчувственности растеній. Причиною же такой нелѣпости та мысль, что души предсуществуютъ. Ибо начало подобнаго ученія, открывая разсужденію путь къ ближайшему и непосредственно за тѣмъ представляющемуся, поелѣдовательно доводитъ до такихъ бредней. Если душа какимъ либо порокомъ отвлечется отъ высшаго образа жизни, однажды вкусивъ (какъ говорятъ) тѣлесной жизни, дѣлается человѣкомъ; жизнь же во плоти, въ сравненіи съ вѣчною и безтѣлесною, безъ сомнѣнія признается болѣе страшною; то души въ такой жизни, въ которой больше поводовъ ко грѣху, совершенно необходимо сдѣлаться болѣе порочною, и болѣе расположенною къ страстямъ, нежели сколько была прежде. Страстность же человѣческой души есть унодобле-

ніе безсловесному. Душа, усвоившая себѣ это, переходитъ въ естество скотское, и однажды вступивъ на путь порока, даже и въ состояніи безсловесія никогда не прекращаетъ дальнѣйшаго поступленія во зло. Ибо остановка во злѣ есть уже начало стремленія къ добродѣтели; а у безсловесныхъ добродѣтели нѣтъ. Посему душа необходимо всегда будетъ измѣняться въ худшее, непрестанно переходя въ состояніе болѣе и болѣе безчестное, и изыскивая всегда положеніе худшее того, въ какомъ она находится. Но какъ ниже разумнаго чувствепное, такъ и паденіе изъ чувственнаго дѣлается безчувственностію. До сего доходя ихъ разсужденіе, хотя вращается виѣ истины, однакоже и немѣность изъ немѣности выводитъ съ нѣкоторою послѣдовательностію. Но выводимое изъ сего баснословное ученіе слагается уже у нихъ изъ понятій безсвязныхъ. Ибо строгая послѣдовательность указываетъ на растлѣніе души. Душа, однажды поползнувшая въ жизни вышей, не возможетъ остановиться ни на какой мѣрѣ порока, но по склонности къ страстямъ, изъ словеснаго состоянія перейдетъ въ безсловесное; а изъ сего дойдетъ до безчувственности растлѣннѣй; къ безчувственному же нѣкоторымъ образомъ близко неодушевленное; а за этимъ слѣдуетъ немѣющее бытія. И такимъ образомъ по строгой послѣдовательности душа сдѣлается у нихъ вовсе

несуществующею. Поэтому опять по необходимости невозможно уже для нея быть возвращеніе къ лучшему. Между тѣмъ они изъ растѣнія возводятъ душу въ человѣка; а симъ показываютъ, что жизнь растѣній предпочтительнѣе жизни безтѣлесной. Ибо доказано, что поступленіе души въ худшее, какъ и естественно, низведетъ ее ниже. Безчувственнаго же естества ниже неодушевленное, въ которое послѣдовательно низводитъ душу начало ихъ ученія. А какъ негодно имъ это; пусть, или навсегда заключать душу въ безчувственности, или, если хотятъ возвести отсюда ее въ человѣческую жизнь, докажутъ (какъ сказано), что древесная жизнь предпочтительнѣе прежняго состоянія, потому что въ немъ совершилось паденіе въ порокъ, а въ первой совершается возвращеніе къ добродѣтели. Посему какимъ-то неизмѣннымъ ни начала, ни конца оказывается ученіе, по которому души прежде жизни во плоти живутъ сами по себѣ, и за пороки соединяются съ тѣлами.

Нелѣпность же ученія утверждающихъ, что душа позднѣе тѣла, объяснена въ послѣдствіи. Посему ученіе тѣхъ и другихъ равно не можетъ быть принято. Наше же ученіе, какъ думаю, должно идти къ истинѣ среднимъ путемъ между сими предположеніями, и оно состоитъ въ слѣдующемъ: не должно ни предполагать, будтобы души, какъ обольщаютъ себя языч-

ники, вращавшіяся со вселенной, обременившись какимъ-то порокомъ, по невозможности идти наравнѣ съ скоростію движущагося полюса, испали на землю: ни утверждать также, будтобы человѣкъ созданъ сперва подобнымъ изваянію изъ брѣня, и для сего-то изваянія сотворена душа. Ибо въ такомъ случаѣ умная природа окажется стоящею менѣе, нежели брѣнная тварь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Доказательство, что одна и таже причина осуществленія души и тѣла.

Поелику человѣкъ, состоящій изъ души и тѣла, есть единое; то предполагаемъ одно общее начало его состава, такъ что онъ ни старше ни моложе самого себя, и не прежде въ немъ тѣлесное, а потомъ другое. Напротивъ того утверждаемъ, что предвѣдущимъ Божиимъ могуществомъ, согласно съ изложеннымъ нѣсколько выше ученіемъ, приведена въ бытіе вся полнота человѣческаго естества, какъ свидѣтельствуеть о семъ пророчество, которое говоритъ, что Богъ *въдаеть* вся *прежде бытія ихъ* (Дан. 13, 42.). Въ сотвореніи же каждой части не предпоставляемъ одного другому, и души тѣлу, и наоборотъ,

чтобы человекъ, раздѣляемый разностию во времени, не былъ поставляемъ въ разладъ съ самимъ собою. Послику, по учению апостольскому, естество наше представляется двоякимъ, инымъ въ человекѣ видимомъ, и инымъ въ потаенномъ (1 Петр. 3, 4.); то, если одно существовало, а другое произошло послѣ, сила Создателя окажется какою-то несовершенною, недостаточною, чтобы произвести все вдругъ, но раздробляющею дѣло, и трудящеюся особо надъ каждою половиною. Но какъ о пшеничномъ зернѣ, или о другомъ какомъ сѣмени, говоримъ, что оно въ возможности заключаетъ все относящееся къ колосу, зелень, стебель, колѣна на стеблѣ, плодъ, ости и утверждаемъ, что изъ всего этого, по закону природы, въ естествѣ сѣмени ничто не предсуществуетъ, или не происходитъ прежде, но по естественному порядку обнаруживается сокрытая въ сѣмени сила, и не вмѣшивается въ дѣло чуждая природа: по такому же закону и о человѣческомъ осѣмененіи предполагаемъ, что съ первымъ началомъ состава вѣвается естественная сила, которая развивается и обнаруживается съ нѣкоторою естественною послѣдовательностію, поступая къ совершенію цѣлаго, ничего не заимствуя отъи въ средство къ сему совершенію, но сама себя послѣдовательно возводя къ совершенству; такъ что несправедливо было бы утверждать, будто про-

изошла душа прежде тѣла, или тѣло безъ души: по одно обонхъ пачало, по высшему закону положенное первымъ Божиимъ изволеніемъ, а по другому закону состоящее въ способахъ рожденія. Какъ въ томъ, что посявается для зачатія тѣла, прежде его образованія невозможно видѣть членораздѣльности: такъ въ этомъ же самомъ невозможно представлять себѣ душевныхъ свойствъ, пока не придуть въ дѣятельность. И какъ никто не усумнится, что это всѣянное образуетъ изъ себя различные члены и внутренности, не иною какою либо прившедшею силой, но силою сокрытою въ сѣмени и естественно приведенною въ дѣятельность: такъ, согласно съ симъ, тоже можно подразумѣвать и о душѣ, что, хотя никакими дѣятельностями не открываетъ себя въ видимомъ, но тѣмъ не менѣе есть уже во всѣянномъ; потому что и отличительный видъ человѣка, который изъ сего составится, заключается въ этомъ по возможности, по сокрыть по невозможности сдѣлаться явнымъ прежде неизбежной послѣдовательности: а также и душа есть въ сѣмени, но непримѣтна, явить же себя свойственною ей естественною силою, сообразуясь съ тѣлеснымъ возрастомъ. Поелику сила къ зачатію отдѣляется, не отъ мертваго, но отъ одушевленнаго и живаго тѣла; то признаемъ посему основательною ту мысль, что исходящее отъ живаго въ начало жизни не есть что либо мер-

твое и неодушевленное. Ибо неодушевленное во плоти безъ сомнѣнія мертво. Мертвенность же происходитъ отъ утраты души. Никто же не скажетъ при этомъ, что лишеніе возможно прежде обладанія, но сіе говоритъ утверждающій, что неодушевленное, то есть, мертвенность, старше души.

Но если кто потребуеть и яснѣйшаго доказательства на то, что жива эта часть, которая служитъ началомъ зараждающагося живаго существа; то можно уразумѣвать сіе по другимъ признакамъ, которыми одушевленное отличается отъ мертваго. Ибо доказательствомъ жизни въ человѣкѣ поставляемъ нѣкоторую теплоту, дѣятельность и подвижность: а охлажденіе и недвижность въ тѣлахъ есть ничто иное, какъ мертвенность. Итакъ, посліку въ томъ, о чемъ у насъ рѣчь, усматриваются и теплота и дѣятельность; то принимаемъ сіе за доказательство, что оно не неодушевлено. И какъ съ тѣлесной стороны не называемъ сего ни плотію, ни костями, ни волосами, ни чѣмъ либо усматриваемымъ въ человѣческомъ составѣ; а говоримъ, что, хотя по возможности есть оно каждымъ изъ сихъ, но не оказывается еще по видимости: такъ и со стороны души говоримъ, что не имѣютъ въ этомъ мѣста разумная, вождѣвательная и раздражительная сила, и все прочее усматриваемое въ душѣ, но согласно съ устройствомъ и усовер-

шеніемъ тѣла, возрастаютъ въ человѣкѣ и душевныя дѣятельности. Ибо, какъ человѣкъ совершеннаго возраста въ дѣлахъ немаловажныхъ проявляетъ въ себѣ душевную дѣятельность; такъ въ началѣ своего образованія показываетъ въ себѣ сообразное и соразмѣрное съ настоящею потребностію содѣйствіе души въ томъ, что изъ всѣяннаго вещества устрояетъ она себѣ сродное жилище. Ибо признаемъ невозможнымъ, чтобы душа принаровняла къ себѣ чужія жилища, какъ и сдѣланная на воску печать не можетъ быть примѣняема къ инымъ оттискамъ. Какъ тѣло изъ самаго малаго приходитъ въ совершенный возрастъ; такъ и душевная дѣятельность, возрастая въ человѣкѣ соответственно тѣлу, развивается и увеличивается. При первоначальномъ устроеніи тѣла, подобно нѣкому корню сокрытому въ землѣ, предшествуетъ въ душѣ одна растительная и питательная сила; потому что малость приѣмлющаго тѣла не можетъ вмѣстить большаго. Потомъ, когда это растѣніе выдетъ на свѣтъ, и ростокъ свой покажетъ солнцу, расцвѣтаетъ даръ чувствительности. Когда же созрѣетъ и достигнетъ уже соразмѣрной высоты, тогда, подобно нѣкому плоду, начинаетъ просвѣчивать разумная сила, впрочемъ не вся вдругъ обнаруживаясь, но быстро возрастая вмѣстѣ съ усовершеніемъ орудія, и столько принося всегда плода, сколько вмѣщаютъ силы человѣка.

Если же доискиваешься душевныхъ дѣятельностей въ образованіи тѣла, то *воли себя*, говоритъ Моисей (Втор. 4, 9.), и какъ въ книгѣ, читай исторію дѣйствій души. Ибо сама природа яснѣе всякаго слова расскажетъ тебѣ различныя занятія души въ тѣлѣ, при устройствѣ и цѣлаго и частей. Но излишнимъ почитаю описывать словомъ то, что касается насъ самихъ, какъ бы разсуждая о какихъ нибудь постороннихъ чудесахъ. Ибо кто, взирая на самаго себя, найдетъ нужду въ чужомъ словѣ, чтобы изучить собственное свое естество? Кто уразумѣлъ способы жизни, и дозналъ, сколько тѣло способно ко всякой жизненной дѣятельности; тому можно познать, чѣмъ были заняты естественныя силы души при первоначальномъ образованіи человѣка. Почему и изъ сего дѣлается явнымъ для насъ вовсе невникательныхъ, что не мертвымъ и не неодушевленнымъ бываетъ то, что, для произведенія животнаго существа будучи извлечено изъ живаго тѣла, влагаются въ художническую храмину природы. И сердцевину плодовъ и отростки корней сажая въ землю неомертвѣвшіе и неутратившіе вложенной въ нихъ природою жизненной силы, но сохранившіе въ себѣ, хотя сокрытое, но непременно живое свойство первообраза. Таковую же силу и окружающая ихъ земля влагаетъ не отвѣтъ, отдѣливъ ее отъ себя самой; ибо въ такомъ случаѣ и мертвыя части

деревъ давали бы отъ себя отпрыски: а напротивъ того проявляетъ только сокрытую въ насажденномъ силу. питая собственною своею влагою и образованіемъ корня, коры, сердцевины, отпрысковъ, вѣтвей, доводя растѣніе до совершенства. А сего не могло бы произойти, если бы не вложена была какая либо естественная сила, которая, привлекая въ себя изъ окружающаго среднюю и сообразную пищу, дѣлалась кустомъ, или деревомъ, или колосомъ, или какимъ либо овощнымъ произрастѣніемъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Краткое, врачебное болѣе, обзорѣніе устройства нашего тѣла.

Но хотя точному устройству нашего тѣла учить каждый самъ себя, имѣя учителемъ собственное свое естество въ томъ, что онъ видитъ, живетъ и чувствуетъ; однакоже можно дознать въ точности все и тому, кто возьметъ книги, въ которыхъ изложена исторія всего этого, трудолюбиво составленная мудрыми въ подобномъ сему.—Одни изъ нихъ чрезъ разсѣченіе тѣлъ изучали, какое положеніе имѣтъ въ насъ каждый членъ; а другіе примѣчали и объясняли, на чтó именно сотворена всякая часть тѣла, такъ что трудолюбивыми почерпается отсюда достаточное вѣдѣніе человѣче-

скаго устроенія. Но если кто потребуеть учительницею во всемъ этомъ имѣть Церковь, чтобы ни для чего не было нужды въ постороннемъ голосѣ (ибо, какъ говоритъ Господь, — вотъ законъ для духовныхъ овецъ, — не слушать имъ *чуждаго маса* (Иоан. 10, 5.)); то кратко изложимъ ученіе и объ этомъ.

Въ естествѣ тѣла примѣтили мы три цѣли, для которыхъ устроены въ насъ каждый членъ въ отдѣльности. Одно устроено, чтобы жить, другое, чтобы жить хорошо, и иное приспособлено къ потомственному преемству. Посему все таковое, безъ чего не можетъ состояться въ насъ человѣческая жизнь, примѣтили мы въ трехъ частяхъ: въ головѣ, сердцѣ, и печени. А что служитъ нѣкоторымъ добавленіемъ къ симъ благамъ, по щедрости естества, и чѣмъ даруется человѣку возможность жить хорошо, то составляютъ орудія чувствъ. Таковыя орудія не существенны для жизни, потому что нерѣдко, и при недостаткѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, человѣкъ тѣмъ не менѣе сохраняетъ жизнь; но безъ дѣятельности ихъ человѣку невозможно наслаждаться пріятностями жизни. Третья же цѣль относится къ послѣдующему и къ преемству.

Но кромѣ сихъ членовъ и другіе нѣкоторые служатъ къ пребыванію всѣхъ вообще членовъ, и составляютъ собою соотвѣтственное каждому члену дополненіе; таковы: желудокъ

и легкое; и легкое дыханіемъ воспламеняетъ огонь въ сердцѣ, а желудокъ вмѣщаетъ во внутренностяхъ пищу. Посему, при такомъ раздѣленіи нашего устроенія, можно въ точности уразумѣть, что жизненная сила неоднобразно и не однимъ какимъ либо членомъ приводится въ насъ въ дѣйствіе; но что естество, удѣливъ многимъ частямъ средства къ устроенію нашего состава, необходимымъ дѣлаетъ, чтобы каждый членъ внёслъ свою дань въ пользу цѣлаго. Почему члены, которые естествомъ хитро устроены для безопасности и красоты жизни, и многочисленны и между собою имѣютъ великую разность. Но, думаю, что надлежитъ намъ прежде кратко, только подробнѣе, раскрыть первыя начала того, что служитъ къ образованію жизни. Посему объ общемъ веществѣ всего тѣла, положенномъ въ основаніе каждаго изъ его членовъ, да будетъ теперь умолчано; потому что сіе общее естествословіе нимаю не послужить къ нашей цѣли—къ частному обозрѣнію. Какъ всѣми признано, что есть въ насъ часть всего, усматриваемаго въ мірѣ въ видѣ стихій, то есть, тепла и холода, а также и другой умопредставляемой пары, влажности и сухости; то должно намъ разсмотрѣть каждую стихію порознь.

Итакъ видимъ три управляющія жизненные силы, изъ которыхъ одна согрѣваетъ все теплотой; другая согрѣтое напоиваетъ влагою,

чтобы равносиліемъ качества противоположностей живое существо соблюдалось въ срединѣ, и влажность не была попяляема преизбыткомъ теплоты, и теплота не угашалась преобладаніемъ охлаждающаго. Третья же сила содержитъ собою въ нѣкоей близости и стройности разъединенные суставы, сопрягая ихъ своими связками, и веѣмъ сообщающаю самодвижную и произвольную силу, при недостаткѣ которой членъ этотъ дѣлается отдѣльнымъ и омертвѣвшимъ, лишившись произвольнаго дыханія. Прежде же сего болѣе достойна примѣчанія художественность естества нашего въ самомъ созданіи тѣла.

Послику жесткое и упорное не принимаетъ въ себя дѣятельности чувствъ, какъ можно видѣть въ костяхъ у насъ, и въ земныхъ растѣніяхъ, въ которыхъ примѣчаемъ нѣкоторый видъ жизни въ томъ, что растутъ и питаются, чувства же напротивъ того не приняло въ себя упорство ихъ: то для чувственныхъ дѣятельностей должно было изготавить, какбы воску подобный, нѣкій снарядъ, который могъ бы отпечатлѣвать на себѣ осязательные оттиски, и не сливалъ ихъ по преизбытку влажности (потому что на влажномъ не удерживается отпечатлѣнное), и не противился отпечатлѣнію по чрезмѣрной отвердѣлости (потому что неуступчивое не оставляетъ на себѣ знаковъ отпечатлѣннаго) по занималъ средину

между мягкостію и твердостію, чтобы живое существо не лишено было прекраснѣйшаго изъ естественныхъ дѣйствій, разумѣю, движеніе чувствительное. Поелику же мягкое и уступчивое, не имѣя никакой дѣятельности, свойственной вещамъ твердымъ, былобы, безъ сомнѣнія, недвижимо, нечленообразно, подобно морскому киселю; то естество примѣшало посему къ тѣлу твердость костей, и соединило ихъ между собою неотъемлемою соразмѣрностію, сблизивъ и скрѣпивъ связями изъ жилъ, потомъ обложило ихъ плотію, доступною чувствамъ, менѣе же чувствительною, и тверже сложенною на поверхности. На сѣн-то твердыя по природѣ кости, какъ на нѣкоторыя подпирающіе зданіе столпы, возложило всю тяжесть тѣла; и не одну нераздѣльную кость вложило въ цѣлой составъ. Человѣкъ оставался бы недвижимымъ и бездѣйственнымъ, еслибы имѣлъ такое устройство, подобно какому-то дереву, держась на одномъ мѣстѣ, потому что не могъ бы производить движенія впередъ перестановкою ногъ, ни пользоваться въ жизни услужливостію рукъ. Теперь же этимъ примышленіемъ искусно устроила природа, что орудіе сіе и подвижно и дѣятельно, съ произвольнымъ дыханіемъ, проходящимъ по жиламъ, вложивъ въ тѣло и стремленіе къ движеніямъ и силу для нихъ. Отсюда разнообразная, многосторонняя, ко всякому примышленію пригод-

ная услужливость рукъ. Отсюда поворотливость шеи, наклоны и всякія движенія головы, дѣятельность челюсти, разведеніе и соединенное съ тѣмъ вмѣстѣ наклоненіе бровей; и движенія прочихъ членовъ производятся, какбы въ машинѣ какой, сжатіемъ и растяженіемъ извѣстныхъ жилъ. Проходящая же по онымъ сила имѣетъ какое-то самодвижное стремленіе, въ каждомъ изъ нихъ дѣйствуя произвольнымъ дыханіемъ по особому смотрѣнію естества. А корнемъ и началомъ всѣхъ движеній въ жилахъ оказывается облекающая собою головный мозгъ волокнистая плева.

Поэтому думаемъ, не должно много любопытствовать о жизненныхъ членахъ, что они такое, когда дознали, что движущая сила въ мозгу. А что мозгъ головный весьма много способствуетъ жизни, ясно открывается это изъ противоположныхъ случаевъ. Ибо если потерпитъ кто какое либо уязвленіе или разрывъ мозговой плевы, за снмъ немедленно послѣдуетъ смерть; потому что естество и на мгновеніе не въ силахъ устоять противъ этого уязвленія, подобно тому, какъ, если станешь выламывать основаніе, то цѣлое зданіе съ этою частію придетъ въ потрясеніе. А что при своемъ поврежденіи сопровождается явною гибелью цѣлаго живаго существа, въ томъ (нельзя не признаться) главнымъ образомъ заключается причина жизни.

Послику же у прекратившихъ жизньъ съ угашеніемъ вложенной въ естество теплоты омертвѣвшіе охлаждаются; то посему и въ теплотѣ усматриваемъ причину жизни. Ибо за утратою чего слѣдуетъ омертвѣніе, о томъ, по всей необходимости, должно признать, что присутствіемъ этого держится жизньъ въ живомъ существѣ. А какъ бы нѣкоторый источникъ и начало таковой силы примѣчаемъ въ сердцѣ, изъ котораго, подобныя свирѣлямъ, одна изъ другой многовѣтвисто исходящія трубки по всему тѣлу разливаютъ, какъ бы огненное, теплое дыханіе.

И какъ непременно должно, чтобы естество доставляло теплотѣ нѣкую пищу, потому что огонь не можетъ поддерживаться самъ собою, не будучи питаемъ чѣмъ либо для сего пригоднымъ; то посему печенью, какъ бы источникомъ какимъ, доставляемые потоки крови вмѣстѣ съ теплымъ дыханіемъ идутъ повсюду въ тѣлѣ такъ неразрывно, что, по взаимномъ однихъ съ другимъ разобщеніи, происшедшее страданіе погубило бы самое естество. Да вразумить сіе не наблюдающихъ равенства, научая самимъ естествомъ, что любостыжаніе есть тлѣтворная нѣкая болѣзнь. Но послику одно Божество ни въ чемъ не имѣетъ нужды, человѣческое же убожество къ поддержанію своему нуждается во внѣшнемъ; то тремъ онымъ силамъ, которыми, какъ сказали мы,

Гр. Писск. Ч. I. 14

устраивается все тѣло, природа доставляетъ отъ внѣ притекающее вещество, вводя разными путями соотвѣтственное каждой силѣ. Ибо источнику крови, то есть, печени, природа предоставила снабженіе посредствомъ пищи. Что непрестанно доставляется пищею, то дѣлаетъ, что изъ печени изливаются потоки крови, подобно тому, какъ снѣгъ на горахъ свойственною ему влажностію увеличиваетъ подгорные источники, чрезъ всю высоту горы влагу свою сгнѣтая до нижнихъ жилъ.

Воздухъ же въ предсердечіи входитъ туда чрезъ находящуюся близъ него часть внутренности, которая называется легкимъ, и есть пріемникъ воздуха, и посредствомъ лежащей въ немъ боковой жилы, простирающейся до рта, вдыханіями втягиваетъ въ себя внѣшній воздухъ. Имъ по срединѣ раздѣленное сердце, въ подражаніе дѣятельности присподвижнаго огня, само непрерывно движимое, и подобно тому, что производятъ въ кузницахъ мѣхи, и втягиваетъ въ себя воздухъ изъ прилежащаго легкаго, и наполняя происшедшія отъ расширения пустоты, и раздувая, что есть огненнаго въ немъ самомъ, выдыхаетъ въ прилежація бокояся жилы. И не прекращаетъ сего дѣйствія, какъ втягивая внѣшній воздухъ въ собственные свои пустоты расширеніемъ оныхъ, такъ выдѣляя отъ себя въ бокояся жилы сжа-

тіемъ. Сіе-то, кажется миѣ, и дѣлается въ насъ причиною этого самодвижнаго дыханія. Ибо часто умъ занятъ чѣмъ либо другимъ, или совершенно покоится, отрѣшившись отъ тѣла во снѣ, но вдыханіе воздуха не прекращается, безъ всякаго содѣйствія въ томъ нашего произволенія. Ибо, думаю, посліку сердце будучи соединено съ легкимъ и связано съ нимъ заднею своею частію, своими разширеніями и сжатіями приводитъ съ собою въ движеніе внутренности; то втягиваніе воздуха и дыханіе производится легкимъ. Ибо легкое, будучи чѣмъ-то рѣдкимъ, — исполненнымъ скважинъ сосудомъ, и всѣ пустоты въ себѣ имѣя отверстыми при основаніи біошейея жилы, когда сдвинуто и сжато, остававшійся во впадинахъ воздухъ по необходимости съ силою извергается, а когда расширено и отверето, втягиваетъ внѣшній воздухъ въ промежутокъ сдѣлавшійся пустымъ отъ притягиванія. И вотъ причина сего произвольнаго дыханія, — невозможность, чтобы огнистое въ насъ сдѣлалось неподвижнымъ. А посліку теплотѣ свойственна дѣятельность въ движеніи, начало же теплоты примѣтили мы въ сердцѣ: то непрестанное движеніе въ этомъ членѣ производитъ непрерывное побужденіе къ выходу и вдыханіе воздуха легкимъ. Почему, когда огненное напряжено сверхъ-естественно, дыханіе налимыхъ горячешнымъ жаромъ дѣлается учащеннымъ,

какъ будто бы сердце снѣшить сокрытый въ немъ пламень угасить новымъ воздухомъ.

Но послыку естество наше есть что-то скудное; и для собственнаго своего поддержанія имѣя во всемъ нужду, бѣдно до того, что нѣтъ у него, не только собственнаго своего воздуха, но и дыханія возбуждающаго теплоту; то для сохраненія живаго существа непрестанно привносятся что либо отвнѣ.—Да и пища, поддерживающая тѣлесный составъ, у него пріобрѣтенная; почему яствами и питіями наполняетъ нуждающееся тѣло, вложивъ въ него когда оно въ недостаткѣ, прѣкую притягивающую, а когда въ преизбыткѣ, отталкивающую силу, и при этомъ сердечный огонь оказываетъ естеству не малое содѣйствіе. Послыку изъ жизненныхъ членовъ, по сказанной выше причинѣ, самый главный есть сердце, теплымъ дыханіемъ оживотворяющее каждый изъ прочихъ членовъ; то Знждитель нашъ содѣлалъ, что все оно дѣйствительно по производительности силы, такъ что ни одна часть его не остается безъ дѣйствія и безъ пользы въ домостроительствѣ цѣлаго. Поэтому сердце, опускаясь отъ легкаго, и непрестаннымъ движеніемъ притянувъ къ себѣ внутренности, расширяетъ проходы для втягиванія внѣшняго воздуха, а поднимаясь опять вверхъ, способствуетъ выдыханію того воздуха, который внутри. Передними же своими частями состоя въ связи

съ влагалищемъ верхняго желудка, согрѣваетъ его, и приводитъ въ движеніе для собственныхъ его дѣятельностей, возбуждая не къ втягиванію воздуха, но къ принятію сообразной пищи; потому что близки между собою входы для дыханія и для пищи; идя вдоль одинъ противъ другаго, вверху въ равной мѣрѣ сближены, такъ что отверстіями сходятся другъ съ другомъ, и въ однихъ устахъ оканчиваются оба сіи прохода, изъ которыхъ однимъ входитъ въ насъ пища, другимъ дыханіе. Но въ глубинѣ не вездѣ сохраняется взаимная связь этой пары проходовъ; потому что сердце, помѣщаясь въ срединѣ между основаніями того и другаго, даетъ силы одному для дыханія, а другому для питанія. Огню обычно искать вещества для горѣнія. Это же по необходимости происходитъ и съ пищенріемникомъ. Ибо въ какой мѣрѣ разгорячается содѣйствиною теплою, въ такой же сильнѣе привлекаетъ питающее тепло; а таковое побужденіе называемъ позывомъ на пищу.

Если тѣлесный сосудъ, въ который слагается пища, приметъ въ себя достаточное количество вещества; то и въ семъ случаѣ дѣятельность огня не успокоивается, но какъ въ плавленіи производитъ какой-то сплавокъ вещества, и разложивъ и перемѣшавъ, что было твердо, какъ бы изъ тигля какого переливаетъ въ слѣдующіе далѣе проходы. Потомъ, отдѣ-

ливъ болѣе грубое отъ чистаго, какъ бы водо-проводами какими препровождаетъ истончен-ное во врата печени. А густый отсѣдъ пищи отбрасываетъ въ болѣе широкіе желудочные проходы, и нѣсколько времени круговращая по онымъ разными оборотами, задерживаетъ пищу во внутренностяхъ, чтобы легко извер-гасмая по прямому проходу не возбуждала тот-часъ позыва на пищу въ живомъ существѣ, и человекъ по естеству безсловесныхъ не при-нужденъ бытъ никогда не оставлять такой ра-боты. Посылку же и печени наиболѣе потребно содѣйствіе теплоты для обращенія соковъ въ кровь, а отъ сердца по положенію отстоитъ она далеко (ибо, думаю, будучи нѣкимъ на-чаломъ и корнемъ жизненной силы, не можетъ она утѣсниться другимъ началомъ); то, чтобы отдаленность теплотворной сущности не по-вредила сколько нибудь всему домостроитель-ству, волокнистый проходъ (у свѣдущихъ въ этомъ называется онъ бѣнцуюся жилю), при-нявъ въ себя разгоряченное дыханіе, изъ сердца переноситъ въ печень, гдѣ, закрывъ нѣсколько отверстія его входомъ влаги, и теплотою приведя жидкость въ кипѣніе, отла-гаетъ во влажномъ нѣчто изъ огненного сред-ства, и огненнымъ цвѣтомъ окрасивъ кровь. Потомъ, два нѣкіе водопровода, изъ которыхъ каждый, подобно трубѣ, содержитъ въ себѣ, одинъ дыханіе, а другой кровь, чтобы то и

другое удобно пролагало себѣ путь. начавшись въ печени, жидкое, сопровождаемое и облегчаемое движеніемъ теплоты, многократно разсѣваются по всему тѣлу, во всякой его части дѣлясь на тысячи началъ и вѣтвей силъ проводовъ.

Два же начала жизненныхъ силъ слившись между собою, сообщая повсюду тѣлу, одно теплоту, другое влажность, какъ бы необходимую иѣкую дашь изъ своей собственности приносятъ правительственной силѣ жизненнаго домоуправленія. А это есть сила, открывающаяся въ мозговой оболочкѣ и въ головномъ мозгу; отъ нея всякое движеніе составляетъ, всякое сжатіе мышцъ, всякое произвольное дыханіе, передаваемое каждой части порознь; и сіе показываетъ земное наше извѣданіе, подобно какой-то машинѣ, приводимое въ дѣйствіе и движеніе. Чтѣ есть самаго чистаго въ тепломъ и самаго тонкаго во влажномъ, то, будучи соединено тою и другою силою въ иѣкую смѣсь и сраствореніе, питаетъ и поддерживаетъ испареніями головной мозгъ. А чтѣ выходитъ изъ мозга, будучи имъ до высшей степени чистоты уточнено, то укрѣпляетъ объемлющую головной мозгъ вѣзю, которая на подобіе свръшн. простираясь сверху внизъ, по ряду позвонковъ проводя и себя и лежащій въ ней мозжечекъ, оканчивается въ основаніи спиннаго позвонка. Головной мозгъ вѣзмъ свя-

зямъ костей и сочлененій, и началамъ мышцъ, подобно какому-то всаднику, даетъ отъ себя побужденіе и силу въ каждомъ движеніи и при каждой остановкѣ. Посему-то, кажется мнѣ, и удостоенъ онъ болѣе надежнаго охраненія, обнесенный вокругъ и въ головѣ двойкою оградюю костей, и въ позвонокахъ выдающимися шипами и разнообразными снаружи переплетеніями, что охраняетъ его отъ всякой возможности что либо потернѣтъ, потому что окруженъ надежною стражей.

Подобнымъ образомъ можетъ иный заключить и о сердцѣ, что оно, подобно какому либо дому, приведенному въ безопасность твердынями, также отъсюду защищено, укрѣпленное костяными огражденіями. Ибо сзади проходитъ спинашій позвонокъ, съ обѣихъ сторонъ обезопасенный лопатками; въ каждомъ боку опоясывающее положеніе реберъ дѣлаетъ средину вимало неподверженною страданіямъ отънѣ. А спереди выдается грудь и пара ключицъ, чтобы сердце отъсюду было безопасно и охранено отъ внѣшнихъ прираженій. Подобное ибъчто можно видѣтъ въ земледѣліи, когда дождь изъ облаковъ, или орошеніе изъ водопроводовъ, увлаживаетъ землю. Представимъ себѣ въ умѣ садъ; въ немъ воспитываются тысячи разныхъ деревъ и всякаго рода произрастенія, у которыхъ въ каждомъ усматри-

ваются весьма различными и наружный видъ, и качество, и свойство цвѣта. И когда столько растѣній на одномъ мѣстѣ питаются тоюже влагою, хотя сила паляющая каждое изъ нихъ по естеству есть какая нибудь одна, однакоже свойство питаемыхъ растѣній прелагаетъ влагу въ разныя свойства. Одна и таже влага въ польши горкнетъ; въ цикутѣ дѣлается ядовитымъ сокомъ, а въ чемъ другомъ, въ шафранѣ, въ бальзамѣ, въ макѣ принимаетъ другія свойства, въ одномъ разгорячается, въ другомъ хладѣетъ, и въ иномъ оказываетъ въ себѣ среднее качество; въ лаврѣ, въ пардѣ и въ подобныхъ растѣніяхъ благоуханно; въ смоковницѣ и въ виноградѣ сладко; виноградною лозою обращается въ гроздь и въ вино. И кислота яблока, и румянецъ розы, и бѣлизна лилій, и голубоватость фіалки, и пурпуровый цвѣтъ гіацинта, и все, что можно видѣть на землѣ, прозябая изъ одной и тойже влажности, различается такимъ множествомъ разностей въ наружности, видѣ и качествахъ. Подобное и то что и на одушевленной нашей нивѣ чудотворитъ природа, или, лучше сказать, Владыка природы. Кости, хрящи, кровоносныя біющіяся жилы, волокны, связки, плоти, кожа, туки, волосы, железы, ногти, глаза, ноздри, уши, все сему подобное и сверхъ того тысячи другихъ суставовъ, отличающихся другъ отъ друга разными свойствами, питаются однимъ

родомъ нищи, соотвѣтственно своему естеству, такъ что нища, приблизившись къ каждому изъ членовъ, въ то и измѣняется, къ чему близка, дѣлаясь свойственною и сродною съ качествомъ сего члена. Если будетъ въ глазѣ, то срастворится съ этимъ зрительнымъ членомъ, и какъ свойственно разностямъ глазныхъ покрововъ, удѣлится каждому. Если приливаетъ къ слуховымъ суставамъ, смѣшивается съ естествомъ слуха; вонедши въ губу, дѣлается губой; въ костяхъ отвердѣваетъ, въ мозжечкѣ размягчается, приходитъ въ напряженіе въ жилахъ, и растягивается съ поверхностями, переходитъ въ погни, утопчается въ соотвѣтственныхъ испареніяхъ до того, что производитъ изъ себя волосы. Если проходитъ путями извилистыми, то порождаетъ волосы вьющіеся и курчавые; а если прохожденіе волосородныхъ испареній совершается путями прямыми, то и волосы производитъ долгіе и прямые.

Но слово наше далеко уклонилось отъ предложеннаго, углубляясь въ дѣла естества, и предприема описать, какъ и изъ чего составилось въ насъ все служащее, какъ къ тому, чтобы жить, такъ и къ тому, чтобы жить хорошо, и къ тому, что еще кромѣ сего примѣчено было нами по первому раздѣленію. Ибо предположено было нами доказать, что осѣмняющая причина нашего состава есть и не

душа безтѣлесная, и не тѣло неодушевленное, но что первоначально изъ одушевленныхъ и живыхъ тѣлъ раждается живое одушевленное существо. Человѣческое же естество, воспріявъ его, подобно нѣкоей кормилицѣ, само питаетъ его собственными своими силами; оно же питается въ обѣихъ своихъ частяхъ, и въ каждой части, соотвѣтственно одной, явно возрастаетъ. Ибо при семъ художественномъ и многоискусномъ образованіи естества тотчасъ обнаруживается сопряженная съ нимъ сила души, хотя въ началѣ оказывающаяся слабою, но въ послѣдствіи просіявающая вмѣстѣ съ усовершеніемъ орудія подобно тому, какъ можно сіе видѣть у ваятелей. Художнику нужно представить изъ камня видъ какого нибудь животнаго. Предположивъ себѣ это, сперва очищаетъ онъ камень отъ приросшаго къ нему вещества, потомъ, обѣими излишнія его части, подражаніемъ предположенному приближается къ нему нѣсколько въ грубомъ видѣ, такъ что и неискусный изъ видимаго угадываетъ цѣль искусства. Снова принимаясь обдѣлывать, еще болѣе приближается къ желаемому подобію. Потомъ, выработавъ изъ вещества совершенный и точный видъ, доводитъ искусство до конца. И этотъ, незадолго до того неизмѣнный никакого образа, камень дѣлается у художника, или львомъ, или человѣкомъ, или чѣмъ бы то ни было, не потому что вещество

измѣнено симъ видомъ, но потому что сей видъ искусственно придашь веществу. Нѣчто подобное приписывая душѣ, не погрѣшимъ противъ истины. Ибо утверждаемъ, что естество, художнически все обрабатывающее изъ однороднаго вещества, пріявъ въ себя часть, взятую отъ человѣка, создаетъ изваянiя. Но какъ за постепеннымъ обработыванiемъ камня послѣдовалъ видъ, сначала слабый, а по окончанiи дѣла совершеннѣйшiй: такъ и въ изваянiи орудiя видъ души, соотвѣтственной предположенному, проявляется въ несовершенномъ несовершеннѣй, и въ совершенномъ совершеннѣй.

Но опъ былъ бы совершенъ и въ самомъ началѣ, если бы естество не было повреждено грѣхомъ. Потому-то общенiе съ рожденiемъ страстнымъ и скотскимъ сдѣлало, что не вдругъ въ твари просiяваетъ Божiй образъ, но какимъ-то путемъ и послѣдовательно по вещественнымъ и животнымъ болѣе свойствамъ души ведетъ человѣка къ совершенству. Подобное ученiе излагаетъ и великiй Апостоль въ посланiи къ Коринтянамъ, говоря: *егда быхъ младенецъ, яко младенецъ глаголахъ, яко младенецъ слышяхъ: егда же быхъ мужъ, отвергохъ младенческая (1 Кор. 13, 11.);* не потому что въ мужа входитъ другая душа, кромѣ умопредставляемой въ отрокѣ, и отвергается младенческое разумѣнiе, а появляется мужское,

во потому, что таже душа, въ младенцѣ несовершенная, въ мужѣ оказывается совершенною.

Какъ о томъ, что раждается и растеть, говоримъ, что оно живеть, такъ и о всякомъ существѣ, которое причастно жизни и естественнаго движенія, никто не скажетъ, что оно неодушевлено, хотя и невозможно утверждать, что подобная жизнь причастна совершенной души. Ибо являющаяся въ растѣніяхъ душевная нѣкая дѣятельность не достигаетъ до движенія чувства. Опять и въ безсловесныхъ, съ приращеніемъ оказывающая себя душевная нѣкая сила также не достигаетъ совершенства, потому что не вмѣщаетъ въ себѣ дара слова и разумія. Посему говоримъ, что душа человѣческая есть душа истинная и совершенная, дающая познавать себя всякою дѣятельностію. Если же что иное причастно жизни, то называемъ сіе одушевленнымъ по привычкѣ выражаться неточно, не потому что въ этомъ есть совершенная душа, но потому что примѣтны въ этомъ нѣкоторыя части душевной дѣятельности, которыя, какъ дознаемъ по Моисееву таинственному сказанію о бытіи человека, появились и въ немъ отъ того, что освоился съ страстнымъ. Посему-то и Павелъ желающимъ слушать, совѣтуя достигать совершенства, предлагаетъ и способъ, какъ улучшить желаемое, говоря, что должно совлечься *вет-*

хато чловѣка, и облечься въ новаго, обновляемаго по образу Создавшаго (Кол. 2, 22.). Но да возвратимся и все къ той боговидной благодати, съ которой въ началѣ сотворилъ Богъ чловѣка, сказавъ: сотворилъ чловѣка по образу Нашему и по подобію. Ему слава и держава во все вѣки вѣковъ! Аминь.

О П Е Ч А Т К И.

Напечатано:

Должно читать:

СТРАН. СТРОК.

12	4	сп. вбо	небо
35	6	св. исправленіемъ	исправленіемъ
70	1	— порядка. Если	порядка; если
71	15	— естество	естество
115	4	сп. измѣдываніа	измѣдыванія
116	5	св. не признаютьъ	не признаю
123	7	сп. языкомъ	языкомъ
131	12	св. она	она
133	15	сп. упражняется	управляется
135	2	— одной	одной
151	15	св. возмуженіе	возмужденіе
155	12	сп. не явно	не не явно
158	8	— по и не чистое	и не чистое
187	13	— не заключать	не заключаешь
222	4	св. съ которой	въ которой
234	11	— работали	работами
—	4	сп. жезлемъ	жезлами
—	12	— покою	покою
238	3	св. надъ нимъ	надъ нимъ
250	8	сп. ставъ	ставъ
259	2	св. вслѣдствіе	вслѣдствіе
261	7	сп. свойства	свойства
—	15	— безопасности	безопасность
277	10	св. полнаго	полною
—	1	сп. плева	плева и стѣблие

И

278	1 св.	служить	служать
285	2 сл.	пругами	пругами
292	1 св.	ваюшимь предлагаемому	предлагасмому
—	7 сл.	ясно	явно
296	5 сл.	были	быль
300	8 —	времени	времени
311	1 —	и показавъ	покажетъ
322	13 —	видѣліе	вицліе
327	1 —	принадлежить	принадлежатъ
376	6 —	киркеншой	киркешной
377	3 св.	содержащее	содержащееся
393	7 сл.	реченія	раченія
413	14 —	непримѣстно зависти	чисто отъ зависти
414	5 —	только избираеть	только, избравъ
421	3 —	жизнію.	жизнію?
422	9 —	лучше	лучшее
430	12 св.	Единому	единому
440	12 сл.	остаточнаго	достаточнаго
441	9 св.	самихъ	самовъ
445	13 —	а Ты	а Ты,
461	5 сл.	слышитъ	слышитъ,

СОДЕРЖАНИЕ

ТРИДЦАТЬ СЕДМАГО ТОМА

ТВОРЕНИЙ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ.

ТВОРЕНИЯ СВЯТАГО ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

(ЧАСТЬ ПЕРВАЯ).

	Стран.
1. О шестодневѣ.....	1
2. Объ устроеніи чловѣка.....	76
3. О жвзни Моисея законодателя.....	223
4. О молитвѣ.....	380
